

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

2024 Том 11 № 4
DOI 10.22363/2312-8313-2024-11-4

Научный журнал
Издается с 2014 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61271 от 03.04.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Иванов В.Г.,

доктор политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры государственного и муниципального управления ГУУ, Москва, Российская Федерация

E-mail: ivanov_vg@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Белоконов С.Ю.,

кандидат политических наук, научный руководитель факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ

СЕКРЕТАРЬ

Минасян Г.С.,

кандидат политических наук, ассистент кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: minasyan_gs@pfur.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Барабашев А.Г. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственной службы, декан факультета государственного и муниципального управления НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия
Велиева Д.С. — доктор юридических наук, профессор Поволжского института управления РАНХиГС, г. Саратов, Россия

Вертинский И. — доктор философии, профессор, директор Центра международных исследований корпоративного и общественного управления, Университет Британской Колумбии, г. Ванкувер, Канада

Вольманн Х. — PhD, профессор публичного администрирования и общественной политики Берлинского университета имени Гумбольдта, г. Берлин, Германия

Ворончук И. — доктор экономических наук, профессор, глава департамента публичного администрирования факультета экономики и менеджмента Латвийского университета, г. Рига, Латвия

Кочегура А.П. — доктор философии (PhD), член Европейской Ассоциации специалистов в области государственного управления (EGPA), г. Москва, Россия

Ма Ф. — доктор наук, профессор института политологии и государственного управления, заведующий центром исследования России и Центральной Азии, вице-директор института исследования ШОС Шаньдунского университета, г. Циндао, КНР

Марголин А.М. — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, проректор РАНХиГС, г. Москва, Россия

Масленникова Е.В. — кандидат социологических наук, руководитель отдела аналитических исследований Дирекции научно-технических программ, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления РАНХиГС, г. Москва, Россия

Прокофьев С.Е. — доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Ропрет М. — PhD, профессор кафедры государственного управления Университета Любляны, г. Любляна, Словения

Стриелковский В. — PhD, профессор, управляющий директор Пражского института повышения квалификации, г. Прага, Чехия, почетный профессор Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия

Хоппе Р. — PhD, почетный профессор Школы менеджмента и государственного управления Университета Твенте, сотрудник Института науки о государственном управлении, сотрудник Нидерландского института управления, г. Энскеде, Нидерланды

Чуев С.В. — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления и советник ректора Государственного университета управления, г. Москва, Россия

Шедлер К. — PhD, профессор, директор Института менеджмента и государственного управления, Университет Санкт-Галлена, г. Санкт-Галлен, Швейцария

Шульц Д. — PhD, профессор кафедры политических наук Университета Хэмлин, г. Сент-Пол, США

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ**

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.2.1, 5.5.2, 5.5.3, 5.5.4 с 01.02.2022.

Материалы журнала индексируются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки, Научная электронная библиотека «КиберЛенинка», Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Dimensions, East View, DOAJ.

Цели и тематика

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление» – рецензируемое научное периодическое издание, учрежденное в конце 2013 года.

Цель издания: содействие развитию науки о государственном управлении и местном самоуправлении, ее популяризации в Российской Федерации, а также создание площадки для обсуждения междисциплинарной и практико-ориентированной проблематики государственного и муниципального управления.

На страницах журнала авторам статей, ученым и практикам, представляется возможность обсуждения основных идей и проблем государственного и муниципального управления, публикация результатов анализа актуальных вопросов государственного управления в России, теоретического осмысления тенденций и перспектив развития местного самоуправления, обобщения зарубежной практики и опыта публичного администрирования и менеджмента, освещения современных тенденций развития высшего профессионального образования в области государственного и муниципального управления и т.д.

Основные рубрики журнала: государственное управление: теория и практика, зарубежный опыт управления, становление и развитие местного самоуправления в России, культура управленческой деятельности, антология государственного управления и другие.

Читательская аудитория журнала: ученые и исследователи, практики государственного и муниципального управления, а также широкий круг читателей, интересующийся проблемами государственного и муниципального управления в Российской Федерации и других странах мира.

В редакционную коллегию журнала входят ведущие ученые и эксперты международного и национального уровня в сфере государственного и муниципального управления.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству ученых, научных работников, аспирантов, работающих в сфере государственного и муниципального управления.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/public-administration>

Электронный адрес: pubadmj@rudn.ru

**Литературный редактор *О.В. Горячева*
Редактор англоязычных текстов *В.Г. Иванов*
Компьютерная верстка: *И.А. Чернова***

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Подписано в печать 25.12.2024. Выход в свет 28.12.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 9,80. Тираж 500 экз. Заказ № 1733. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION

2024 Volume 11 Issue 4

DOI 10.22363/2312-8313-2024-11-4

Scientific journal

Founded in 2014

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir G. Ivanov,
Doctor of Political Sciences,
Associate Professor of the
Department of State and
Municipal Management, RUDN
University; Full Professor of The
State University of Management,
Moscow, Russian Federation
E-mail: ivanov_vg@rudn.ru

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergey Y. Belokonev,
PhD in Political Science,
Scientific Supervisor of the
Faculty of Social Sciences
and Mass Communications,
Financial University under the
Government of the Russian
Federation; Associate Professor
of the Department of State and
Municipal Administration, The
State University of Management,
Moscow, Russian Federation
E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Garush S. Minasyan
PhD in Political Science,
Assistant at the Department of
State and Municipal Management,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation
E-mail: minasyan_gs@pfur.ru

EDITORIAL BOARD

Aleksey G. Barabashev — Doctor of Economics, Professor and Head of the Civil Service Department, Dean of the Public Administration Department, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chuev — PhD in History, Head of the Department of State and Municipal Administration, The State University of Management, Moscow, Russian Federation

Robert Hoppe — PhD, Honorary Professor, University of Twente, Enschede, Netherlands

Aleksandr P. Kochegura — PhD in Philosophy, European Association of Professionals in Public Administration (EGPA), Moscow, Russian Federation

Fenshu Ma — PhD, Professor, Institute of Political Science and Public Administration, Head of the Center for Russian and Central Asian Studies, Vice Director of the SCO Research Institute, Shandong University, Qingdao, People's Republic of China

Andrey M. Margolin — Doctor of Economics, Full Professor, Honored Economist of Russia, Pro-Rector of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Elena V. Maslennikova — PhD in Sociology, Head of Analytical Research Department; Leading Researcher of the Center of State Management Technologies, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Stanislav E. Prokof'ev — Doctor of Economics, Rector of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Marko Ropret — PhD, Professor of the Department of Public Administration, University of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia
Kuno Schedler — PhD, Professor and Director of the Institute of Management and Public Administration, University of St. Gallen, St. Gallen, Switzerland

David Schultz — PhD, Professor of The Political Science Department, Education University of Hamlin, Saint Paul, United States

Wadim Strielkowski — PhD, Professor, Managing Director of Prague Institute for Qualification Enhancement, Prague, Czech Republic; Emeritus professor of Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

Dzhamilya S. Velieva — Doctor of Law, Professor and Head of the Department of Constitutional and International Law, Povolzhsky Institute of Management RANEPa, Saratov, Russian Federation

Ilan Vertinsky — PhD, Professor and Director of Center for International Studies, Corporate and Public Administration, University of British Columbia, Vancouver, Canada

Inesa Voronchuk — Doctor of Economics, Professor and Head of Public Administration Department of Economics and Management Faculty, Latvian University, Riga, Latvia

Hellmut Wollmann — Doctor of Law, Professor of Public Administration and Public Policy Department, Berlin Humboldt University, Berlin, Germany

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University), Moscow, Russia

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Russian Index of Science Citation, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, Dimensions, East View, DOAJ.

Aim and Scope

"RUDN Journal of Public Administration" is a specialized peer-reviewed scientific journal established in 2013, and a quarterly publication. The Editorial Board of the journal includes renowned researchers from Russia, Canada, Germany, Poland, Latvia, Slovenia, Czech Republic, Netherlands, Switzerland and the USA.

The mission of the journal is boosting research efficiency in the field of public administration on theoretical and applied levels, as well as creation of an international platform to discuss interdisciplinary and practice-oriented perspectives and best practices of public administration.

The journal encourages the authors to discuss current concepts, ideas and problems of public administration, analyze contemporary issues of public administration, the trends and prospects of local government development, evaluate and conceptualize international practices and experience of public administration and management.

The main journal sections are: "Current Problems of Public Administration", "Theory and Practice of Public Administration", "International Experience of Public Administration", "Formation and Development of Local Government", "Academic Life" and others.

The journal is designed for publishing the results of independent and original research works by researchers, officials in the sphere of public administration, professors of Universities and other scientific centers in the form of articles, review materials, scientific reports, and bibliographical reviews on certain subjects and within selected scientific areas.

The target international audience of the journal are researchers, practitioners and postgraduate students who are interested in problems and perspectives of public administration. The Journal can be useful for decision-making experts, information and analytical departments of governments, political and public organizations and commercial institutions.

The journal editorial board includes leading scientists and experts on international and national levels. Further information regarding notes for contributors, editorial policies, subscription and archive is available at <http://journals.rudn.ru/public-administration>

E-mail: pubadmj@rudn.ru

Review Editor *O.V. Goryacheva*

English Text Editor *V.G. Ivanov*

Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Public Administration:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Белоконев С.Ю., Левина Е.В. Социально-политические детерминанты социального самочувствия населения: теоретико-прикладной аспект 401

Колыхалов М.И. Общественно-политические аспекты реализации проектов умного урбанизма 412

Фролова Ю.Н. Проблема соотношения лидерства и организационной культуры в политике 425

Беркалиев А.А., Гераничева Е.А., Ковалева Д.Н. Принципы организации системы государственного управления в период правления Екатерины II и современного политического устройства в РФ: сходство и различие 434

Фивейская Е.Ю., Накисбаев Д.В. Развитие цифровой медиаграмотности школьников в контексте профильного обучения: теоретическая основа и методология 443

Шутов И.А., Иванов В.Г. Совершенствование механизмов миграционной политики путем применения технологий блокчейн 453

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Yagodka N.N., Wang Y. Interactive Model of the China-US-Russia Triangle Relationship: Theoretical Analysis and Development Prospect (Интерактивная модель треугольных отношений Китай — США — Россия: теоретический анализ и перспективы развития) 460

Бутенко В., Чекмазов А.И. Интеграция иммигрантов: опыт государственного регулирования в странах Северной Европы 472

СЛОВО СТУДЕНТАМ, АСПИРАНТАМ И МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

Мишин А.С., Новикова А.В., Попов С.И. Московский опыт применения технологии «умного сноса» жилых домов 485

Adigun U.O., Okunade I.O. Human Relations in Management: A Critical Analysis of Neo-Classical Theory (Теория человеческих отношений в управлении: критический анализ) 495

CONTENTS

CURRENT PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION

Belokonev S.Yu, Levina E.V. Socio-Political Determinants of Social Well-Being of the Population: Theoretical and Applied Aspect 401

Kolykhalov M.I. Socio-Political Aspects of the Implementation of Smart Urbanism Projects 412

Frolova Yu.N. The Issue of the Relationship Between Leadership and Organizational Culture in Politics 425

Berkaliev A.A, Geranicheva E.A, Kovaleva D.A. The Principles of the Organization of the Public Administration System During the Reign of Catherine II and the Modern Political System in the Russian Federation: Similarities and Differences 434

Fiveyskaya E.Yu, Nakisbaev D.V. Development of Digital Media Literacy in Students in the Context of Specialized Education: Theoretical Basis and Methodology 443

Shutov I.A., Ivanov V.G. Improving Migration Policy Mechanisms Using Blockchain Technologies 453

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

Yagodka N.N, Wang Y. Interactive Model of the China-US-Russia Triangle Relationship: Theoretical Analysis and Development Prospect 460

Butenko V., Chekmazov A. Nordic Countries’ Practices of State Regulation of Immigrant Integration 472

ARTICLES OF STUDENTS, POSTGRADUATE AND YOUNG SCIENTISTS

Mishin A.S., Novikova A.V., Popov S.I. The Experience of Using “Smart Demolition” Technology for Residential Buildings in Moscow 495

Adigun U.O., Okunade I.O. Human Relations in Management: A Critical Analysis of Neo-Classical Theory 485

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

CURRENT PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-4-401-411

EDN: GJKAYB

Научная статья / Research article

Социально-политические детерминанты социального самочувствия населения: теоретико-прикладной аспект

С.Ю. Белоконов^{1, 2, 3} , Е.В. Левина^{1, 3, 4}

¹Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

²Государственный университет управления, Москва, Россия

³Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск, Россия

⁴Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия

 elena.v.levina@gmail.com

Аннотация. Авторами приведен анализ и дана оценка влияния социально-политических факторов на уровень социального самочувствия населения РФ, выделены ключевые показатели, которые могут изучаться как самостоятельно, так и в составе интегральных индексов. Интерес представили такие переменные, как уровень социальной справедливости, национальная гордость, индексы доверия власти, общественные и индивидуальные индексы протестной активности, отдельно рассмотрены феномены социальной апатии и адаптации, отражающие деятельностный аспект социального самочувствия населения. Использован комплексный методологический аппарат, который включал в себя общенаучные и частнонаучные методы и приемы исследований: анализ, синтез, дедукция, индукция, классификация, систематизация в изучении подходов к рассмотрению компонентов социального самочувствия, сравнительный дискурсивный анализ его детерминант на основе трудов российских и зарубежных ученых, математико-статистический и вторичный анализ открытых данных, полученных в ходе ранее проведенных исследований по заявленной проблеме. Анализ и оценка динамики социально-политических показателей социального самочувствия выявили средние показатели, что указывает на адаптацию населения к текущей социально-политической обстановке. Полученные результаты могут быть использованы социологами, экономистами, политологами в разработке концептуальных положений социальной политики и социального управления, а также для дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: социальное благополучие, индикатор, методология, интегральный показатель, социальная справедливость, адаптация, апатия, протестные настроения, доверие власти

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции исследования, сбора, обработки и анализа данных, написании текста рукописи, формулировке выводов.

© Белоконов С.Ю., Левина Е.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания и выполнения научных исследований ФГБОУ «МГУ им. Н.П. Огарева» г/б 31–24 «Социальное самочувствие жителей России в условиях построения справедливого социального государства (на примере студенческой молодежи)».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 05.11.2024; принята к публикации 12.12.2024.

Для цитирования:

Белоконев С.Ю., Левина Е.В. Социально-политические детерминанты социального самочувствия населения: теоретико-прикладной аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 4. С. 401–411. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-401-411>

Socio-political determinants of social well-being of the population: Theoretical and applied aspect

Sergey Yu. Belokonev^{1, 2, 3} , Elena V. Levina^{1, 3, 4}

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, *Moscow, Russian Federation*

²State University of Management, *Moscow, Russian Federation*

³Ogarev Mordovian State University, *Saransk, Russian Federation*

⁴Central Economic and Mathematical Institute of RAS, *Moscow, Russian Federation*

 elena.v.levina@gmail.com

Abstract. The study presented the analysis and assessment of the impact of socio-political factors on the level of social well-being of the country's population (on the example of the Russian Federation). The authors highlighted the key indicators that are studied both independently and as part of integral indices. Thus, such variables as the level of social justice, national pride, indices of trust in government, public and individual indices of protest activity were of special interest, as well as the phenomena of social apathy and adaptation reflecting the activity aspect of the social well-being of the population. The authors used a comprehensive methodological apparatus, which included general scientific and private scientific methods: analysis, synthesis, deduction, induction, classification, systematization in the study of approaches to the consideration of components of social well-being; comparative discursive analysis of its determinants based on the works of Russian and foreign scientists, mathematical, statistical and secondary analysis of open data obtained in the course of previously conducted research on the stated problem. Analysis and assessment of the dynamics of socio-political indicators of social well-being revealed average indicators, which indicates the adaptation of the population to the current socio-political situation. The obtained results can be used by sociologists, economists, and political scientists in the development of conceptual provisions of social policy and social management, as well as for further scientific research.

Keywords: social well-being, indicator, methodology, integral indicator, social justice, adaptation, apathy, protest moods, trust in the authorities

Contribution. All the authors participated in the development of the concept of this review, data collection, processing and analysis, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Funding. The article was prepared within the framework of the state assignment and scientific research of the Ogarev Moscow State University g/b 31–24 “Social well-being of Russian residents in the conditions of building a fair social state (on the example of student youth)”.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 05.11.2024. The article was accepted on 12.12.2024.

For citation:

Belokonev SYu, Levina EV. Socio-political determinants of social well-being of the population: Theoretical and applied aspect. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(4):401–411. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-401-411>

Введение

Современные условия, связанные с усугублением экономического кризиса, санкционного давления, развертыванием против России гибридной войны, усиливающимся противостоянием между Россией и Западом, диктуют необходимость мониторинга, анализа и оценки социального самочувствия населения как индикатора благополучия граждан в контексте построения справедливого государства. Феномен социального самочувствия является достаточно сложным и многослойным, что обуславливает широкий спектр исследований в рамках различных научных направлений: философии, психологии, социологии, политологии, а также и междисциплинарных исследований.

Цель исследования заключается в анализе и оценке влияния социально-политических детерминант на уровень социального самочувствия населения.

Теоретико-методологическая база исследования

Проблема выявления социально-политических детерминант социального самочувствия в условиях нестабильности и динамичности среды приобретает злободневный и актуальный характер. Вопросы социального самочувствия населения находятся в центре внимания политологов, социологов, социальных психологов, экономистов, начиная с 1960–1970 гг.

Среди зарубежных исследователей целесообразно выделить Э. Динера, Н. Брэдберна и К. Рифф, изучающих как субъективное, так и социальное благополучие, М. Аргайла [1] и М. Селигмана [2], рассматривающих феномен счастья и его компоненты, Р. Истерлина, центральное место в работах которого занимали социально-экономические параметры, а именно влияние дохода на уровень удовлетворенности жизнью [3; 4] и др.

Вопросы социального самочувствия в рамках российских исследований были освещены в работах А.А. Русалиновой [5], где в качестве компонента социального самочувствия выделялась уверенность в завтрашнем дне, Ж.Т. Тощенко и С.В. Харченко [6], изучающих социальные настроения населения с выделением объективных и субъективных параметров, Н.Е. Симоновича [7; 8], рассматривающего социальное самочувствие как интегральный показатель и выделяющего его ключевые компоненты, и др.

Влияние социально-политических факторов на социальное самочувствие затрагивается в работах А.В. Андреевской, Н.В. Андреевской [9],

фокусирующих внимание на воздействии уровня доверия власти, С.Ю. Белоконова, Е.В. Левиной [10], выделяющих индикаторы анализа доверия органам государственного управления, М.Ю. Виноградова и А.А. Сусловой [11], изучающих феномен социальной адаптации и апатии, Н.Х. Гафиатулиной, Н.М. Сизовой, Е.И. Хубулури [12], выявляющих связь между изучаемым феноменом и социальной справедливостью, Э.А. Камалова, Э.Д. Понарина [13], исследующих влияние национальной гордости на социальное благополучие, и др.

Значительное количество исследований по данной проблеме обуславливает необходимость проведения дальнейших научных изысканий в социально-политическом контексте.

В качестве методологического аппарата для реализации комплексного подхода к изучению социально-политических детерминант социального самочувствия населения мы применили следующую совокупность общенаучных и частнонаучных технологий, методов и приемов:

- анализ, синтез, систематизация, обобщение, структуризация для выделения комплекса социально-политических детерминант в интегральных показателях социального самочувствия;
- дискурсивный и сравнительный анализ результатов исследований российских и зарубежных ученых, посвященных социальному благополучию, самочувствию, качеству жизни, социальной справедливости, адаптации, доверию власти и пр.;
- математико-статистический анализ для изучения динамики уровня социального самочувствия в социально-политическом контексте;
- вторичный анализ эмпирических данных ранее проведенных исследований по похожей проблематике.

Результаты исследования

В рамках нашего исследования интерес представляет конструкт социального самочувствия, предложенный Н.Е. Симоновичем, который обобщил предыдущие наработки и продолжил научные изыскания в данном направлении. В границах конструкта социального самочувствия выделялись три компонента: оценочно-когнитивный компонент, связанный с осмыслением и оценкой индивидом своей позиции в группе и обществе в целом, восприятие и осмысление своих ожиданий; эмоциональный компонент, включающий в себя чувства и настроения индивидов и групп, эмоциональное состояние в конкретной жизненной ситуации, в первую очередь оказывающий влияние на уровень удовлетворенности / неудовлетворенности жизнью; деятельностно-поведенческий компонент, указывающий на степень социальной активности, проявляемый в готовности или неготовности субъекта к деятельности по изменению или сохранению условий жизни.

Таким образом, Н.Е. Симонович, как и его предшественники, выделял эмоциональный, когнитивный и поведенческий аспекты социального

самочувствия и трактовал его как интегральный показатель, включающий в себя социальную позицию и ее оценку, осознание и переживание, а также поведенческое проявление, связанное с активностью индивида, направленную на самореализацию и социальное существование [8; 14]. По мнению ученого, если рассматривается социальное самочувствие большой социальной группы (большого количества людей), то исследователи имеют дело с массовым (или нерасчлененным) самочувствием, которое указывает на обобщенное видение и переживания, имеющие устойчивый и длительный характер, не поддающиеся моментальному (сиюминутному) изменению. В ходе изучения нерасчлененного самочувствия выделены его отличительные черты:

- может иметь созидательный или разрушительный эффекты, оптимистическое или пессимистическое настроение, лишая уверенности или конструируя ее на пути достижения поставленных целей;
- может отражаться в решительности или нерешительности субъектов в направлении реализации планов, может носить ярко выраженный характер и проявляться в кардинальных действиях (например, противостояния и митинги) или в пассивном настрое групп;
- может обладать различной степенью насыщенности: ярким, средним или слабым проявлением одобрения или неодобрения;
- может отличаться широкой степенью охвата, в случае интенсивных форм носит краткосрочный характер;
- имеет высокую степень заразительности, особенно при воздействии различных социальных технологий (например, PR) [15].

В таком случае, целесообразно отметить, что социальное самочувствие формируется не только под влиянием внутриличностных особенностей индивидов, но и под воздействием социальных условий в целом и социально-политических детерминант в частности.

В исследованиях М.К. Горшкова социальное самочувствие рассматривается в контексте вовлеченности индивида в общественную жизнь и связано с состоянием внешнего окружения и оценкой субъектами конкретной ситуации. Ученым была предложена типология социального самочувствия, в основу которой легли такие составляющие, как удовлетворенность субъекта материально-экономическим состоянием, социально-психологическими и социокультурными условиями, степень выраженности чувств, оценок эмоционального и физического состояния [16].

Таким образом, социальное самочувствие целесообразно рассматривать как формирующийся в процессе адаптации личности к общественной жизни интегральный показатель, оценочными параметрами которого становятся: оценка объективных условий реализации личностных целей и намерений; восприятие субъективного благополучия; анализ и оценка индивидуальных достижений.

Связь социального самочувствия с социальной справедливостью отражена в исследованиях Н.Х. Гафиатулиной, Н.М. Сизовой, Е.И. Хубулури, причем феномен социального самочувствия понимается как «индикатор социального мироощущения» [12], который сочетает в себе уровень материального

благополучия и ощущение удовлетворенности/неудовлетворенности социальным положением, защищенности/незащищенности своего развития и самореализации. Социальная справедливость отождествляется с понятием равенства, проявляющегося в равных правах и возможностях для разных социальных групп. В контексте нашего исследования мы выделили ключевые индикаторы социальной справедливости как компонента социального самочувствия: равенство в достатке, в доступности образования и медицинских услуг, перед законом (рис. 1).

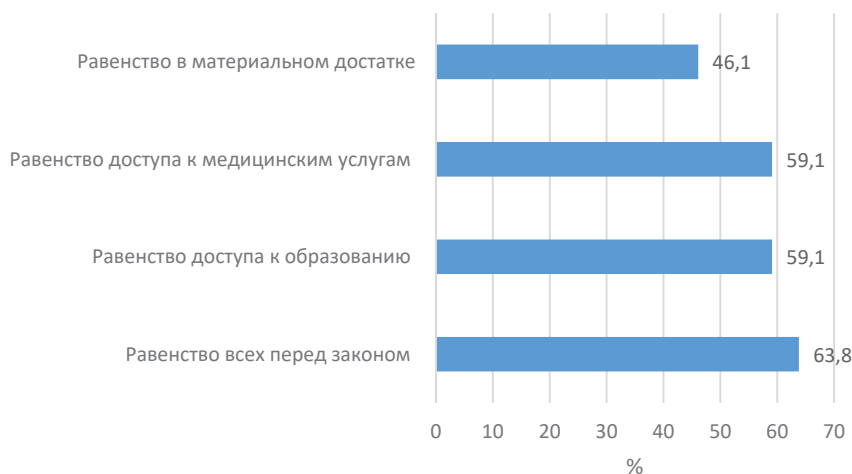

Рис. 1. Индикаторы социальной справедливости как компонента социального самочувствия

Источник: выполнено С.Ю. Белоконовым, Е.В. Левиной по данным [12] с помощью MS Excel.

Воздействие чувства национальной гордости на социальное благополучие и, соответственно, социальное самочувствие, рассмотрено Э.А. Камаловой, Э.Д. Понариным. Исследователи отмечают: чем выше национальная гордость индивида, тем выше его уровень социального благополучия, причем больший эффект национальная гордость имеет для индивидов с низким уровнем дохода и/или имеющих проблемы со здоровьем в индивидуальной оценке социальной удовлетворенности [13].

Феномен социальной адаптации и его воздействие на социальное самочувствие затрагиваются в работах М.Ю. Виноградова и А.А. Сусловой [11]. По мнению авторов, одним из компонентов социального самочувствия является деятельностный, проявляющийся в готовности или неготовности индивидов к социальной активности по изменению или сохранению актуальных условий жизни. Социальная апатия — феномен, отражающий отношение индивидов к социально-политической ситуации, которая может проявляться и трактоваться в следующих направлениях:

- утрата интереса к социально-политической жизни;
- снижение мотивации к проявлению социальной активности;
- безразличие к актуальной ситуации, отсутствие эмоциональности;

- равенство между социальной апатией и депрессией [11].

В данном контексте целесообразно упомянуть принцип американского социолога, автора работы «К теории революции» Джеймса Дэвисона, получивший название «Кривая Дэвисона», которая объясняет причины революций, заключающиеся в следующем: революция происходит в тех случаях, когда период подъема, сформировавший у людей определенные ожидания и надежды, сменяется резким упадком, причем протестную активность стимулирует не нужда, а завышенные ожидания и требования к жизни в период относительного благополучия государства.

Следует отметить, что реализуется достаточно большой спектр исследований, как российских, так и зарубежных, направленных на разработку индикаторов для анализа и оценки социального самочувствия населения.

В современной России социально-политические детерминанты оказывают значительное воздействие на уровень социального самочувствия населения, среди них на первый план выходят: внутренняя политика и состояние дел в стране, уровень доверия власти (президенту, правительству, главам регионов и пр.), отношение к СВО и протестная активность (общественная и личная).

По данным ВЦИОМ, индекс доверия Президенту РФ варьируется в интервале 59–66 единиц, что указывает на среднее/выше среднего значение, однако доля тех, кто ответил на вопрос о доверии Президенту РФ положительно («доверяю/скорее доверяю») превышает 78 % (рис. 2).

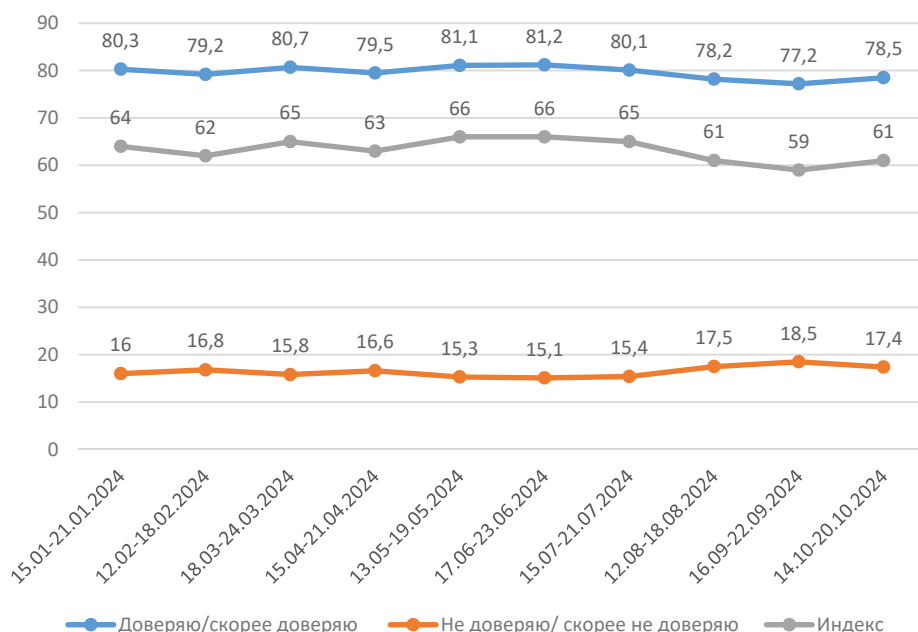

Рис. 2. Динамика индекса доверия Президенту РФ в период январь — октябрь 2024 г

Источник: выполнено С.Ю. Белоконовым, Е.В. Левиной по данным ВЦИОМ¹ с помощью MS Excel.

¹ Доверие политикам // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/page?ysclid=m2ubctiznj410964910> (дата обращения: 29.10.2024).

Индекс доверия Председателю Правительства РФ варьируется от 43 до 48 баллов, что свидетельствует о среднем /ниже среднего уровне доверия, а соответственно, о невысоком уровне социального самочувствия.

Как отмечено выше, показатель социального самочувствия носит как оценочный, так и деятельностный характер, который может указывать на готовность граждан к активным действиям, направленным на изменение или сохранение социального статуса. Таким образом, целесообразно проследить динамику индекса протестной активности, как общественной, так и личностной.

В период с января по сентябрь-октябрь 2024 г. наблюдается стабильное состояние индекса общественной протестной активности, значение которого не превышает 13, а доля респондентов, выразивших негативное отношение к протестам, варьируется от 80 до 84 % (рис. 3).

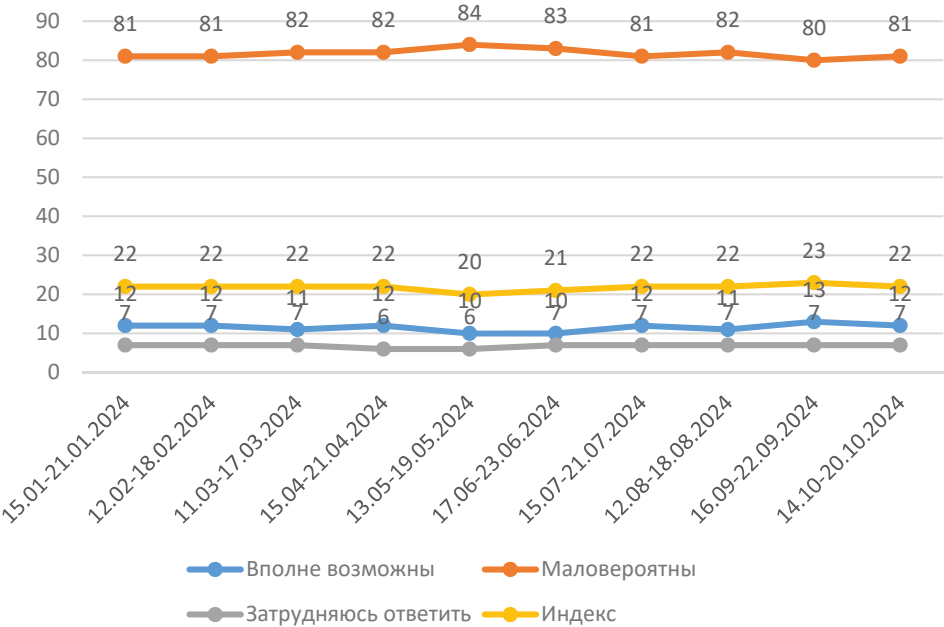

Рис. 3. Динамика индекса общественной протестной активности в период с января по октябрь 2024 г. (Вопрос: Как Вы думаете, насколько вероятны сейчас в вашем городе/сельском районе массовые акции протеста против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав и свобод?)

Источник: выполнено С.Ю. Белоконевым, Е.В. Левиной по данным² с помощью MS Excel.

Похожая ситуация наблюдается в динамике индекса личной протестной активности, доля россиян, не собирающихся демонстрировать протестное поведение, составила около 79...84 % (рис. 4).

² Протестный потенциал // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial?ysclid=m2ud0bg87n879673034> (дата обращения: 29.10.2024).

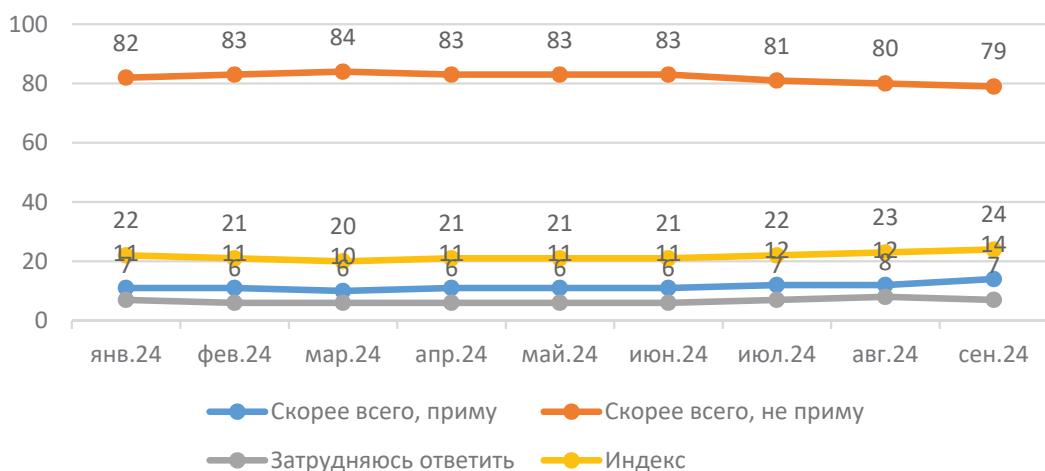

Рис. 4. Динамика индекса личной протестной активности в период с января по сентябрь 2024 г. (Вопрос: Если в вашем городе/сельском районе состоятся массовые выступления протеста против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав и свобод, Вы лично примете в них участие или нет?)

Источник: выполнено С.Ю. Белоконовым, Е.В. Левиной по данным³ с помощью MS Excel.

Показатели индекса общественной и личной протестной активности могут указывать как на относительную удовлетворенность внутренней политикой, так и на адаптацию россиян к текущей ситуации.

Одним из социально-психологических параметров, указывающих на уровень социального самочувствия, становится Национальный индекс тревожности, представленный исследовательской компанией КРОС. По состоянию на второй квартал 2024 г., в топ-5 главных тревог по суммарному индексу россиян вошли: возможные природные катаклизмы (386,57), рост цен (306,08), эскалация конфликта со странами НАТО (273,80), атаки БПЛА (272,54), мошенничество (107,85). По индексу приживаемости, который находит свое отражение в проявляемой тревожности в социально-медийном пространстве, топ-5 тревог составили: растущая зависимость от Китая (3,12), мошенничество (1,35), возможный неурожай (1,28), наступление инфекций (1,25)⁴. Так, среди социально-политических детерминант в данном случае необходимо отметить направленность политики государства и внешнеполитическую ситуацию, которые обуславливают повышение уровня тревожности граждан и могут воздействовать на динамику уровня социального самочувствия.

³ Национальный индекс тревожности // Официальный сайт компании КРОС. URL: <https://www.cros.ru/ru/exploration/anxiety/4112/> (дата обращения: 21.10.2024).

⁴ Национальный индекс тревожности. Официальный сайт компании КРОС. URL: <https://www.cros.ru/ru/exploration/anxiety/4112/> (дата обращения: 21.10.2024).

Заключение

Социальное самочувствие является комплексным интегральным показателем, включающим в себя когнитивные, психологические и деятельностные компоненты, на которые оказывают воздействие социально-политические детерминанты.

Анализ компонентов социального самочувствия в Российской Федерации с текущий период позволил выявить следующие социально-политические детерминанты, оказывающие воздействие на его динамику: социальная солидарность, адаптация и апатия, национальная гордость и идентичность, доверие власти, удовлетворенность внутренней политикой государства и вектором его развития, протестная активность.

Анализ и оценка динамики социально-политических показателей социального самочувствия выявили средние показатели, причем уровень доверия Президенту РФ значительно выше по сравнению с уровнем доверия другим политическим деятелям, а протестные настроения (как на личном, так и на общественном уровнях) имеют слабую выраженность, что может указывать на адаптацию к текущей социально-политической обстановке или удовлетворенность векторами развития страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аргайл М.* Психология счастья. СПб. : Питер, 2003. 271 с.
2. *Селигман М.* Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М. : София, 2006. 368 с.
3. *Easterlin R.A.* Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // Nations and households in economic growth / ed. by R.A. Easterlin. Pennsylvania, 1974. P. 89–125. <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-205050-3.50008-7>
4. *Ларин А.В., Филясов С.В.* Парадокс Истерлина и адаптация в России // Экономический журнал ВШЭ. 2018. Т. 22. № 1. С. 59–83. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-1-59-83>
5. *Грачев А.А., Русалинова А.А.* Социальное самочувствие человека в организации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 8. № 30. С. 7–17.
6. *Тощенко Ж.Т., Харченко С.В.* Социальное настроение. М. : Academia, 1996. 195 с.
7. *Симонович Н.Е.* Социальное самочувствие людей и технологии его исследования в современной России. М. : РГГУ, 2003. 247 с.
8. *Симонович Н.Е.* Социальное самочувствие как социально-психологический феномен в изменяющемся российском обществе : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 25 с.
9. *Андрееenkova А.В., Андрееenkova Н.В.* Детерминанты удовлетворенности жизнью в России и Европе: сравнительный анализ // Дискурс. 2019. № 1. С. 67–81. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-1-67-81>
10. *Белоконев С.Ю., Левина Е.В.* Актуальные вопросы определения индикаторов доверия граждан к власти // Власть. 2022. Т. 30. № 1. С. 64–72. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8782>
11. *Виноградов М.А., Суслова А.А.* Феномен социальной апатии и его актуальность в современной России // Полития. 2022. № 4 (107). С. 123–145. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-107-4-123-145>

12. Гафиатулина Н.Х., Сизова Н.М., Хубулури Е.И. Кризис социальной справедливости в российском обществе как фактор влияния на социальное самочувствие молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 8. С. 35–39. <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-8-29>
13. Камалов Э.А., Понарин Э.Д. Национальная гордость и субъективное благополучие россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 177–205. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.08>
14. Винокурова А.В., Хамаганова Т.Б. Основные подходы к изучению социального самочувствия в отечественной и зарубежной науке // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 4. С. 3–11. <https://doi.org/10.18101/2949-1657-2023-4-3-11>
15. Маишуков В.И., Жукова М.В. Социальное самочувствие молодежи как индикатор общественной безопасности // Вестник Евразийской науки. 2018. Т. 10. № 2. URL: <https://esj.today/PDF/67ECVN218.pdf> (дата обращения: 27.10.2024).
16. Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / под ред. М.К. Горшкова. М.; СПб. : Нестор-История, 2011. 176 с.

Информация об авторах:

Белоконев Сергей Юрьевич — кандидат политических наук, доцент, директор Института глобальных исследований, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, д. 49; доцент кафедры государственного и муниципального управления, Государственный университет управления, Россия, 109542, Москва, Рязанский проспект, д. 99; старший научный сотрудник, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Россия, 430005, Саранск, ул. Большевикская, д. 68 (ORCID: 0000-0002-8028-7421) (e-mail: syubelokonev@fa.ru).

Левина Елена Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории цифровой экономики, Центральный экономико-математический институт РАН, Россия, 117418, Москва, Нахимовский пр-кт, д. 47; доцент кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, д. 49; старший научный сотрудник, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Россия, 430005, Саранск, ул. Большевикская, д. 68 (ORCID: 0000-0002-6913-6155) (e-mail: elena.v.levina@gmail.com).

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-4-412-424

EDN: GGEDSS

Научная статья / Research article

Общественно-политические аспекты реализации проектов умного урбанизма

М.И. Колыхалов

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирск, Российская Федерация

✉ maxim_kolykhalov@mail.ru

Аннотация. Разработка и внедрение проектов цифрового мониторинга и управления в ведущих городских центрах — актуальный тренд процессов городского развития, предоставления современных муниципальных услуг. Цифровизация процессов городского управления на основе информационно-коммуникационных и технологий искусственного интеллекта призвана решать вопросы развития цифровой экономики, повышения комфорта граждан, энергоэффективности, экологичности, однако, реализация проектов умного урбанизма несет в себе и значительные общественно-политические аспекты, связанные с существенной трансформацией системы и форм городской политики; вопросами формирования государственно-частного характера городского управления; процессами, связанными с локальной идентичностью; сферой международно-политической деятельности городов. Актуальность исследования также обуславливается активизацией процессов внедрения проектов умного урбанизма в ведущих городских центрах, цифровая городская инфраструктура стала практически обязательной для успешного развития глобальных городов, крупные мегаполисы, столицы государств в той или иной мере также реализуют данные проекты. Таким образом, задачей является исследование основных общественно-политических аспектов и факторов, присущих концепции умного города, в целях успешной гармоничной реализации современных урбанистических проектов.

Ключевые слова: цифровизация, городская политика, государственно-частное партнерство, развитие городской среды, умный город

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25.09.2024; принята к публикации 09.10.2024.

Для цитирования:

Колыхалов М.И. Общественно-политические аспекты реализации проектов умного урбанизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 4. С. 412–424. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-412-424>

Socio-political aspects of the implementation of smart urbanism projects

Maksim I. Kolykhalov

Siberian Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, *Novosibirsk, Russian Federation*

✉ maxim_kolykhalov@mail.ru

Abstract. The development and implementation of digital monitoring and management projects in leading urban centers is a current trend in urban development processes and the provision of modern municipal services. Digitalization of urban management processes based on information and communication technologies and artificial intelligence is designed to address issues of digital economy development, improving the comfort of citizens, energy efficiency, and environmental friendliness. However, the implementation of smart urbanism projects also carries significant socio-political aspects associated with a significant transformation of the system and forms of urban policy, issues of forming the public-private nature of urban management, processes related to local identity, as well as in the field of international political activities of cities. The relevance of the study is also due to the intensification of the processes of implementing smart urbanism projects in leading urban centers. Digital urban infrastructure has become almost mandatory for the successful development of global cities. Large cities and capitals of states also implement these projects to one degree or another. Thus, the objective of this research is to study the main socio-political aspects and factors inherent in the concept of a smart city in order to successfully and harmoniously implement these projects.

Keywords: digitalization, urban policy, public-private partnership, urban environment development, smart city

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: The article was submitted 21.09.2024. The article was accepted on 19.10.2024.

For citation:.

Kolykhalov MI. Socio-political aspects of the implementation of smart urbanism projects. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(4):412–424. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-412-424>

Введение

Проекты, реализующие подходы умного урбанизма¹, впервые были применены в Западной Европе, первыми городами стали Барселона и Амстердам, а затем последовали Гамбург, Копенгаген, Ницца, Дубай и Сингапур. В Соединенных Штатах Сан-Франциско, Атланта, Нью-Йорк, Майами, Денвер, Бостон, Колумбус, Чикаго и Канзас-Сити стали одними из первых умных городов США².

Инициаторами и первопроходцами внедрения данной концепции стали крупнейшие транснациональные корпорации (ТНК). Так, сотрудничая

¹ В данном исследовании термины «smart city», «умный город» и «умный урбанизм» приняты в качестве синонимичных.

² Информационный портал World Population Review. URL: (дата обращения: 19.08.2024).

с Фондом Клинтона, компания Cisco в 2006 г. запустила программу Connected Urban Development в рамках государственно-частного партнерства. Точно так же IBM начала свой проект Smarter Planet в 2008 г., чтобы «осмыслить сенсорный мир», используя «сложную аналитику и алгоритмы» для достижения «измеримых выгод для... компаний и сообществ» [1. Р. 443].

В 2007 г. Центром региональной науки Венского технологического университета были сформулированы основные направления концепции «умный город», такие как «умная» экономика, международное сотрудничество; «умная» транспортная мобильность; «умная» экологичная среда; «умные» граждане, «умный» образ жизни, «умное» управление [2. Р. 62].

В последнее десятилетие концепция «умный город» стала актуальным трендом развития урбанистики и цифровых технологий — городское управление на основе широкого спектра данных, получаемых в режиме реального времени, бесшовные города на основе искусственного интеллекта, цифровые платформы для широкого дистанционного участия граждан в городском управлении все чаще обсуждаются в академических, политических кругах и в сообществе муниципальных управленцев. После ратификации Организацией Объединенных Наций Целей устойчивого развития в 2015 г. и «Новой программы развития городов» в 2016 г. принятие повестки дня «умного города» стало глобальной тенденцией на уровне ООН, макрорегионального и национального уровней [3. Р. 7140].

Парадигма умного урбанизма была воспринята рядом исследователей, экспертов и политиков как панацея для развития городской среды, как «утопическое противоядие от антиутопической городской формы», умный урбанизм описывается как «техноутопия» [4], «модный ярлык» [5. Р. 2], «привлекательное и нормативное видение будущего» [4], «серебряная пуля для решения городских проблем и реализации его экономических возможностей» [6. Р. 501].

Исследователи отмечают, что перспективы умного урбанизма велики, поскольку рационализация, цифровизация и энергоэффективность потенциально может сделать процессы экономического роста и управления общественными услугами и ресурсами значительно более эффективными, продуктивными и устойчивыми. Однако такие возможности в практической деятельности не реализовались в полной мере и поэтому интерпретируются рядом исследователей, скорее, как маркетинговый ход и визуализация возможного образа будущего, чем как полностью проработанная и подготовленная для реализации на практике концепция [7].

В то же время подходы умного урбанизма концептуально содержат в себе парадоксы из-за внутреннего противоречия между понятиями «умный» и «урбанизм», абстрактным и реальным, технологией и обществом, между глобальным капиталом и местными гражданами, между целенаправленным развитием сверху вниз и инициативным участием снизу [8. Р. 691]. Таким образом, при реализации данных проектов

не представляется возможным выработать простые универсальные алгоритмы для достижения эффективных многоаспектных результатов и необходимы индивидуальные выверенные решения с учетом особенностей микрополитии и структуры городского сообщества каждого городского центра, трансформируемого в умный город.

Несмотря на то, что концепция «Smart City» входит в научный дискурс с 1980-х гг., ряд исследователей указывает на незавершенность ее формирования, отсутствие четкости терминов и полноты проработки всех аспектов, феноменов и измерений [9. Р. 105].

Критически настроенные исследователи критикуют концепцию «умного города» за то, что она является «пустым городским воображаемым в поисках смысла» [6. Р. 504], акцентируя внимание на том, что большая часть дискурса основана на абстракции. К тому же, технологические основы умного урбанизма сделали этот дискурс технократическим, построенным на предположении, что «сложные социальные ситуации можно разобрать на четко определенные проблемы, которые можно решить или оптимизировать с помощью вычислений» [8. Р. 681].

Следует отметить и то, что наряду с инфраструктурными, информационными, экономическими, экологическими, социально-гуманитарными направлениями концепции «умный город», которые призваны на основе цифровизации и использования информационно-коммуникационных технологий повысить энергоэффективность, удобство и экологичность городской инфраструктуры, сделать процессы экономического роста и управления общественными услугами и ресурсами более эффективными, данная концепция существенным образом трансформирует подходы формирования и реализации городской политики с точки зрения внедрения новых механизмов и форм участия граждан городском управлении, предоставления муниципальных услуг, трансформации характера принятия политических решений и распределения ресурсов.

Исследования процессов реализации концепции «умный город» ввиду их разноплановости, многоаспектности, нелинейности, носят междисциплинарный характер и проводятся на стыке научных дисциплин урбанистики, политологии, государственного и муниципального управления и международных отношений.

Таким образом, актуальной исследовательской задачей реализации концепции «умный город» является изучение общественно-политических аспектов данной концепции, связанных с формированием новых форм городского управления, аполитизацией и внедрением искусственного интеллекта в государственное и муниципальное управление, формированием государственно-частного характера городского управления, процессами деградации локальной идентичности.

Вызывает исследовательский интерес и фактор влияния концепции «умный город» на международно-политическую деятельность мегаполисов в транснациональной городской сети.

Таким образом, перед нами стоит следующий исследовательский вопрос: какие основные общественно-политические аспекты несет в себе реализация концепции «умный город», как влияет статус умного города на положение в иерархии и деятельность мегаполисов в транснациональной городской сети.

Трансформация системы городского управления

Реализация концепции «умный город» обуславливает разработку новых форм и подходов реализации городской политики, видов участия граждан и повышения инклюзивности в управлении городом, внедрение искусственного интеллекта в управление социальными системами и в государственное управление.

Важно отметить, что перспективы умного урбанизма выходят за рамки создания прозрачности и повышения эффективности городских процессов, но также включают в себя более совместные с гражданами формы управления. Технократические основы умного урбанизма предоставляют возможность подавить роль политического фактора в муниципальном управлении и предоставлении государственных услуг, обеспечения равного доступа граждан к ним. Распределение ресурсов в такой структуре предполагается оптимизировать на основе объективных данных и логических алгоритмов, в т.ч. с применением технологий искусственного интеллекта, а не на основе решений политиков, что в теоретических и гипотетических представлениях приведет к созданию так называемого «постполитического мира справедливости и равенства» [10. Р. 487].

Точно так же, как существующая технологическая инфраструктура при реализации концепции «умный город» нуждается в обновлении, так же и граждане всех слоев общества должны быть подготовлены к трансформации их образа жизни и социализированы — как идеологически, так и технически — для обеспечения новых способов управления. В то же время, насколько гражданам необходимо адаптироваться, так и правительствам необходимо трансформировать свои модели работы, чтобы они были эффективны и подходили городам, гражданам и технологическим партнерам [8. Р. 687].

Цифровое пространство приводит к созданию новых властных структур и политических отношений, которые радикально отличаются от своих традиционных предшественников. Рост количества и влияния хакерских коллективов в мире и найм профессиональных программистов в корпорациях и правительственных учреждениях отражает тот факт, что цифровая сфера привела к такому переустройству. Культуры специального программирования и хакерства переосмыслили возможность управления городом, создав возможности для подрывной деятельности — утечки важной информации, влияния на городских политиков, либо блокирования деятельности умной городской инфраструктуры. Таким образом власть все больше переплетается с продуктом деятельности цифровых профессионалов. Цифровое пространство «дестабилизирует традиционные властные структуры и создает

возможности для того, чтобы власть стала гораздо более справедливым выверенным результатом городского взаимодействия, тем самым деколонизируя относительно элит городское пространство» [8. Р. 699].

Действительно, было высказано предположение, что в современной среде «власть больше не принадлежит традиционным институтам представительной демократии и рыночной экономики, вместо этого власть стала вопросом логистики, инфраструктуры и опыта. Дестабилизация традиционных структур власти и управления со стороны таких медиа-организаций, как WikiLeaks, и хакерских коллективов, таких как Anononymous, показывает, как власть все чаще передается тем, кто имеет возможность получать доступ, использовать и распространять данные в своих собственных целях» [11. Р. 539].

Необходимо отметить и возможности политического участия граждан, которые предоставляют проекты умного урбанизма, такие как электронное голосование как на выборах, создание различных платформ по определению необходимых объектов благоустройства, выбора приоритетов городского развития, формирования форм обратной связи по городским проблемам, либо инициативам городских властей, формирования направлений городского бюджета — в чем просматривается постепенный сдвиг от бюрократической модели осуществления власти к децентрализованной модели, включающей управление на основе сетей социального взаимодействия на базе специализированных платформ. Управление посредством платформ не только способствует антииерархизации, но и позволяет использовать потенциал граждан в развитии города, выстраивать отношения доверия и сотрудничества между властью и гражданским обществом. Граждане, организуя свои действия на основе платформ, в состоянии решать конкретные городские проблемы, одновременно выступать в качестве своеобразных датчиков для государственных органов, например, посредством продуцирования контента [9. Р. 109].

Таким образом, трансформация системы городского управления в результате внедрения концепции умного города характеризуется следующими основными аспектами: предоставление государственных услуг, распределение ключевых ресурсов происходит на основе цифровых подходов на базе информационно-коммуникационных технологий и технологий искусственного интеллекта, тем самым деполитизируются данные процессы, происходит «деколонизация» городского пространства от влияния элит. Формируются процессы идеологической и технологической социализации граждан в новый цифровой «умный» образ жизни, позволяющие за счет различных платформ повышать уровень участия в процессах городского управления и в первую очередь в дистанционном формате. Однако, в то же время происходит рост влияния хакерских коллективов и, соответственно, усиливается необходимость внедрения команд профессиональных программистов, которые становятся значимым звеном системы городского управления.

Наряду с возникновением новых форм городского управления, повышения возможностей граждан в участии управления городом, возникает чувствительный вопрос о специфике реализации концепции «умный город»

в авторитарных режимах, связанный с вопросами конфиденциальности, использования собираемых данных для усиления контроля и принуждения, выявления несогласных, подавления протестных настроений [12].

Формирование государственно-частного характера городского управления

По мере того, как формы умного урбанизма становятся все более укореняющимися, роли и функции государственного и частного секторов будут все более пересекаться. В свете этого, согласование целей и интересов между заинтересованными сторонами проектов умного урбанизма имеет большое значение и в то же время формирует ряд чувствительных зон, связанных с политикой и конфиденциальностью — с точки зрения того, кто имеет доступ к частным данным и их использованию, безопасности этих данных и организации процесса наблюдения и сбора информации [13].

В этой связи структуры цифровых компаний примечательны не только своей важной ролью в принятии решений о будущем цифровых рынков, но и тем, что они формируют государственно-частное партнерство в системе внедрения проектов умного урбанизма в городском управлении. В этом смысле не только социотехнические представления национальных государств формируют концептуализацию, реализацию и управление умным городом, но также мировоззрения и видения лидеров цифровых платформ, таких как Илон Маск, Марк Цукерберг и Джефф Безос [1. Р. 447].

Кроме того, цифровые технологии превращают многие городские среды в цифровые рынки, в результате чего аспекты повседневного управления становятся все более приватизированными, формируется так называемая «корпоративизация» — явление, которое потенциально рискует поставить под угрозу ориентацию проектов умного урбанизма на городские власти. Это подчеркивает важность собираемых данных, как жизненной силы умного урбанизма, так и возможность манипулирования ими. Исследователи отмечают, что умный урбанизм предполагает переход «от вертикальной, контролируемой правительством цифровой инфраструктуры к средам, включающим сочетание множества государственных, частных и квазичастных организаций, которые управляют городскими инфраструктурными системами» [13. Р. 20–21].

В то же время, неявное несоответствие между масштабами операций (местный и глобальный), вовлеченными заинтересованными сторонами (граждане и акционеры) и всеобъемлющими полномочиями (управление или прибыль) государственного и частного секторов заставило, например, Стокгольмский городской совет разработать свои собственные инфраструктурные сети независимые от участия частного сектора [8. Р. 686].

На данный момент частные игроки собирают «большие данные» о городском населении и инфраструктуре гораздо шире и их инструменты интеллектуального анализа превосходят возможности любого муниципалитета. Потому особенно важным является интеграция интересов крупных частных

агрегаторов «больших данных» и органов местного самоуправления. Однако, такая интеграция может привести к недовольству широких слоев общества (ярким примером тому стали слухи о сотрудничестве сервиса «Яндекс.Карты» и ГКУ г. Москвы «Центр организации дорожного движения Правительства Москвы», вызвавшие широкий резонанс среди водителей столицы) [14. Р. 5].

Ряд исследователей считает, что существенное опасение вызывает то, что умный город, как комплекс средств, интегрирующих большое количество разнородных данных, может стать системой жесткого вертикального, алгоритмизированного контроля в руках органов местного самоуправления, а также коммерческих организаций, имеющих деловые интересы в пространстве конкретного города [15].

Таким образом, проекты умного урбанизма являются сочетанием целей задач и ресурсов городского управления и инструментов механизмов и подходов частных цифровых компаний, что формирует новый характер городского управления, трансформирующийся от иерархичной бюрократической структуры к сетевым средам, включающим значительное количество как муниципальных и государственных, так и частных акторов. В этой связи важным аспектом является возможность использования городской среды цифровыми компаниями в качестве цифровых рынков, что может войти в противоречие с интересами городского управления. Соответственно, при разработке и реализации проектов умного урбанизма заказчики в лице городских властей эти угрозы должны учитывать. Возможно рассмотреть формирование комбинированных государственно-муниципально-частных компаний, где интересы городских властей и бизнеса будут сбалансированы, а информационные процессы находиться под необходимым контролем.

Деградация локальной городской идентичности

Технократические подходы концепции «умный город» реализуются на основе подходов и инструментов, разработанных при участии транснациональных компаний и на основе интересов этих кампаний в получении развитой цифровой инфраструктуры, продвинутых в цифровом отношении «умных» граждан, размещения жителей вблизи производственных площадок, сосредоточения акцента жителей и их жизненных ресурсов на деятельности цифровых компаний. В этой связи вопросы учета городской специфики, исторических аспектов, специфики городской культуры и развития местной микрополитии, т.е. вопросы сохранения и развития локальной идентичности глубоко не проработаны и не являются приоритетными, при реализации проектов умного урбанизма.

Исследователи отмечают, что универсалистский подход концепции «умный город» игнорирует специфику каждой городской среды, в которой эти проекты реализуются, поэтому критике подвергается тезис, что умный город — это «универсальный, рациональный и деполитизированный проект, который в значительной степени реализуется в соответствии

с условиями максимизирующих прибыль транснациональных технологических компаний» [16. Р. 14].

Выявлено отсутствие в умных городах акцента на культурных и исторических традициях, возможности содержательного культурного общения в центрах высокой культуры: театрах, концертных залах, выставках и музеях (их никогда полностью не заменит так называемая цифровая культура), а до ближайшего культурного центра достаточно далеко — в результате происходит игнорирование культурных, политических и социальных особенностей каждого отдельного города [17].

Реальные проекты умных городов расположены в пределах существующих социальных, общественных и пространственных городских структур, и, следовательно, городская политика и подходы к реализации проектов умного урбанизма должны принимать во внимание сравнительные исследования, анализирующие развитие различных умных городов в разных регионах. Исследователи констатируют, что специфике политических систем, сохранению и развитию локальных идентичностей городов, в которые встраиваются умные города, уделяется недостаточно внимания [18. Р. 131].

Таким образом, города, которые являются пространством сохранения и формирования локальных идентичностей, при реализации концепции «умный город» подвергаются мощным трансформационным воздействиям на основе универсалистских подходов цифровых технологий, без учета специфики местной микрополитики, исторических аспектов и локальных традиций, что, с одной стороны, может приводить к деградации данной роли городов, а с другой — вызывать негативные тенденции в развитии городского сообществом проектов умного урбанизма.

Международно-политические аспекты проектов умного урбанизма

Цифровые подходы управления на основе информационно-коммуникационных технологий и технологий искусственного интеллекта в современном мире являются фактором конкурентоспособности в экономической, научной, производственной, а также военной сферах, соответственно, данные технологии оказывают влияние на международные отношения и мировую политику в целом. Безусловно, для глобальных и мировых городов, которые являются лидерами в той или иной сфере (сферах) международной деятельности, это также актуально и даже жизненно необходимо для сохранения, либо повышения своего статуса в транснациональной городской сети.

Таким образом, «умные» технологии дискурсивно позиционируются как обладающие потенциалом развития сфер международной деятельности мегаполисов: улучшения эффективности логистики, повышения производительности и конкурентоспособности экспортных сфер экономики, формирования цифровой городской инфраструктуры, необходимой для успешной деятельности транснациональных компаний, и, как отмечают исследователи, происходит формирование «умного» городского сообщества, владеющего

цифровыми навыками и вовлеченного в процессы «умного» управления и «умной» экономики, а также идут процессы формирования более прозрачных и аполитичных форм городского управления, в свою очередь формирующих стабильную политическую и правовую среду [8. Р. 683].

«Умность» города возможно индексировать по его способности эффективно и результативно рационализировать планирование и управление городами или, другими словами, внедрять автоматизированные циклы обратной связи, которые одновременно реагируют на текущую ситуацию и учатся на различных кейсах. Поэтому, «умные» технологии используются с целью создания эффективного, технологически развитого, зеленого и социально инклюзивного города, который демонстрирует «умность» во всех основных аспектах городского пространства: экономике, транспортных сетях, управлении, окружающей среде, что позволяет эффективно участвовать и конкурировать в международной деятельности и привлекать офисы и штаб-квартиры ТНК [19. Р. 883].

В этой связи характерно, что все мировые и ведущие глобальные города являются лидерами по внедрению систем умного урбанизма, так Центр глобализации и стратегии бизнес-школы IESE изучил 174 города по всему миру и проанализировал их по девяти показателям, характеризующим умный город: развитие человеческого капитал, социальная сплоченность, цифровая экономика, экологичная окружающая среда, «умное» управление и городское планирование, международный уровень, информационно-коммуникационные технологии и умная мобильность. Согласно рейтингу IESE Cities in Motion Index, в десятку самых умных городов мира входят: Нью-Йорк, Лондон, Париж, Токио, Сингапур, Сеул, Торонто, Гонконг, Амстердам³.

Характерно, что Сингапур приобрел статус мирового города именно за счет развития цифровых сфер международной деятельности, таких, как производство и экспорт электроники, финансовых услуг, активная международная торговля цифровыми технологиями и услугами [20], в тоже время Сингапур стал первым мегаполисом, где внедрение проектов умного урбанизма реализуется на государственном уровне. Запуск инициативы «Умная нация» в ноябре 2014 года ознаменовал новую эпоху городских преобразований во всем мире. В 2016 году компания Juniper Research назвала Сингапур «Глобальным умным городом — 2016» в знак признания достижений в области повышения мобильности, проникновения цифровых технологий, предоставления услуг государственного сектора и открытых преобразований для умных городов⁴.

В стратегиях реализации концепции «умный город» ведущих глобальных городов мира содержатся и положения о развитии сферы международной

³ Smart Cities 2024. URL: <https://worldpopulationreview.com/world-city-rankings/smart-cities> (accessed: 20.08.2024).

⁴ Singapore Named “Global Smart City — 2016”. URL: <https://www.juniperresearch.com/press/singapore-named-global-smart-city-2016/#:~:text=It%20was%20found%20that%20Singapore,the%20top%20spot%20for%202016> (accessed: 20.08.2024).

деятельности. Согласно стратегии Сингапура, одним из приоритетов является развитие международной транспортной системы, развитие Сингапура как мирового финансового центра, использование «открытых» данных (Open Data), открытость Сингапура к международному сотрудничеству, обмену опытом и идеями⁵. Направления реализации концепции в Лондоне говорят о его стремлении стать мировым центром развития инноваций, обеспечить свободный доступ к открытым данным, развивать коммуникации между заинтересованными сторонами, а также формировать открытость международному сотрудничеству⁶. Согласно утвержденной Правительством Санкт-Петербурга в 2018 г. концепции «Умный Санкт-Петербург», предусмотрено формирование международного конкурентоспособного экономического пространства за счет повсеместного разумного использования передовых интеллектуальных информационных технологий⁷. В Дубае основное внимание уделяется мировым стратегиям и усилиям страны стать глобальным центром в ряде сфер международной деятельности на основе «умных» технологий⁸.

Заключение

Проведенное исследование показало значительное количество общественно-политических аспектов при реализации проектов умного урбанизма, связанных с трансформацией системы городского управления и «деколонизацией» городского пространства от влияния элит. Город подвергается мощным трансформационным воздействиям на основе универсалистских подходов цифровых технологий без учета процессов формирования локальных идентичностей, происходит формирование государственно-частного характера городского управления, что открывает возможность использования городской среды в качестве цифровых рынков.

Безусловно, для эффективной и гармоничной реализации проектов умного урбанизма данные аспекты должны учитываться как в теоретическом плане, при проработке проектов, так и в процессе непосредственного выполнения. Относительно «умности» города как фактора международно-политической деятельности мегаполиса следует отметить, что реализация проектов умного урбанизма, приобретение статуса умного города, с одной стороны, необходимы мировым и глобальным городам для сохранения своего статуса и влияния в транснациональной городской сети, а с другой стороны, являются обязательным условием для городов, развивающих международную деятельность,

⁵ Официальный сайт правительства Сингапура. URL: (дата обращения: 20.08.2024).

⁶ Официальный сайт правительства города Лондона. URL: https://www.london.gov.uk/site/s/default/files/smarter_london_together_v1.66_-_published.pdf (дата обращения: 20.08.2024).

⁷ Официальный сайт правительства города Санкт-Петербурга. URL: <http://spp.spb.ru/files/%D0%9F%D0%9B%D0%90%D0%9D-%D0%93%D0%A0%D0%90%D0%A4%D0%98%D0%9A.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).

⁸ Smart-city Dubai. URL: <https://www.webuildvalue.com/en/megatrends/smart-city-dubai.html> (accessed: 20.08.2024).

в целях формирования цифровой инфраструктуры, повышения цифровых навыков городских жителей, формирования и развития цифровых секторов экономики, новых подходов городского управления, для того, чтобы приобрести качества города — международного центра влияния и активно действовать на международной арене. Данный тезис подтверждается тем, что все мировые и ведущие глобальные города являются мировыми лидерами внедрения проектов умного урбанизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Akbari A. Authoritarian smart city: A research agenda // *Surveillance and society*. 2022. Vol. 20. № 4. P. 441–449. <https://doi.org/10.24908/ss.v20i4.15964>
2. Федоненко М.В. Опыт развития «умных» городов в современном мире // *Социально-экономические явления и процессы*. 2019. Т. 14. № 2 (106). С. 61–72. [https://doi.org/10.20310/1819-8813-2019-14-2 \(106\)-61-72](https://doi.org/10.20310/1819-8813-2019-14-2 (106)-61-72)
3. Sharifi A., Allam Z., Feizizadeh B., Ghamari H. Three decades of research on smart cities: Mapping knowledge structure and trends // *Sustainability*. 2021. Vol. 13. № 13. P. 7140–7142. <https://doi.org/doi:10.3390/su13137140>
4. Luque-Ayala A., Marvin S. Developing a critical understanding of smart urbanism? // *Urban Studies*. 2015. Vol. 52. № 12. P. 2105–2116. <https://doi.org/10.1177/0042098015577319>
5. Vuolteenaho J., Leurs K., Sumiala J. Digital urbanisms: Exploring the spectacular, ordinary and contested facets of the media city // *Observatorio*. 2015. Vol. 9. № 4. P. 1–21. <https://doi.org/10.15847/obsOBS002015970>
6. Taylor Buck N., While A. Competitive urbanism and the limits to smart city innovation: The UK future cities initiative // *Urban Studies*. 2017. Vol. 54. № 2. P. 501–520. <https://doi.org/10.1177/0042098015597162>
7. Firmino R., Duarte F. Private video monitoring of public spaces: The construction of new invisible territories // *Urban Studies*. 2016. Vol. 53. № 4. P. 741–754. <https://doi.org/10.1177/0042098014567064>
8. Kong L., Woods O. The ideological alignment of smart urbanism in Singapore: Critical reflections on a political paradox // *Urban Studies*. 2018. Vol. 55. № 4. P. 679–701. <https://doi.org/10.1177/0042098017746528>
9. Баранов А.В., Гарас Л.Н. «Умный город» в социально-политической проекции (кейс Барселоны) // *Управленческое консультирование*. 2022. № 1. С. 103–114. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-1-103-114>
10. Wiig A., Wylly E. Introduction: Thinking through the politics of the smart city // *Urban Geography*. 2016. Vol. 37. № 4. P. 485–493. <https://doi.org/10.1080/02723638.2016.1178479>
11. Farias I., Blok A. Technical democracy as a challenge to urban studies // *City*. 2016. Vol. 20. (4). P. 539–548. <https://doi.org/10.1080/13604813.2016.1192418>
12. Колыхалов М.И. Социально-гуманитарное измерение концепции «умный город» // *Общество: политика, экономика, право*. 2024. № 8. С. 45–50. <https://doi.org/10.24158/per.2024.8.5>
13. Barns S., Cosgrave E., Acuto M., Mcneill D. Digital infrastructures and urban governance // *Urban Policy and Research*. 2017. Vol. 35. (1). P. 20–32. <https://doi.org/10.1080/08111146.2016.1235032>
14. Одинцов А.В. Основные риски реализации концепции «умного города» // *Социодинамика*. 2019. № 10. С. 1–8. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.10.30636>
15. Townsend A. Smart cities: Big data, civic hackers, and the quest for a new utopia. New York : W.W. Norton & Co, 2013. 400 p.
16. Shelton T., Zook M., Wiig A. The “actually existing smart city” // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2015. Vol. 8. № 1. P. 13–25. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsu026>

17. *Василенко И.А.* «Сингапурское чудо» в фокусе политического анализа: искушение и разочарование в азиатской хай-тек-утопии // *Власть*. 2018. Т. 26. № 6. С. 169–175. <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i6.5907>
18. *Kitchin R.* Making sense of smart cities: Addressing present shortcomings // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2015. Vol. 8. № 1. P. 131–136. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsu027>
19. *Vanolo A.* Smartmentality: The smart city as disciplinary strategy // *Urban Studies*. 2014. Vol. 51. № 5. P. 883–898. <https://doi.org/10.1177/0042098013494427>
20. *Колыхалов М.И.* Теоретические аспекты международной деятельности мегаполисов в транснациональной городской сети // *Регионоведение*. 2022. Т. 30. № 4. С. 961–979. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.121.030.202204.961-979>

Информация об авторе:

Колыхалов Максим Игоревич — кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, 630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6 (e-mail: maxim_kolykhalov@mail.ru) (Scopus ID: 57204359783) (ORCID: 0000-0002-3137-1889) (SPIN-код: 2099-7828)

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-4-425-433

EDN: GDOOTV

Научная статья / Research article

Проблема соотношения лидерства и организационной культуры в политике

Ю.Н. Фролова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
✉ frolovayuliya@yahoo.com

Аннотация. Исследована проблематика организационных особенностей развития актора в политике через призму теорий и подходов менеджмента и политической науки. Методологически работа построена на комбинации подходов: концепции жизненного цикла корпорации И. Адизеса, «бирюзовых организаций» Ф. Лалу, организационной культуры Э. Шейна, цивилизационный подход, антропологическое измерение межгосударственных отношений. Цель исследования: выяснить, что первично в политическом акторе — лидерство или организационная культура? В результате автор пришел к ряду следующих выводов. В теориях менеджмента существуют подходы, хотя и противоречащие друг другу, но дающие однозначные ответы на главный вопрос исследования. В политической же науке ситуация не так однозначна, в т.ч. и в силу пока недостаточной научной проработки тематики. В сфере политики мы можем увидеть иллюстрации соотношения лидерства и политической культуры как на примере исторических кейсов (в трудах классиков политической мысли), так и при анализе современных политических акторов (в качестве примера таковых рассмотрены ЕС и ООН). В этой связи представляется конструктивным использование цивилизационного подхода, а также применение некоторых теорий менеджмента для анализа политической среды.

Ключевые слова: политический актор, цивилизационный подход, бирюзовые организации, теории организационной культуры

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 03.09.2024. Принята к публикации 04.10.2024.

Для цитирования:

Фролова Ю.Н. Проблема соотношения лидерства и организационной культуры в политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 4. С. 425–433. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-425-433>

The issue of the relationship between leadership and organizational culture in politics

Yulia N. Frolova

The Herzen State Pedagogical University of Russia, *Saint Petersburg, Russian Federation*

✉ frolovayuliya@yahoo.com

Abstract. The study is devoted to the study of the problems of organizational features of the actor's development in politics through the prism of theories and approaches of management and political science. Methodologically, the work is based on a combination of approaches, including the concepts of I. Adizes, F. Laloux, E. Shein, a civilizational approach, and the anthropological dimension of interstate relations. The author aims to answer the question: what is primary — leadership or organizational culture? As a result, a number of the following conclusions are formulated. There are approaches in management theories, although they contradict each other, they give unambiguous answers to the research question. In political science, the situation is not so clear, including due to insufficient scientific study. In the field of politics, we can see illustrations of the relationship between leadership and political culture both on the example of historical cases and in the analysis of modern political actors (the EU and the UN are taken as examples of such). In this regard, it seems productive to use a civilizational approach, as well as the application of some management theories to analyze the political environment.

Keywords: political actor, civilizational approach, turquoise organizations, theories of organizational culture

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 03.09.2024. The article was accepted on 04.10.2024.

For citation:

Frolova YuN. The issue of the relationship between leadership and organizational culture in politics. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(4):425–433. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-425-433>

Введение

Проблематика поиска «правильного» соотношения феномена лидерства и организационной культуры любого актора актуализируется сегодня во многих областях знания. Наиболее разработанной в этом плане, безусловно, является область менеджмента организации как раздела экономики, однако и другие научные направления задаются подобными вопросами. Работ по данной тематике множество, выделим лишь исследования некоторых наиболее известных в российской науке авторов: Е.Б. Абашкиной, Ю.И. Косолаповой, Е.В. Кудряшовой, Т.П. Мальковой, М.А. Фроловой, А.П. Боровикова, С.И. Васильцова, И. Адизеса, П. Друкера, Д. Гоулмана и др.

Предлагается проследить связь подходов к соотношению организационной культуры и роли лидера. Точкой отсчета изучения таких подходов является вопрос: «Что первично — лидерство как совокупность особенностей управления организацией, реализованных через категорию «лидера», или

организационная культура как «паттерн коллективных базовых представлений, который считается ценным и передается новым членам группы» [1]? Какой из этих феноменов является зависимой переменной, а какой — независимой?

Методология

Методология состоит из совокупности подходов, среди которых концепции жизненного цикла корпорации И. Адизеса, «бирюзовых организаций» Ф. Лалу, организационной культуры Э. Шейна, цивилизационный подход (как совокупность различных концептуальных схем, объединенных признанием ключевой роли социокультурной и ценностной специфики при определении векторов и форм социально-политического развития [2]), антропологическое измерение межгосударственных отношений.

Рассмотрение результатов представляется логичным в двух аспектах: соотношение лидерства и организационной культуры в менеджменте и в политике.

Лидерство и организационная культура в менеджменте

Под лидерством мы будем понимать то, что в работе Е.В. Кудряшевой «Лидер и лидерство: введение в философию лидерства» названо организационным и политическим лидерством, т.е. лидерство на уровне больших социальных групп. Определяющим для этих видов являются особенности группы, которую возглавляет лидер: цели, задачи, деятельность (например, деятельностный подход А.Н. Леонтьева). Такой тип лидерства отличается масштабностью его влияния на общественные процессы. Автор монографии предлагает 14 групп определений понятий лидерство, в т.ч. лидерство как центр групповых процессов, а также лидерство как инициация или введение структуры [3], которые и представляется актуальными для нашего исследования. Возвращаясь к вопросу о первичности, выделенному в начале статьи, отметим, что в этих двух определениях лидер первичен по отношению к группе. Именно он, будучи ядром группы, определяет и даже инициирует групповую структуру и направление деятельности организации.

Несколько иначе отвечает на данный вопрос И. Адизес. Задачи и качества лидера меняются в зависимости от этапа развития, на котором находится организация: так, в стадии роста менеджмент управляет организацией, а в стадии старения — организация менеджментом, так как «лидеры растущих организаций оживляют их характер своим поведением. В стареющих организациях именно культура определяет стиль руководства» [4]. Здесь хорошей иллюстрацией служит выражение «Народ заслуживает руководителей, которых он имеет» — Адизес использует его применительно к стареющим организациям [4], когда стиль управления — следствие культуры. В процессе своего развития организация структурируется вокруг людей, т.е. люди определяют то, какой культурой она будет обладать, однако далее организация

становится слишком большой и сложной и фактически сама начинает определять поведение людей в ней. На этих особенностях завязана и возможность изменения [4]: в фазе зрелости и старения компании изменения могут представлять для нее больше проблем, чем возможностей.

Метафора возраста организации наблюдается и в подходе Э. Шейна. Динамика изменений в организации и ее культура все также зависят от ее «возраста» (молодость, средний возраст, зрелость, упадок), однако принципиальное отличие от подхода И. Адизеса — признание главенствующей роли лидера на всех этапах и некоторого его возвышения над культурой: «именно лидеры начинают процесс изменений» [1]. Проблема, которую поднимает Э. Шейн, — преемственность власти, когда основатель организации в силу возраста и развития компании должен передавать власть другому. Здесь подразумевается не просто механическая «передача дел», но и трансляция и своеобразный контроль за «впитыванием» ценностей новым лидером.

Теория Ф. Лалу о стадиях развития организации представляет собой наиболее яркую комбинацию самых разных соподчинений лидера и культуры: от лидерской диктатуры в «красных» организациях до семейных взаимоотношений в «зеленых». Венец нынешней эволюции организаций, реализованный в формате «бирюзовых», как будто не предполагает лидерства вообще: автор критикует средоточие власти в одном месте за фактическую имплементацию низменных человеческих пороков (алчность, жажда власти и т.д. [5]. Одна из ключевых ценностей «бирюзовой» организации — самоуправление, основанное на идее «никаких боссов» [5], однако лидерство не исчезает полностью. Оно начинает носить ситуативный характер: есть администраторы процессов, есть коучи команд, есть лидеры команд. Функционально существуют и директора, по крайней мере, о них Лалу говорит [5], но власть не сконцентрирована в их руках единолично: функции управления распределены по организации. «В самоуправляющихся организациях лидерство распределено, и нет специальных обязанностей лидера, к которым нужно готовить» [5]. Получается интересный парадокс: лидер в «бирюзовых» организациях одновременно и менее значим, и более значим, чем в обычных: с одной стороны у него меньше власти, но с другой — он должен быть носителем и ролевой модели «бирюзовой» организационной культуры. «Обычные для менеджмента задачи — определение направления и целей, планирование, руководство, контроль, оценка качества работы — никуда не делись. Но теперь они не привязаны к соответствующим менеджерским должностям. Поскольку обязанности широко распределены, а не сконцентрированы, можно согласиться, что руководства и лидерства в «бирюзовых» организациях всегда больше, несмотря на отсутствие менеджеров, занятых исключительно управлением, а может быть, как раз благодаря этому» [5]. Следовательно, в «бирюзовых» организациях не наблюдается четкого ответа на вопрос «что первично?», так как лидер и культура оказывают взаимное влияние друг на друга.

Лидерство и организационная культура в политике

В политической науке популярна теория политического лидерства М. Вебера, который определял типы лидерства в зависимости от формы легитимации: харизматический, традиционный, рационально-легальный [6]. В рамках этого подхода ключевым критерием разделения типов является то, каким образом группа признает право данного лидера на власть. Подобный формат признания / легитимации зависит не только от конкретно-исторических условий, но и от политической культуры конкретной общности: в частности, это проявляется в пересечении традиционного типа лидерства М. Вебера и традиционного типа политической культуры. Ряд российских и зарубежных авторов (среди них Ж. Блондель, В.П. Пугачев, А.И. Демидов, А.А. Федосеев, В.И. Власов [7]) обращают внимание на ключевую цель политического лидерства — сформировать сплоченную группу для достижения целей. В связи с этим представляется, что в политическом лидерстве влияние организационной культуры группы играет даже большую роль, чем в других типах. Л. Селигман [3] в качестве одной из основных характеристик политического лидерства выделяет его корпоративность. Примечательно, что тот же М. Вебер является автором теории «идеальной организации», которой представляется бюрократия с рационально-легальным типом господства. Характерной чертой такой связки «организация — лидер» является «господство формалистской безличности» [6], выборность высшего руководства (лидеров?), «которые выражают волю электората» [8], наличие четких структур, правил и процедур функционирования организации. Таким образом, власть принадлежит не человеку, а структуре [8], которая делегирует властный функционал на время исполнения обязанностей. Возвращаясь к основному вопросу нашего исследования (что первично — организационная культура или лидер), в этом случае определяющей представляется культура организации.

Соотношение лидерства и организационной культуры в сфере политики можно рассмотреть в рамках цивилизационной парадигмы, изучающей особенности структур отдельных политий «как продукт конкретных социальных обстоятельств и ценностных координат, а не как «тождество» или «девиацию» по отношению к единственному, раз и навсегда данному образцу» [2]. Концептуальная схема подхода опирается на признание ключевой роли социокультурной и ценностной специфики. Взаимодействию «организации» и «лидера» посвящены классические трактаты Н. Макиавелли «Государь» [9], Сунь Цзы «Искусство войны» [10] и мн.др. Исследователи китайского трактата подчеркивают его обусловленность культурными и цивилизационными факторами исторического процесса Китая [10]. Основной культурной характеристикой в этой парадигме является война: «собственно философом цивилизации становится только тот, кто создает архетип войны, Дао войны, культуру Дао войны и новый тип человека — человека войны» [10]. Лидер здесь — полководец, который хоть и обладает свободой воли, действия и управления (более того, трактат как раз и посвящен тому, как полководцу стать эффективным лидером и привести свою «организацию» — армию — к успеху), но все

же подчинен требованиям китайской культуры и нравственному долгу. Такой формат лидерства, по Э. Шейну, соответствует, скорее, лидерству в зрелых организациях [1].

Несколько по-иному выглядит цепочка «лидер» — «организация» у Макиавелли, которая также во многом обусловлена социокультурными реалиями политики в конкретный исторический период. С одной стороны, отчетливо вырисовывается образ абсолютного правителя, имеющего основной целью захват и удержание власти в государстве, однако с другой — автор приводит значительное количество факторов, ограничивающих деятельность лидера, среди которых можно выделить и факторы организационной культуры: особенности взаимоотношений с народом, советниками, формирование общественного мнения и т.д. (этим аспектам фактически посвящены главы 15–23) [9]. Следовательно, цепочка «лидер» — «организация» представляет собой симбиоз взаимоограничивающих друг друга акторов. Следуя логике Э. Шейна, такое лидерство соответствует, скорее стадии среднего возраста организации [1].

Соотношение лидерства и организационной культуры воспринимается по-новому «антропологическим поворотом» в социальных науках. В различных отраслях знания он проявляет себя по-разному, однако в сфере межгосударственных отношений мы можем наблюдать смещение фокуса на тезис, что все политические отношения не какая-то абстракция, а отношения людей [2]. Антропологический подход позволяет под новым углом посмотреть не только на межгосударственные отношения, но и на специфику развития других акторов международных отношений, например, международных организаций и интеграционных объединений. В качестве примера обзорно рассмотрим организационную культуру ООН и ЕС. И, хотя каждый из этих акторов требует более детального изучения в рамках отдельных исследований, некоторые тренды мы можем обозначить уже здесь. Ранее отмечено, что «в сфере политического мы можем наблюдать тенденции, аналогичные тем, что происходят в мире бизнеса, прежде всего, потому что мир стал глобальным» [11]. Уже упомянутая концепция «бирюзовых» организаций, вероятно, может быть использована для исследования развития ЕС. Напомним, что ключевые принципы «бирюзовой» организации: эволюционная цель, самоуправление и целостность [5]. Цели ЕС обозначены в Лиссабонском договоре¹ и Маастрихтском договоре²: создание единой объединенной Европы, союза европейских народов, основанных на принципах соблюдения мира, процветания, свободы, безопасности, здесь также заложено эволюционное развитие, а именно углубление интеграции и способствование максимально эффективному решению вопросов «как можно ближе» к гражданам. Эволюционная цель подразумевает и некоторую «глобальность» — создание

¹ Treaty of Lisbon. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=OJ%3AC%3A2007%3A306%3ATOC> (accessed: 24.05.2024)

² Treaty on European Union (Maastricht Treaty). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11992M/TXT> (accessed: 24.05.2024)

чего-то, полезного не только для самой организации: в Лиссабонском договоре³ предусмотрено в качестве цели распространение ценностей ЕС и за его пределами. Самоуправление провозглашается и реализуется через принцип субсидиарности, заявленный в рамках концепции «Европа регионов» и реализуемый, например, посредством Комитета регионов ЕС. Целостность может интерпретироваться в контексте суверенности государств-участников, их равноправия по отношению друг к другу, а также необходимости учета как отдельных государственных интересов, так и коллективных. Лидерство в ЕС распределено — что соответствует концепции Ф. Лалу — и это распределение отражено в механизме принятия решений, который, по мнению отдельных исследователей [12], достаточно громоздок и во многих случаях требует коллективного согласия большинства, а наиболее важные решения должны быть одобрены всеми странами-участницами.

Анализ ООН представляется интересным через концепцию Э. Шейна, особенно в связи с существующим запросом на реформирование ООН. Эффективность работы организации может быть проанализирована посредством триады «артефакты — провозглашаемые ценности — базовые представления». В качестве базовых представлений мы, следуя реалисткой теории международных отношений, рассматриваем национальные интересы государств-участников. Одни из ключевых артефактов — Устав ООН и Совет безопасности — не состоят в гармонии с двумя уровнями ниже. Устав ООН закрепляет⁴ провозглашаемые ценности и основные принципы международного права, которые должны быть гомогенными и непротиворечивыми, при этом в них самих содержится противоречие: столкновение принципов суверенитета и национального самоопределения [13]. СБ ООН сегодня «становится очень изощренной формой сдерживания» [14], а также фактически возвышает одни государства (постоянных участников СБ) над другими и отделяет их, противореча провозглашаемому организацией принципу равенства прав больших и малых государств и самому названию — «объединенные нации». В результате «избранные» государства могут реализовывать такие свои базовые представления — национальные интересы, как сохранение «своего центрального положения в международной политике» [14]. Следовательно, проблема современной эффективности ООН кроется, в т.ч. (но не сводится только к этому) и в отсутствии гармонии ее организационной культуры. Таким образом, выходом из этой ситуации, следуя методологии Э. Шейна, является построение интегрированной на всех уровнях организационной культуры, в которой базовые представления, ценности и артефакты не противоречат друг другу. Стоит отметить, что практические формы разрешения этой проблемы могут стать темой для отдельного большого исследования.

³ Treaty of Lisbon. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=OJ%3AC%3A2007%3A306%3ATOС> (accessed: 24.05.2024)

⁴ Устав ООН. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения : 24.05.2024).

Заключение

Существующие экономические методики исследования организационной культуры и лидерства, в целом применимы и для политической сферы. Перспективными в этом плане видятся теории организационного развития Ф. Лалу и Э. Шейна для поиска решения проблем крупных акторов мировой политики посредством анализа особенностей их организационной культуры (например, ЕС и ООН) в ситуации, когда стандартные политические методы себя фактически исчерпали. Здесь целесообразна детальная практико-ориентированная проработка отдельных кейсов с использованием указанной методики. Как и в менеджменте, не наблюдается единого ответа на вопрос: что первично — лидер или организационная культура, однако прослеживается взаимное воздействие одного на другое. Принципиальным отличием политической сферы в этом смысле является значительное влияние цивилизационного фактора, что в дальнейшем может получить развитие, с одной стороны, через призму набирающих популярность цивилизационных исследований, а с другой — ценностных подходов, использование которых распространено как в корпоративной практике (управление по ценностям), так и все более популярно в среде государственного и муниципального управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб. : Питер, 2002. 336 с.
2. Современная политическая наука. Методология / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М. : Аспект Пресс, 2019. 776 с.
3. Кудряшова Е.В. Лидер и лидерство: введение в философию лидерства. Архангельск : САФУ, 2022. 348 с.
4. Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. 512 с.
5. Лалу Ф. Открывая организации будущего. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020. 432 с.
6. Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. М. : ВШЭ, 2016. 445 с.
7. Власов В.И. Политическое лидерство вчера и сегодня (взгляд на развитие политического лидерства в современном мире) // Актуальные научные исследования : сб. статей XIII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 25 июля 2023 г. : в 2 частях. Пенза : Наука и Просвещение, 2023. Ч. 2. С. 204–206.
8. Merton R.K. Bureaucratic structure and personality // *Social Forces*. 1940. Vol. 18. № 4. P. 560—568.
9. Макиавелли Н. Государь. М.: Эксмо, 2024. 160 с.
10. Абраменко В.П. Архетипический статус трактата Сунь-цзы «Бин фа» // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. 2022. Т. 1. № 10. С. 206–221. <https://doi.org/10.48647/IFES.2022.88.24.046>
11. Невзоров М.В., Фролова Ю.Н. Организационная культура политических акторов как перспективное направление исследования // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 90. С. 156–171. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-90-156-171>
12. Зуев В.Н. Механизм принятия решений в ЕС — универсальный инструмент примирения интересов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2008. Т. 3. № 3. С. 12—23.
13. Фролова Ю.Н. Проблемы суверенитета и национального самоопределения в Испании в условиях глобализации: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2017.

14. Бордачев Т. ООН — реформа или упразднение? // Россия в глобальной политике. 26.07.2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/oon-reforma-ili-uprazhdenie/> (дата обращения: 24.05.2024).

REFERENCES

1. Schein E. *Organizational Culture and Leadership*. Saint Petersburg: Piter; 2002. (In Russ.).
2. Gaman-Golutvina OV, Nikitin AI, editors. *Contemporary Political Science*. Moscow: Aspekt Press; 2019. (In Russ.).
3. Kudryashova EV. *Lider i liderstvo: vvedenie v filosofiyyu liderstva* [Leader and leadership: An introduction to the philosophy of leadership]. Arkhangelsk: SAFU publ.; 2022. (In Russ.).
4. Adizes I. *Managing corporate Lifecycles*. Moscow: Mann, Ivanov, Ferber publ.; 2014. (In Russ.).
5. Laloux F. *Reinventing Organizations*. Moscow: Mann, Ivanov, Ferber publ.; 2020. (In Russ.).
6. Weber M. *Khozyaistvo i obshchestvo. Ocherki ponimayushchei sotsiologii* [Economy and society. Essays on understanding sociology]. Moscow: Izdatel'skii dom VSHEH publ.; 2016. (In Russ.).
7. Vlasov VI. Politicheskoe liderstvo vchera i segodnya (vzglyad na razvitie politicheskogo liderstva v sovremennom mire) In: *Aktual'nye nauchnye issledovaniya: sbornik statei XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Political leadership yesterday and today (a look at the development of political leadership in the modern world). In: Current Scientific Research: collection of articles of the XIII International Scientific and Practical Conference]. Penza; 2023. p. 204–206. (In Russ.).
8. Merton RK. Bureaucratic structure and personality. *Social Forces*. 1940;18(4):560–568.
9. Machiavelli N. *The Sovereign*. Moscow: Eksmo; 2024: 160. (In Russ.).
10. Abramenko VP. The archetypal status of Sun-Zi's treatise "Bing Fa". *Peoples and Cultures of the Orient. Studies and Translations*. 2022;1(10):206–221. (In Russ.). <https://doi.org/10.48647/IFES.2022.88.24.046>
11. Nevzorov MV, Frolova YuN. Organizational culture of political actors as a prospective research direction. *Public Administration. E-journal*. 2022;(90):156–171. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-90-156-171>
12. Zuev VN. Decision making process in EU as universal instrument for different interests conciliation. *International Organizations Research Journal*. 2008;3(3):12–23. (In Russ.).
13. Frolova YuN. *Problemy suvereniteta i natsional'nogo samoopredeleniya v Ispanii v usloviyakh globalizatsii* [Problems of Sovereignty and National Self-Determination in Spain in the Context of Globalization] [Dissertation]. Saint Petersburg; 2017 (In Russ.).
14. Bordachev T. OON — reforma ili uprazhdenie? [The UN — Reform or Abolition?] *Russia in Global Affairs*. 26.07.2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/oon-reforma-ili-uprazhdenie/> (accessed: 24.05.2024). (In Russ.).

Информация об авторе:

Фролова Юлия Николаевна — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48, к. 20 (e-mail: frolovayuliya@yahoo.com) (ORCID: 0000-0002-0743-6144) (SPIN-код: 9901-1800).

Information about the author:

Yulia N. Frolova — PhD of Political Science, Associate Professor of Department of Political Science, The Herzen State Pedagogical University of Russia, room 20, 48 Moyka River Embankment (Naberezhnaya r. Moyki) St. Petersburg, 191186, Russian Federation (e-mail: frolovayuliya@yahoo.com) (ORCID: 0000-0002-0743-6144) (SPIN-code: 9901-1800).

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-4-434-442

EDN: GCDMLY

Научная статья / Research article

Принципы организации системы государственного управления в период правления Екатерины II и современного политического устройства в РФ: сходство и различие

А.А. Беркалиев¹ , Е.А. Гераничева¹ , Д.Н. Ковалева²

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

²Саратовский государственный технический университет, Саратов, Россия

 berkaliev-aa@rudn.ru

Аннотация. Представлена авторская оценка влияния реформ эпохи «просвещенного абсолютизма» на современную Россию. Цель исследования — анализ сходства и различия в принципах проведения, реализации и результатах реформ в области государственного управления разных исторических эпох. Показано, как много XVIII в. изменил в Российской империи: он открывается правлением Петра I и страна встает на путь всестороннего развития, заявляет о себе и своих интересах на международной арене; масштабные изменения требовали и масштабных глубинных реформ всего государства. Рассмотрены реформы Екатерины II, проникнутые идеями эпохи Просвещения и затронувшие все сферы и прежде всего систему управления государством. Выделены этапы преобразований: реформа Сената, далее реформа административного деления территории государства, изменение и уточнение полномочий властных структур на местах. Подчеркнута роль реформы образования — стране были нужны грамотные люди на всех уровнях управления. Отмечено, что в основе преобразований лежали фундаментальные принципы организации государства: принцип разделения властей и выстраивание вертикали власти. Сделаны выводы о степени и форме влияния реформ в области государственного управления времен Екатерины II на политическую систему современной России.

Ключевые слова: реформа Сената, губернская реформа, институт генерал-губернаторов, просвещенный абсолютизм, укрепление абсолютизма, вертикаль власти, принцип разделения властей

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции обзора, написании текста рукописи, формулировке выводов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: Поступила в редакцию 21.10.2024. Принята к публикации 15.11.2024.

Для цитирования:

Беркалиев А.А., Гераничева Е.А., Ковалева Д.Н. Принципы организации системы государственного управления в период правления Екатерины II и современного политического устройства в РФ: сходство и различие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 4. С. 434–442. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-434-442>

© Беркалиев А.А., Гераничева Е.А., Ковалева Д.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The principles of the organization of the public administration system during the reign of Catherine II and the modern political system in the Russian Federation: similarities and differences

Artem A. Berkaliev¹ , Ekaterina A. Geranicheva¹ ,
Darya N. Kovaleva²

¹RUDN University, Moscow, Russia

²State Technical University of Saratov, Saratov, Russia

 berkaliyev-aa@rudn.ru

Abstract. The study presents the author's assessment of the impact of the reforms of the era of "enlightened absolutism" on modern Russia. The purpose of the study is to analyze the similarities and differences in the principles of conducting, implementing and results of reforms in the field of public administration of different historical eras. The XVIII century has changed a lot in the Russian Empire, it opens with the reign of Peter I and the country is on the path of comprehensive development, declares itself and its interests in the international arena. Large-scale changes also required large-scale in-depth reforms of the entire state. The work of the great reformer was continued with dignity under Catherine II. The reforms of the Empress, imbued with the ideas of the Enlightenment era, affected all spheres and, above all, the system of government. The transformations took place in several stages: starting with the reform of the Senate, then the reform of the administrative division of the territory of the state, changing and clarifying the powers of local authorities. Education reform also played a role in the course of the reforms — the country needed literate people at all levels of government. The transformations were based on such fundamental modern principles of the organization of the state as the principle of separation of powers and building a vertical of power. The authors drew conclusions about the degree and form of influence of reforms in the field of public administration of the time of Catherine II on the political system of modern Russia.

Keywords: senate reform, provincial reform, the institute of governors-general, enlightened absolutism, strengthening absolutism, the vertical of power, the principle of separation of powers

Contribution. All the authors participated in the development of the concept of this review, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 21.10.2024. The article was accepted on 15.11.2024.

For citation:

Berkaliev AA, Geranicheva EA, Kovaleva DA. The Principles of the Organization of the Public Administration System During the Reign of Catherine II and the Modern Political System in the Russian Federation: Similarities and Differences. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(4):434–442. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-434-442>

Введение

Период правления Екатерины II (настоящее имя София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская) с 1762 по 1796 г. часто именуют «золотым веком» Российской империи. Получив престол в результате дворцового переворота,

Екатерина должна была стать регентом при несовершеннолетнем сыне Павле, но взяв власть в свои руки, императрица не смогла с ней расстаться и правила самостоятельно долгие годы. В манифесте о вступлении на престол захват власти был представлен как «желание всех наших верноподданных». С началом правления Екатерины Великой закончился многолетний период «дворцовых переворотов», начавшийся после смерти Петра I в 1725 г.

За 34 года царствования власть Екатерины хотели неоднократно оспорить. Было выявлено около 10 самозванцев, выдававших себя за покойного императора Петра III. В 1773 г., в разгар русско-турецкой войны 1768–1774 гг., объявился 11 «лже-Петр», казачий беглец Емельян Пугачев. Он возглавил казачий бунт, вылившийся в Крестьянскую войну 1773–1775 гг., которая была жестоко подавлена, после этого никто и никогда не пытался оспорить власть и могущество Екатерины II.

Вторая половина XVIII в. вошла в историю как эпоха «просвещенного абсолютизма», а Екатерина II получила титул Великой, как, кстати, и Петр I. В начале 19-го столетия Н.М. Карамзин охарактеризовал период правления Екатерины как «период появления новой России». Во второй половине XIX в. некоторые ученые, среди которых Р.Ю. Виппер, А.А. Кизеветтер и др., писали, что реформы Екатерины были фундаментальным шагом европеизации Российской империи.

Будущая императрица получила превосходное домашнее образование, что повлияло на ее дальнейшую судьбу и судьбу России. В юном возрасте Екатерина увлекалась трудами известных французских философов Вольтера, Дидро, Монтескье, поэтому ее реформаторская деятельность была проникнута идеями эпохи Просвещения.

Маленькой принцессе Фике, принявшей в православии имя Екатерина, будет суждено сыграть одну из ключевых ролей в истории Российской империи.

Влияние политики Екатерины II на современное государственное устройство РФ

Модернизация органов государственного управления при Екатерине II связана с политикой укрепления абсолютной власти монарха. Екатерина пыталась утвердить более современную систему законодательства, хотела создать краткие и в то же время приемлемые законы, учредить независимый суд, привить любовь к образованию в обществе. Таким образом, реформаторская деятельность Екатерины II коснулась социальной, судебной, политической сфер общественной жизни.

Первые шаги новой императрицы были направлены на усиление собственной власти. В 1763 г. был преобразован Сенат. Реформированием занимался Н.И. Панин, предложив два варианта по дальнейшей судьбе Сената, один из которых Екатерина утвердила. Суть реформирования заключалась в разделении Сената по департаментам со строго определенными функциями

и полномочиями. Теперь Сенат делился на 6 департаментов, 4 из которых трудились в Санкт-Петербурге, а оставшиеся 2 — в Москве. Первый департамент отвечал за государственные дела, второй — за судебные, третий отвечал за губернии на Балтике и в Малороссии, четвертый курировал военно-морские дела. Департаменты Москвы занимались государственным и судебными делами. Главным итогом реформы стало то, что Сенат лишился главной своей функции — законодательной (это право перешло к Екатерине), но ему отводилась роль контролирующего органа за соблюдением законов. Таким образом, Екатерина с самого начала своего правления смогла утвердить всю полноту законодательной власти в своих руках [1].

Можно отметить тот факт, что Екатерина пыталась внедрить в политическую систему такую передовую для эпохи Просвещения идею — как принцип разделения властей. Впервые в истории появляется судебная власть как отдельная ветвь власти, функционирующая и сейчас. В современной России принцип разделения власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную — является основой политического устройства Российской Федерации [2].

Сенат при Екатерине II получил расширенные полномочия по контролю за выполнением государственных законов. Этот принцип нашел свое отражение в современной России в виде различных контрольных и надзорных органов, хотя их функции и полномочия существенно отличаются от эпохи Екатерины.

В 1764 г. была проведена секуляризация церковных земель (церковная реформа). Поводом для реформирования стало то, что церковь была освобождена от уплаты налогов, а это приводило к снижению бюджета страны. Монастырские крестьяне стали выплачивать подушную подать государству. Монастыри и епархии стали полностью зависимыми от государства.

На сегодняшний день Русская Православная церковь отделена от государства и оказывает сильное влияние на общество нашей страны. У церкви имеется определенный правовой статус, но это не делает ее независимой от государства [3]. Таким образом, как и при Екатерине церковь является частью государства и выполняет возложенные на нее обязательства.

В 1768 г. была проведена денежная реформа, заключавшаяся в создании условий для перехода на ассигнации («бумажные» деньги). Благодаря этой реформе в стране появились первые бумажные деньги и обмениваться они могли только на металлические в банке (их было два: Московский и Санкт-Петербургский), а согласно приказу, с 1770 г. — только на медные.

Указ об «Учреждении для управления губерний Российской империи» в 1775 г. положил начало крупной губернской реформы. Создавался новый административно-управленческий аппарат. Вся империя делилась на губернии по несколько сотен тысяч (в основном 200–300 тыс.) человек. Губернии состояли из уездов с населением в несколько десятков тысяч человек. Благодаря данной реформе в стране крупные деревни преобразовались в городские поселения (города). Город же делился на районы кварталы, улицы [4].

Руководили губерниями генерал-губернаторы. Их основная задача заключалась в отчете перед Сенатом о социальном, политическом и экономическом положении дел в губернии.

Первые результаты губернской реформы были достигнуты к 1785 г.

Некоторые советские ученые отмечают в своих трудах, что предпосылкой губернской реформы стали события, связанные с крестьянским бунтом Емельяна Пугачева в 1773–1775 гг., продемонстрировавшим халатность и бездейственность местных органов власти, неспособность предотвратить восстание [1]. Ведь именно крестьянский бунт Пугачева показал все недостатки и слабость чиновников на местах. Однако, это не совсем так, губернская реформа была частью политики по укреплению государственного управления и задумана и готовилась задолго до начала восстания. Но именно крестьянская война поспособствовала более быстрому внедрению всех положений губернской реформы [5].

Губернская реформа Екатерины II, конечно, оставила отпечаток в административно-территориальном устройстве РФ. Екатерина разделила губернии, основываясь на численном и экономическом принципах. Данный принцип сохранился и в наши дни, с небольшими изменениями.

Реформа укрепила вертикальную составляющую власти, сделав генерал-губернаторов ответственными перед самим императором. Этот принцип действовал и в современной России — с 2004 по 2012 г. губернатор назначался и подчинялся непосредственно президенту РФ. Причиной введения такой законодательной нормы стала борьба с терроризмом после событий в г. Беслан. Таким образом, президент не просто укрепил вертикаль власти, а взял ответственность за политику глав регионов на себя.

Территориально-административное устройство РФ — есть результат длительного исторического процесса, на который повлияли множество факторов. Екатерина II смогла заложить фундамент будущего деления России на регионы [6].

Реформы Екатерины II в области государственного управления дали начало многим механизмам, которые существуют и в современной России. Конечно, многое изменялось и усовершенствовалось, но главные принципы до сих пор существуют: принцип разделения властей и принцип вертикали власти.

21 апреля 1785 г., ко дню своего рождения, Екатерина подписала манифест «О вольности дворянства». Указ закреплял права и привилегии дворян, что привело к отделению их от других сословий. Статус дворянина определялся как «жалование за государственную службу», звание как «потомственное и наследственное».

Дворяне освобождались от уплаты податей, обязательной военной службы, запрещалось подвергать их телесным наказаниям. Дворяне переживали свой золотой век при Екатерине.

Жалованная грамота дворянству имела важный социально-экономический аспект в период правления Екатерины. Но суть реформы не имеет прямых

аналогов в современной России ввиду социального, политического и правового статуса РФ [7].

В 1782 г. был подписан «Полицейский устав», но корнями он уходит в 1767 г., когда трудилась Уложенная комиссия. Реформа полиции связана с реформой губерний, так как за каждым городом, районом кварталом назначался свой полицейский. В городе — управа благочиния (коллегиальный орган, в который входили полицмейстер и городничий); в квартале — надзиратель. Были определены четкие функции и меры ответственности для полицейских учреждений и заложены предпосылки полицейского права.

Екатерина сменила систему управления полицией, основанную на сословном принципе, на вертикальную, подчинявшуюся единому центру. Этот принцип действует и сейчас: вся полиция подчиняется федеральному министерству внутренних дел.

Екатерина усилила контроль за действиями полиции, что является важным фактором укрепления центральной власти. Сегодня в РФ действия полиции также подлежат государственному контролю, что является наследием реформы полиции Екатерины II [8].

По действующим ныне нормам за каждым районом города закреплено свое отделение полиции или Росгвардии. Такая система не только помогала поддерживать правопорядок в эпоху Екатерины, но и действенна в современной России.

Екатерина II, выросшая на идеях западноевропейских мыслителей, среди которых Вольтер, Дидро, Марат, Монтескье, много думала о просвещении русского народа. В переписке с Вольтером Екатерина неоднократно отмечала, что «мечтает любыми способами положить конец невежеству в империи» [9].

В 1760–1770 гг. в России создавались образовательные учреждения с целью воспитания нового «класса людей». В марте 1764 г. был издан утвержденный Екатериной доклад Бецкого¹, согласно которому мужчины и женщины могли поступать в образовательные организации. Он делился на пункты и уставы. В своих манифестах и указах по вопросу образования Екатерина придерживалась положений этого доклада. В том же 1764 г. началось строительство «Воспитательного дома для сирот и беспризорных детей», где обучение проводилось по различным ремеслам. Также было создано учебное заведение для женского пола («Воспитательное общество благородных девиц») в Санкт-Петербурге, в котором обучали девушек юного возраста хорошим манерам и языкам.

В 1786 г. разработан «Устав народных училищ Российской Империи». В нем учреждалась классно-урочная система. В образовательном процессе предполагалось прививать ученикам добросовестность и трудолюбие. Стоит

¹ *Бецкой И.И.* Высочайше утвержденный доклад Академии художеств главного директора генерал-поручика «О воспитании юношества обоего пола» от 22 марта 1764 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. 1830. № 16. С. 668.

отметить, что применение физической силы как меры наказания строго запрещалось и каралось санкциями. Применялись более гуманные воспитательные меры. Согласно уставу, вводились малые и главные типы училищ. В малых обучались два года правописанию, рисованию и нумерации; в главных учились пять лет, но уже по более сложной программе. Преподавались естественно-научные предметы, а также изучались языки и искусство.

Образование и наука не стояли на месте, они шли большими шагами вперед. Учителям необходимо следить за новшествами. Так, из главного училища создали учительскую семинарию — заведение по подготовке педагогического состава [10].

Проводя параллели, можно отметить, что систему образования в РФ входят различные уровни образования (школа, бакалавриат, магистратура, аспирантура и докторантура), истоки многоуровневости прослеживаются в эпохе правления Екатерины. В ходе образовательной реформы состоялось открытие Смольного института для девиц. Теперь девушки тоже могли получать образование — это был первый шаг к равенству мужчин и женщин в области получения образования.

В современной России образование не является привилегией избранных, оно доступно всем. Базовое образование является обязательным и финансируется из государственного бюджета для всех граждан в возрасте от 6 до 15 лет.

Также стоит отметить тот факт, что государство, как и два столетия назад, заинтересовано в грамотном населении, грамотных специалистах, грамотных управленцах. В последние три года усиливается тенденция на увеличение бюджетных мест в вузах. В 2022/2023 учебном году — 588 044 места, 2023/2024 — 590 101 место; 2024/2025 — 621 000 мест. Это говорит об увеличении с каждым годом доступности высшего профессионального образования в России².

Заключение

Придя к власти летом 1762 г. в результате дворцового переворота, Екатерина II правила до 1796 г. За время своего правления Екатерина Великая успела провести немало важнейших преобразований, как во внутренней, так и во внешней политике российского государства. Реформы Екатерины оказали положительное влияние на будущее развитие Российской империи.

Рассмотренные преобразования в области государственного устройства свидетельствуют о фундаментальном значении реформ Екатерины для государственного устройства современной России. Именно в эпоху «просвещенного абсолютизма» вводится фундаментальный принцип политической системы государства — принцип разделения властей. Только при независимых

² В 2024 году в вузах выделили рекордное количество бюджетных мест. URL: <https://www.rbc.ru/society/19/06/2024/6672b4e69a7947a0a40596e7> (дата обращения: 22.07.2024).

ветвях власти может полноценно развиваться современное демократическое общество. Следование букве закона, контроль за порядком на местах — вот основы безопасного общества. И сегодня стране нужны грамотные профессионалы во всех областях, исполнение этого запроса напрямую связано с системой образования, с преемственностью всех ступеней образовательных учреждений и доступностью образования в целом.

Многое из того, что было создано при Екатерине, укрепило Российскую империю. Многие реформы «просвещенной» правительницы получили продолжение в последующие эпохи и способствовали развитию страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Павленко Н.И. Екатерина Великая. 3-е изд. М. : Молодая гвардия, 2003. 495 с.
2. Митрохина Т.Н. Институционально-процессуальные аспекты цифровой трансформации государственного управления // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Т. 12. № 7А. С. 25–32. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.10.93.004>
3. Чашников М.А. Реформы Екатерины II в области государственного управления // Вестник науки. 2021. Т. 4. № 1 (34). С. 162–166.
4. Магомедова А.Б. Реформы государственного управления при Екатерине II: историко-правовой аспект // Вестник науки. 2019. Т. 3. № 11 (20) С. 83–88.
5. Хитров Д.А. Реализация губернской реформы Екатерины II на территории Севской провинции // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 2 (36). С. 232–240. <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2018-02-02-232-240>
6. Белов А.В. Административно-территориальная реформа Екатерины II: реализация на местах и личности сановников-управленцев (по материалам губерний центральной России) // История: факты и символы. 2021. № 2 (27). С. 110–116. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2021-27-2-110-116>
7. Акишин М.О. Конституционные идеи эпохи просвещения и правовая доктрина Екатерины II // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5 (87). С. 104–110. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.81.5.104-110>
8. Гурлев И.В. Деятельность полиции Российской Империи при Екатерине II (1762–1796) // Власть. 2020. Т. 28. № 6. С. 213–219. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7783>
9. Земляная Т.Б., Павлычева О.Н. Образовательные реформы времен правления Екатерины II // Журнал научно-педагогической информации. 2010. № 9. С. 12–34.
10. Стародубцев М.П. Реформы системы образования, проводимые Екатериной II // Экономика образования. 2012. № 2. С. 36–40.

REFERENCES

1. Pavlenko NI. *Ekaterina Velikaja* [Catherine the Great]. 3-e izdanie. Moscow: Molodaya gvardiya; 2003. 495 p. (In Russ.).
2. Mitrokhina TN. Institutional and procedural aspects of digital transformation of public administration. *Theories and Problems of Political Studies*. 2023;12(7A):25–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.34670/AR.2023.10.93.004>
3. Chashnikov MA. Reforms of Catherine II in the area of public administration. *Vestnik nauki*. 2021;4(1):162–166. (In Russ.).
4. Magomedova AB. *Reformy gosudarstvennogo upravleniya pri Ekaterine II: istoriko-pravovoi aspect* [Public administration reforms under Catherine II: historical and legal aspect]. *Vestnik nauki*. 2019;3(11):83–88. (In Russ.).
5. Khitrov DA. The gubernia reform of Catherine II in the territories of the Sevs province. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018;(2):232–240. (In Russ.). <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2018-02-02-232-240>

6. Belov AV. Administrative and territorial reform of Catherine II: its local implementation and the personalities of high official administrators (on the materials of central Russia provinces). *History: facts and symbols*. 2021;(2):110–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2021-27-2-110-116>
7. Akishin MO. Constitutional ideas of the Enlightenment era and the legal doctrine of Catherine II. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;(5):104–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.81.5.104-110>
8. Gurlev IV. Police activities in the Russian Empire during the period Catherine's II rule (1762–1796). *Vlast'*. 2020;28(6):213–219. (In Russ.). <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7783>
9. Zemlyanaya, TB, Pavlycheva ON. *Obrazovatel'nye reformy vremen pravleniya Ekateriny II* [Educational reforms during the reign of Catherine II]. *Zhurnal nauchno-pedagogicheskoi informatsii*. 2010;(9):12–34. (In Russ.).
10. Starodubtsev MP. Education Reforms carried out by Catherine II. *Economics of education*. 2012;(2):36–40. (In Russ.).

Информация об авторах:

Беркалиев Артём Алексеевич — магистрант кафедры техники и технологий транспорта, Российский университет дружбы народов, 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (e-mail: berkaliev-aa@rudn.ru) (ORCID: 0009-0004-7289-7280) (SPIN-код: 7649-2335).

Гераничева Екатерина Андреевна — магистрант агроинженерного департамента, Российский университет дружбы народов, 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (e-mail: geranicheva-ea@rudn.ru) (ORCID: 0009-0005-8829-2224).

Ковалева Дарья Николаевна — кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина, 410054, Россия, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77 (e-mail: dasha1109@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-8434-5887) (SPIN-код: 5386-6716).

Information about the authors:

Artem A. Berkaliev — Master's Student at the Department of Engineering and Technology of Transport, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation, 117198 (e-mail: berkaliev-aa@rudn.ru) (ORCID: 0009-0004-7289-7280) (SPIN-code: 7649-2335).

Ekaterina A. Geranicheva — Master's Student at the Agroengineering Department, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation, 117198 (e-mail: geranicheva-ea@rudn.ru) (ORCID: 0009-0005-8829-2224).

Darya N. Kovaleva — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin, 77 Politechnicheskaya str., Saratov, Russian Federation, 410054 (e-mail: dasha1109@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-8434-5887) (SPIN-code: 5386-6716).

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-4-443-452

EDN: GCBZKM

Научная статья / Research article

Развитие цифровой медиаграмотности школьников в контексте профильного обучения: теоретическая основа и методология

Е.Ю. Фивейская¹ , Д.В. Накисбаев²

¹Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

²Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

 fivejskayaeyu@mgpu.ru

Аннотация. Рассмотрены подходы к развитию у школьников цифровой медиаграмотности с учетом особенностей профильного обучения. Особое внимание уделено развитию ключевых навыков: критическому мышлению, умению анализировать информацию, распознавать манипуляции и безопасно работать с цифровыми ресурсами. Рассмотрены эффективные подходы к интеграции медиаграмотности в образовательные программы, включая междисциплинарные проекты, исследовательские работы и использование цифровых технологий в образовательном процессе. Подчеркнута важность сотрудничества между образовательными учреждениями, родителями и экспертами в области цифровой культуры для создания условий, способствующих формированию устойчивых компетенций у учащихся. Проанализированы инновационные методы, такие как внедрение цифровых платформ, имитационных сред и интерактивных инструментов, которые повышают вовлеченность и мотивацию школьников. Также подчеркнута важность проектной деятельности, позволяющей студентам применять полученные знания на практике при создании собственных цифровых продуктов. Сделан акцент на вызовы, возникающие в связи с подготовкой учителей к работе в условиях цифровизации образования, созданием соответствующих учебных материалов и адаптацией образовательных программ к потребностям быстро развивающегося общества. Поднята проблема нехватки квалифицированных специалистов, необходимость регулярного обновления учебных пособий и трудности с внедрением новых технологий в школьную практику. Рекомендации включают разработку специализированных курсов для учителей, проведение практико-ориентированных занятий для учащихся и создание условий для использования современных цифровых инструментов. В исследовании подчеркнута важность цифровой медиаграмотности как ключевого навыка, необходимого для успешной социализации и профессионального развития школьников. Способность критически оценивать информацию, ориентироваться в цифровой среде и эффективно использовать современные технологии становится основой для их успешной адаптации к условиям глобальной цифровой трансформации.

Ключевые слова: образовательная интеграция, медиаобразование, цифровые компетенции, школьные программы, анализ медиаконтента, ИКТ-навыки, методика преподавания, медиа этика, образовательные технологии

© Фивейская Е.Ю., Накисбаев Д.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Авторы внесли равный вклад в разработку концепции обзора, написание текста рукописи, формулировку выводов.

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 26.08.2024. Принята к публикации: 09.10.2024.

Для цитирования:

Фивейская Е.Ю., Накисбаев Д.В. Развитие цифровой медиаграмотности школьников в контексте профильного обучения: теоретическая основа и методология // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 4. С. 443–452. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-443-452>

Development of digital media literacy in students in the context of specialized education: theoretical basis and methodology

Ekaterina Yu. Fiveyskaya¹ , Dmitriy V. Nakisbaev²

¹Moscow City University, Moscow, Russian Federation

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

 fivejjskayaeyu@mgpu.ru

Abstract. The study considers approaches to the development of digital media literacy among schoolchildren, taking into account the peculiarities of specialized education. Special attention is paid to the development of key skills such as critical thinking, the ability to analyze information, recognize manipulation and work safely with digital resources. Effective approaches to the integration of media literacy into educational programs, including interdisciplinary projects, research and the use of digital technologies in the educational process, are considered. The importance of cooperation between educational institutions, parents and experts in the field of digital culture is emphasized in order to create conditions conducive to the formation of sustainable competencies among students. The study analyzes innovative methods, such as the introduction of digital platforms, simulation environments and interactive tools, which increase the involvement and motivation of schoolchildren. The importance of project activities is also emphasized, which allows students to apply their knowledge in practice by creating their own digital products. The emphasis is placed on the challenges arising in connection with the preparation of teachers for work in the context of digitalization of education, the creation of appropriate educational materials and the adaptation of educational programs to the needs of a rapidly developing society. The problem of the shortage of qualified specialists, the need for regular updating of textbooks and difficulties with the introduction of new technologies into school practice is being raised. The recommendations include the development of specialized courses for teachers, conducting practice-oriented classes for students and creating conditions for the use of modern digital tools. The study highlights the importance of digital media literacy as a key skill necessary for successful socialization and professional development of schoolchildren. The ability to critically evaluate information, navigate the digital environment and effectively use modern technologies becomes the basis for their successful adaptation to the conditions of global digital transformation.

Keywords: educational integration, media education, digital competencies, school curricula, media analysis, ICT skills, teaching methods, media ethics, learning technologies

Contribution: All the authors participated in the development of the concept of this review, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 26.08.2024. The article was accepted on 09.10.2024.

For citation:

Fiveyskaya EYu, Nakisbaev DV. Development of digital media literacy in students in the context of specialized education: theoretical basis and methodology. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(4):443–452. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-443-452>

Введение

Цифровая медиаграмотность является важнейшим компонентом современного образования, поскольку она помогает школьникам не только ориентироваться в условиях цифрового мира, но и развивает у них ключевые навыки для успешной жизни в информационном обществе. Профильное обучение, предлагая учащимся углубленное изучение различных дисциплин, может сыграть ключевую роль в формировании этих компетенций, адаптируя учебные программы под индивидуальные потребности и интересы студентов.

С учетом вышеизложенного профильное обучение представляет собой перспективный подход к образованию, позволяющий адаптировать учебные программы под специфические интересы и потребности учащихся, в т.ч. в области цифровой медиаграмотности [1]. Интеграция цифровой медиаграмотности в профильное обучение способствует не только развитию специализированных знаний и умений [2], но и формирует у школьников глубокое понимание принципов и этики цифрового мира, что является критически важным для их личностного и профессионального роста.

Исследование посвящено анализу текущего состояния и перспектив развития цифровой медиаграмотности школьников в контексте профильного обучения. Особое внимание уделено обзору существующих подходов и методик, а также выявлению основных вызовов и возможностей, с которыми сталкиваются образовательные учреждения при реализации данной задачи [3].

Цель исследования — анализ текущего состояния и перспектив развития цифровой медиаграмотности школьников в контексте профильного обучения. Задачи исследования включают обзор существующих подходов и методик интеграции цифровой медиаграмотности в образовательный процесс, а также выявление основных вызовов и возможностей, с которыми сталкиваются образовательные учреждения при внедрении медиаграмотности в учебные программы.

Исследование основывается на анализе актуальной литературы, результатов недавних исследований в области медиаграмотности и опыте педагогов, что позволяет сформировать комплексное представление о статусе и перспективах развития цифровой медиаграмотности в школьном образовании [4].

Применение аспектов цифровой медиаграмотности в школьном образовании

Цифровая медиаграмотность — это комплексная компетенция, включающая в себя знания, навыки и понимание, необходимые для эффективного использования цифровых технологий в целях поиска, анализа, создания и распространения информации¹. Эта компетенция позволяет критически относиться к медиаконтенту, знать различные аспекты цифровых технологий и использовать их как инструменты для обучения, коммуникации и участия в социальной жизни. В контексте школьного образования развитие цифровой медиаграмотности играет ключевую роль при подготовке учащихся к успешной жизни и карьере в современном цифровом мире².

Понятие цифровой медиаграмотности охватывает широкий спектр знаний и навыков, которые необходимы для эффективного использования цифровых технологий, интерпретации и создания цифрового контента, а также безопасного и этичного взаимодействия в цифровом пространстве [5]. В современном мире, где цифровые технологии проникают во все сферы жизни, медиаграмотность становится ключевым навыком для личного развития, образования, профессиональной деятельности и гражданской активности [6].

Развитие цифровой медиаграмотности требует комплексного подхода, включающего как формальное образование, так и неформальные образовательные практики [7]. Включение компонентов цифровой медиаграмотности в образовательные программы помогает подготовить учащихся к жизни в условиях информационного общества, развить у них навыки критического мышления и обеспечить безопасное и ответственное использование цифровых технологий.

Важность цифровой медиаграмотности для школьников обусловлена рядом факторов. Во-первых, в условиях информационного общества способность критически анализировать и оценивать информацию, получаемую из различных источников, становится основой личностного развития и образования. Во-вторых, навыки работы с цифровыми инструментами и платформами необходимы для участия в профессиональной и общественной жизни. Наконец, цифровая медиаграмотность способствует развитию умений самостоятельного обучения и поиска необходимой информации, что является важным аспектом непрерывного образования в течение всей жизни.

Исследование Денисы Чидеровой и Евы Белончиковой подчеркивает, что интеграция цифровой медиаграмотности в учебные программы способствует

¹ Ефремов В.А., Буланов С.В. Цифровая трансформация образования // Академия «Просвещение». 2024. URL: <https://edu.prosv.ru/pl/fileservice/user/file/download/h/38ea3d4e9dec25fe634914b3d1409ccc.pdf> (дата обращения: 20.06.2024).

² Липунова Е.А. Цифровая культура // Центр развития образования. 2024. URL: https://www.ddtudomlya.ru/prog/cifrovaja_kultura.pdf (дата обращения: 25.06.2024).

улучшению образовательных результатов, поскольку обучение учащихся навыкам работы с информацией и технологиями улучшает их академическую успеваемость и подготавливает к будущей карьере [8].

Таким образом, развитие цифровой медиаграмотности у школьников не только повышает их конкурентоспособность на рынке труда, но и способствует формированию ответственного отношения к использованию цифровых технологий и медиа.

В современной образовательной системе профильное обучение занимает ведущее место, предлагая учащимся возможность глубже изучить выбранные предметы и области знаний, тем самым способствуя их целенаправленной подготовке к будущей профессиональной деятельности. Данный подход не только обеспечивает углубленное понимание конкретных дисциплин, но и развивает критическое мышление, самостоятельность и навыки принятия решений, что является важным аспектом комплексной подготовки к жизни в обществе.

Значение профильного обучения выходит за рамки традиционного образования, предлагая индивидуализированный подход к обучению, учитывающий интересы, склонности и потенциал каждого ученика. В условиях постоянно меняющегося рынка труда и требований к профессиональным компетенциям профильное обучение дает школьникам необходимые знания и умения, которые помогут им успешно адаптироваться к будущим вызовам и требованиям.

Результаты Международного исследования компьютерной и информационной грамотности (ICILS, 2013) подтверждают, что профильное обучение способствует не только углублению знаний в определенных предметных областях, но и развитию цифровой медиаграмотности. Учащиеся, проходящие профильное обучение, демонстрируют более высокий уровень понимания и применения цифровых технологий, что подтверждает его значимость для подготовки кадров, способных эффективно функционировать в современном цифровом обществе.

Профильное обучение также играет ключевую роль в развитии навыков непрерывного образования, мотивируя учащихся к саморазвитию и самосовершенствованию в течение всей жизни. Подход, ориентированный на интересы и потребности учащихся, способствует формированию у них позитивного отношения к обучению и желания постоянно расширять свои знания и компетенции.

Исследования в области цифровой медиаграмотности охватывают широкий спектр тем: от изучения концептуальных основ медиаграмотности до разработки и оценки образовательных программ, важнейшие из этих тем:

- концептуальное определение медиаграмотности: исследователи стремятся уточнить, что именно включает в себя цифровая медиаграмотность, выделяя такие аспекты, как способность к анализу медиаконтента, понимание авторства и создание собственного контента;

- методы обучения: особое внимание уделяется разработке и оценке образовательных программ, которые способствуют развитию цифровой медиаграмотности среди различных возрастных групп, особенно среди школьников;
- влияние на общество: исследуются эффекты развития цифровой медиаграмотности на индивидуальном и общественном уровнях, включая вопросы кибербезопасности, участие в гражданском обществе и способность критически оценивать медиаинформацию.

В современном мире цифровая медиаграмотность выходит на передний план как неотъемлемая часть образовательного процесса, а владение цифровой медиаграмотностью необходимо для успешной адаптации к быстро меняющемуся миру. Авторы исследуют, как школьное обучение может помочь учащимся развить эти навыки, подчеркивая необходимость интеграции цифровой медиаграмотности в образовательные стандарты и учебные программы. Образовательные стратегии развития цифровой медиаграмотности включают в себя не только обучение техническим навыкам использования цифровых устройств и программ, но и развитие критического мышления, понимания этических аспектов использования цифровых медиа, а также умения эффективно общаться и создавать цифровой контент. Включение проектов по обучению цифровой медиаграмотности в учебную программу может улучшить навыки учащихся в этой области, а также повысить их мотивацию к обучению и самостоятельным исследованиям [9].

Помимо технических аспектов, важным компонентом цифровой медиаграмотности является развитие умения критически анализировать медиаконтент. В своем исследовании Ливингстоун и Хагрейв подчеркивают, что дети и подростки ежедневно сталкиваются с огромным объемом информации в сети Интернет, социальных сетях и других цифровых каналах. Обучение критическому восприятию медиа помогает молодежи лучше ориентироваться в сложной информационной среде и защищать себя от недостоверной или вредоносной информации [10].

Влияние профильного обучения на развитие медиаграмотности

Интеграция цифровой медиаграмотности в профильное образование является важным шагом в подготовке школьников к успешной адаптации и эффективному функционированию в условиях современного информационного общества. Разработка образовательных программ, включающих элементы цифровой медиаграмотности, требует комплексного подхода, учитывающего как содержательные, так и методологические аспекты образования. Ниже приведены ключевые аспекты и рекомендации для успешной интеграции цифровой медиаграмотности в специализированное образование.

1. Определение целей и задач.

Первым шагом является четкое определение целей и задач обучения цифровой медиаграмотности в рамках профильного образования. Это включает в себя формирование конкретных компетенций, которые должны приобрести учащиеся.

2. Интеграция в существующие дисциплины.

Цифровая медиаграмотность может быть включена в учебные планы с помощью различных предметов и профилей обучения. Например, на уроках литературы — для анализа медиатекстов, на уроках истории — для изучения роли медиа в формировании исторических событий, на уроках информатики — для изучения аспектов безопасности в Интернете и правил эффективного поиска информации.

3. Разработка специализированных курсов.

Создание специализированных курсов или модулей цифровой мультимедийной графики для включения в специализированное обучение. Эти курсы могут быть направлены на развитие определенных навыков, например, в области создания цифрового контента, программирования, основ цифровой этики и безопасности.

4. Использование активных и интерактивных методов обучения.

Использование проектного подхода, кейс-метода, групповых дискуссий и других интерактивных форм работы позволяет студентам активно участвовать в учебном процессе, развивать коммуникативные навыки и умение работать в команде.

5. Привлечение цифровых технологий.

Интеграция в процесс обучения цифровых инструментов и ресурсов, таких как образовательные платформы, электронные учебники, облачные сервисы и социальные сети, помогает повысить интерес учащихся к предмету и улучшить качество образования.

6. Повышение квалификации преподавателей.

Организация курсов повышения квалификации для учителей по цифровой медиаграфике и методам преподавания поможет учителям эффективно интегрировать элементы медиаграмотности в образовательный процесс.

7. Взаимодействие с родителями и общественностью.

Организация мероприятий, направленных на повышение уровня цифровой медиаграмотности родителей и других представителей общественности, создание единого информационного пространства вокруг учащегося.

8. Оценка и адаптация программы.

Регулярный мониторинг и оценка эффективности реализации программы по развитию цифровой медиаграфике. Адаптация и корректировка учебных планов и методик на основе результатов и отзывов участников образовательного процесса.

В обучении медиаграмотности ключевую роль играют инновационные методы и технологии, позволяющие учащимся не только

овладеть необходимыми знаниями и умениями, но и активно применять их на практике. Эти подходы способствуют росту вовлеченности и мотивации учащихся, а также облегчают процесс обучения, делая его более интерактивным и динамичным. Ниже приведены некоторые из наиболее перспективных инновационных методов и технологий, используемых при обучении медиаграмотности.

Одним из наиболее эффективных методов является использование цифровых симуляторов и интерактивных обучающих платформ, которые позволяют студентам не только теоретически изучать медиаграмотность, но и практиковаться в реальных ситуациях. Например, моделирование может имитировать поиск и анализ информации в Интернете, выявление фальшивых новостей или решение этических дилемм, связанных с цифровыми технологиями. Такие платформы, как Moodle или специализированные образовательные приложения, позволяют не только усвоить материал, но и развить навыки работы с цифровыми инструментами, что способствует более глубокому пониманию цифрового мира. Геймификация также является важным инновационным методом, стимулирующим интерес и мотивацию учащихся. Благодаря использованию игровых технологий, таких как награды, рейтинги и конкурсы, процесс обучения становится более увлекательным. Например, учащиеся могут проходить цифровые квесты, решая задачи, связанные с анализом медиаконтента или критической оценкой информации в сети. Проектное обучение — еще один мощный инструмент развития цифровой медиаграмотности. Создавая свои собственные цифровые продукты (видео, блоги, веб-сайты), студенты не только развивают технические навыки, но и учатся создавать и распространять медиа-контент ответственно и с соблюдением этических норм. Это помогает им развить компетенции, необходимые для активного участия в современном цифровом обществе.

Заключение

Интеграция цифровой медиаграмотности в профильное образование является важным компонентом современной образовательной системы. Цифровая медиаграмотность не только помогает школьникам ориентироваться в потоке информации, но и развивает у них навыки критического мышления, самостоятельного поиска знаний и ответственного использования цифровых технологий. Современные образовательные учреждения, используя инновационные методы и технологии, могут успешно адаптировать учебные планы к требованиям цифровой эпохи. Для успешного развития медиаграмотности у школьников важно не только включать цифровые технологии в образовательные процессы, но и обучать учителей, привлекать родителей и общественность, а также регулярно оценивать и совершенствовать учебные программы. Такой комплексный подход поможет студентам стать уверенными

и ответственными пользователями цифровых ресурсов, что, в свою очередь, повысит их готовность к жизни и работе в быстро развивающемся информационном обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусенко Д.В. Использование социальных сетей в продвижении образовательных услуг // Молодой ученый. 2018. Т. 231. № 45. С. 55–58.
2. Бубнова Ю.А. Основные теории медиаобразования // *Crede experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2017. Т. 12. № 1. С. 4–9.
3. Букаева А.А., Магзумова А.Т. Использование социальных сетей в образовательном процессе // *Инновации в науке*. 2015. № 42. С. 120–126.
4. Богданова Д.И. Интеграция социальных сетей в образовательный процесс // *Инновационная экономика и менеджмент: методы и технологии*. 2021. С. 29–35.
5. Жадыра М. Инновационные формы и методы работы с художественными текстами в контексте формирования языковой грамотности // *Science and Innovation*. 2024. С. 645–657. <https://doi.org/10.5281/zenodo.11061102>
6. Стригуненко Ю.В., Лоууйтун. Медиаобразование в профессиональной деятельности современного журналиста // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2024. № 1. С. 77–80. <https://doi.org/10.23672/HSCP.2024.68.24.010>
7. Крупенко М.А. Социальное манипулирование российской молодежью в социальных сетях // *Гуманитарий Юга России*, 2024. Т. 13. № 2. С. 67–74. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.2.6>.
8. Číderová D., Belvončíková E. Media literacy in higher education: “Know-where” and “Know-whether”... Know-why to know better? // *Media Literacy Academic Research*, 2024. Vol. 7. № 1. P. 26–50. <https://doi.org/10.34135/mlar-24-01-02>
9. Buckingham D. *Media education: Literacy, learning, and contemporary culture*. Cambridge: Polity Press. 2003. 224 p.
10. Livingstone S. *Media literacy and the challenge of new information and communication technologies*. New York: Routledge. 2009. 208 p. <https://doi.org/10.1080/10714420490280152>

REFERENCES

1. Belousenko DV. Using social networks in promoting educational services. *Molodoi uchenyi*, 2018;231(45):55–58. (In Russ.).
2. Bubnova YuA. Main theories of media education. *Crede Experto: transport — obshchestvo — obrazovanie — yazyk*. 2017;12(1):4–9. (In Russ.).
3. Bukaeva AA, Magzumova AT. Using social networks in the educational process. *Innovatsii v nauke*. 2015;(42):120–126. (In Russ.).
4. Bogdanova DI. Integration of social networks into the educational process. *Innovatsionnaya ekonomika i menedzhment: metody i tekhnologii*. 2021. p.29–35 (In Russ.).
5. Zhadyra M. Innovative forms and methods of working with literary texts in the context of language literacy development. *Science and innovation*. 2024. p.645–647. (In Russ.). <https://doi.org/10.5281/zenodo.11061102>
6. Strigunenko YuV, Louuyjtun. Media education in the professional activity of a modern journalist. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*. 2024;(1):77–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.23672/HSCP.2024.68.24.010>
7. Krupenko MA. Social manipulation of Russian youth in social networks. *Gumanitarii Yuga Rossii*. 2024;13(2):67–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.2.6>
8. Číderová D, Belvončíková E. Media literacy in higher education: “Know-where” and “Know-whether”... Know-why to know better? *Media Literacy Academic Research*. 2024;7(1):26–50. <https://doi.org/10.34135/mlar-24-01-02>

9. Buckingham D. *Media education: Literacy, learning, and contemporary culture*. Cambridge: Polity Press; 2003. 224 p.
10. Livingstone S. *Media literacy and the challenge of new information and communication technologies*. New York: Routledge; 2009. 208 p. <https://doi.org/10.1080/10714420490280152>

Информация об авторах:

Фивейская Екатерина Юрьевна — заместитель директора Института развития профильного обучения, Московский городской педагогический университет, 109044, Россия, Москва, ул. Воронцовская, д. 6, корп. 1. (e-mail: fivejskayaeyu@mgpu.ru) (ORCID: 0009-0001-0397-3612)
Накисбаев Дмитрий Владимирович — кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. (e-mail: nakisbaev-dv@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-0600-7639) (SPIN-код: 3491-0783)

Information about the authors:

Ekaterina Yu. Fiveyskaya — Deputy Director of the Institute of Specialized Training Development Liberal Arts in Prevocational Education, Moscow City University, 6A Vorontsovskaya st., bldg. 1, Moscow, 109044, Russian Federation (e-mail: fivejskayaeyu@mgpu.ru) (ORCID: 0009-0001-0397-3612)
Dmitriy V. Nakisbaev — PhD in Political Science, Head of the Department of Public Administration, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation (e-mail: nakisbaev-dv@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-0600-7639) (SPIN-code: 3491-0783)

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-4-453-459

EDN: GBMLPA

Научная статья / Research article

Совершенствование механизмов миграционной политики путем применения технологий блокчейн

И.А. Шутов¹ , В.Г. Иванов^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

²Государственный университет управления, Москва, Россия

 wanjacom17@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены особенности влияния миграционных процессов на социально-экономическое развитие Российской Федерации и актуальные проблемы безопасности. Проанализированы современные подходы к совершенствованию миграционной политики РФ. Рассмотрены возможности применения технологий блокчейн в механизмах миграционного регулирования, в т.ч. их внедрение в систему разрабатываемого единого цифрового профиля иностранного гражданина. Авторами сделаны выводы о том, что данная инициатива потенциально способна обеспечить значительную экономическую отдачу, противодействие коррупции и, таким образом, может повысить уровень национальной безопасности страны.

Ключевые слова: миграция, рынок труда, трудовые отношения, цифровой профиль

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции обзора, написании текста рукописи, формулировке выводов.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Гранта РНФ, проект 24-18-00722 «Социально-экономическая и политико-административная трансформация современного Юга России. „Новые“ и „старые“ регионы: сравнительный анализ и перспективы развития» (2024–2026 г.).

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: Поступила в редакцию: 26.09.2024. Принята к публикации: 09.11.2024.

Для цитирования:

Шутов И.А., Иванов В.Г. Совершенствование механизмов миграционной политики путем применения технологий блокчейн // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 4. С. 453–459. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-453-459>

© Шутов И.А., Иванов В.Г., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Improving migration policy mechanisms using blockchain technologies

Ivan A. Shutov¹ , Vladimir G. Ivanov^{1,2}

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²State University of Management, Moscow, Russian Federation

 wanjacom17@gmail.com

Abstract. The study examines the peculiarities of the impact of migration processes on the socio-economic development of the Russian Federation and current security issues. The authors analyzed contemporary approaches to improvement of the migration policy of the Russian Federation. The authors evaluated the possible advantages of using blockchain technologies in migration regulation mechanisms, including their implementation into the perspective system of a single digital profile of a foreign citizen. The authors conclude that this initiative has the potential to provide significant economic returns, anti-corruption effect and, thus, could increase the level of national security of the country.

Keywords: migration, labor market, labor relations, digital profile

Funding. All the authors participated in the development of the concept of this review, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 26.09.2024. The article was accepted on 09.11.2024.

For citation:

Shutov IA, Ivanov VG. Improving migration policy mechanisms using blockchain technologies. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(4):453–459. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-453-459>

Введение

В Российской Федерации происходит ряд значительных изменений как во внутренней, так и во внешней политике. Данные изменения затрагивают разные сферы общественных отношений, обладая потенциалом системных трансформаций. Современная реальность актуализирует вопросы дальнейшего развития социальной сферы, включая образование, формирование трудовых отношений, совершенствование сферы культуры при текущей миграционной ситуации.

Миграционные процессы оказывают влияние на экономическое развитие как отдельных субъектов (в т.ч. «новых» регионов), так и всей страны; воздействуют на уровень защищенности населения в целом. Поэтому внешняя миграция создает дополнительную нагрузку на социальные институты государства. Кроме того, существующее миграционное законодательство не в полной степени соответствует современным потребностям экономики России и особенностям ее рынка труда. Регулирование миграционных процессов, существующее в Российской Федерации на сегодняшний день, в первую очередь нацелено на выявление и предотвращение правонарушений со стороны привлекаемых иностранных специалистов, без необходимого учета потребностей экономики и рынка труда страны [1–3].

Перспективы применения блокчейн в миграционной политике РФ

В течение последних лет наблюдается усиленное формирование миграционных потоков на территорию Российской Федерации из стран Центрально-Азиатского региона, при этом сохраняется тенденция на их увеличение. Данная категория привлекаемой рабочей силы все меньше интересует потенциального работодателя ввиду того, что приезжающие иностранные рабочие преимущественно не соответствуют требуемой квалификации для осуществления трудовой деятельности в конкретной организации. В то же время российские и иностранные (работающие на территории Российской Федерации) компании сталкиваются с острой нехваткой в своей отрасли как высококвалифицированных специалистов, так и рядовых представителей рабочего класса.

Оценивая состояние рынка труда в Российской Федерации в 2024 г., стоит отметить фактор того, что «рынок покупателя рабочей силы», существовавший на протяжении многих десятилетий, стал превращаться в «рынок продавца рабочей силы». Острый дефицит рабочих рук приводит к тому, что требования работодателя к начинающим свою трудовую деятельность кандидатам стали сильно снижаться. Кроме того, особое внимание возникает и к уже работающим специалистам, поскольку работодателю становится более выгодным переучить работника среднего или даже уже предпенсионного возраста. Тенденция, когда работодатель выбирал работника сменяется на тенденцию, когда работник выбирает работодателя.

Отмечая сложное демографическое положение в стране, Президент РФ подчеркнул влияние сложившейся в период 1990-х гг. ситуации, когда в стране был провал по рождаемости, все еще не преодоленный, так как число рождений продолжает сокращаться. Несмотря на поставленную задачу повышения коэффициента рождаемости для дальнейшего выхода из «демографической ловушки», экономика и социальная сфера страны нуждаются в трудовых ресурсах уже в настоящее время. Кроме того, актуализировалась необходимость в большом количестве трудовых ресурсов для реализации намеченных планов по развитию Сибири и Дальнего Востока, а также «новых» регионов Российской Федерации.

Рассматривая пути решения возникшей ситуации, стоит обратить внимание на мнение главы Центрального Банка РФ Э.С. Набиуллиной, которая считает, что кадровый дефицит на российском рынке труда можно снизить путем привлечения квалифицированных работников из-за рубежа. Также глава Центробанка отмечает, что для роста производительности труда российские предприятия активно вкладываются в автоматизацию производства и продолжают повышать заработные платы сотрудникам¹. В вопросе роста заработных плат особо отмечается, что он должен быть соразмерен росту производительности труда, в целях предотвращения риска увеличения инфляции.

¹ Глава центробанка вступилась за мигрантов // Красная весна. 14.09.2024. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/1653d29f> (дата обращения: 10.10.2024).

Также стоит обратить внимание на позицию силовых структур, которые рассматривают миграционную ситуацию с точки зрения национальной безопасности, а не экономики. Так, на сессии Петербургского международного юридического форума в июне 2024 г. председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин подчеркнул необходимость повышения активности депутатов Государственной Думы для принятия новых законов, указав на ситуацию «социальной напряженности»².

Привлекаемая сегодня категория иностранных работников покрывает лишь малую часть нуждающихся в рабочей силе секторов экономики, создавая дополнительную нагрузку на социальную сферу. Прибывающие на территорию Российской Федерации иностранные трудящиеся часто привозят вместе с собой членов семьи, в т.ч. несовершеннолетних детей. Согласно статье 78 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» дети иностранных граждан обладают равными с гражданами России правами на получение дошкольного, начального общего, основного и среднего общего образования на бесплатной и общедоступной основе. Несмотря на высокое количество факторов социализации на всех этапах, дети иностранных граждан нередко испытывают сложности в освоении образовательных программ на русском языке, не знают русского языка или даже не хотят его изучать. Складывающаяся в таком случае ситуация часто приводит к снижению успеваемости всех учащихся класса.

Текущие процессы внешней миграции требуют пересмотра, так как частично решая вопросы экономического сектора, они создают необходимость повышения государственного контроля в других сферах, что часто оказывается связано с еще большими расходами. Существующие и быстро развивающиеся современные технологии могут стать одним из ключевых решений в организации эффективного миграционного контроля.

Так, распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 января 2024 г. № 30-р утвержден план мероприятий по реализации в 2024–2025 гг. концепции государственной миграционной политики Российской Федерации, согласно которому предусмотрено значительное количество мероприятий, предполагающих внедрение цифровых инноваций в систему миграционного контроля. В частности, одним из таких событий станет создание цифрового профиля иностранного гражданина.

Разрабатываемый цифровой профиль будет содержать информацию о правовом статусе приехавшего в Российскую Федерацию иностранного гражданина, его биометрические данные, сведения о месте жительства и работе. Кроме того, предполагается, что иностранные граждане с помощью цифрового профиля смогут заключать трудовые отношения с работодателями, подтверждать уровень своего обучения, вносить налоговые и иные платежи.

² Александр Бастрыкин: мигранты стали одним из факторов социальной напряженности в мире и России // Интерфакс. 11.04.2023. URL: <https://www.interfax.ru/russia/895287> (дата обращения: 10.10.2024).

Ввиду широкого спектра оказываемых услуг, влияющих на экономическое и социальное развитие страны, необходимо обеспечение высокой степени защищенности разрабатываемого сервиса. На сегодняшний день эффективность и надежность применения в цифровой среде демонстрирует технология блокчейн. Особенность работы данного алгоритма состоит в том, что блокчейн является распределенной и децентрализованной базой данных, сформированной участниками, в которой невозможно фальсифицировать данные из-за хронологической записи и публичного подтверждения всеми участниками сети транзакции. Основной и главной особенностью блокчейна является использование алгоритмов математического вычисления и исключение «человека» и человеческого фактора при принятии решения системой [4–10].

В рамках реализации разработки цифрового профиля иностранного гражданина, данная технология может являться более эффективной относительно централизованного хранения данных. Блокчейн предполагает возможность хранения файлов в P2P сети, т.е. информация хранится несколькими пользователями одновременно. В существующих централизованных системах все данные хранятся в одном месте, что создает риск потери в случае взлома, технических и иных неполадок. Подключение таможенных контрольно-пропускных пунктов к системе блокчейн при регулировании цифрового профиля иностранного гражданина повысит надежность и бесперебойность работы сервиса, поскольку снижает риск потери данных. Кроме того, технология позволит отслеживать все пути, которые проходит файл, таким образом комбинируя информацию о том, где и когда была совершена работа с данными владельца цифрового профиля.

Единый цифровой профиль иностранного гражданина также будет предполагать хранение информации об образовании его владельца. Внесение некорректных изменений в сведения станет невозможным в случае:

- закрепления возможностей внесения изменений в данные за определенными ведомствами;
- использования технологии блокчейн в работе сервиса.

Соблюдение уже только двух указанных факторов повысит уровень защищенности цифрового профиля, поскольку сведения обо всех изменениях будут храниться в децентрализованной системе с записью информации о всех ранее проведенных корректировках.

Регулирование вопросов имущественных отношений механизмами блокчейн также может оказать благоприятное воздействие на работу разрабатываемого цифрового профиля иностранного гражданина. Использование технологии будет предполагать комбинирование всех данных о сделках в отношении имущественных объектов, что может способствовать дальнейшему эффективному решению в короткие сроки разногласий относительно объекта. Кроме того, использование блокчейна в данной сфере способно в дальнейшем понизить уровень обеспокоенности иностранных граждан при проведении имущественных сделок, поскольку в случае возникновения непредвиденных

ситуаций, предполагающих проведение разбирательств, обращение к реестру записей блокчейна (который гарантирует прозрачность и невозможность фальсификации данных) будет способствовать законному решению вопроса.

Согласно статье 10 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации № 138-ФЗ: «Решения судов объявляются публично, за исключением случаев, если такое объявление решений затрагивает права и законные интересы несовершеннолетних; содержит сведения, составляющие государственную тайну, а также другие случаи, предусмотренные федеральным законом»³. Т.е. все решения при необходимости можно будет найти в открытом доступе, в т.ч. в сети Интернет. Внедрение в работу реестра сведений технологии блокчейн сделает невозможным внесение некорректных изменений вне зависимости от срока давности решения. Применение технологии с внесением информационных данных в цифровой профиль о привлечении к ответственности за совершение правонарушений может оказать влияние на принятие дальнейших решений относительно нахождения иностранца в той или иной стране.

Заключение

Технология блокчейн начинает все более активно применяться в экономической и финансовой практике нашей страны, становится предметом обсуждения на уровне Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, Центрального Банка России. Технология блокчейн имеет ряд преимуществ и перспектив эффективного применения, способных внести существенный вклад в процесс внедрения цифровых инноваций в систему не только финансового сектора, но и миграционного контроля. Таким образом, технологии блокчейн могут быть включены в систему регулирования разрабатываемого единого цифрового профиля иностранного гражданина, что потенциально обеспечит значительную экономическую отдачу, противодействие коррупции и, главное, может повысить уровень национальной безопасности страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рязанцев С.В.* Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 105–111. <https://doi.org/10.7868/S0132162518010117>
2. *Рязанцев С.В.* Внешняя миграционная политика России: концептуальное обоснование и инструменты реализации // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 4. С. 22–29.
3. *Федорова И.В., Ушаков М.А., Гуликян А.А., Клокова Д.С.* Миграционная политика Российской Федерации: проблемы, тенденции, перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 304–308. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-1-304-308>

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 26.10.2024).

4. Громыко Д.А., Иванов В.Г. Отдельные перспективы эволюции мировой денежной системы посредством внедрения технологии блокчейн: влияние на политические институты и возможности развития новых регионов Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 2. С. 191–202. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-2-191-202>
5. Буркальцева Д.Д. Точки экономического и инновационного роста: модель организации эффективного функционирования региона // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017. Т. 8. № 1. С. 8–30. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2017.8.1.8-30>
6. Генкин А., Михеев А. Блокчейн: как это работает и что ждет нас завтра. М. : Альпина, 2018. С. 20–22.
7. Генкин А.С. Блокчейн-скептики: реальны ли угрозы и риски? // Инвест-Форсайт. 03.05.2017. URL: <https://www.if24.ru/blokchejn-skeptiki-realny-li-ugrozy-i-riski/> (дата обращения: 10.10.2024).
8. Куприяновский В.П., Синягов С.А., Климов А.А., Петров А.В., Намиот Д.Е. Цифровые цепи поставок и технологии на базе блокчейн в совместной экономике // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Т. 5. № 8. С. 80–95.
9. Свон М. Блокчейн: схема новой экономики. М. : Олимп-Бизнес, 2017. 240 с.
10. Носиров З.А., Фомичев В.М. Анализ блокчейн-технологии: основы архитектуры, примеры использования, перспективы развития, проблемы и недостатки // Системы управления, связи и безопасности. 2021. № 2. С. 37–75. <https://doi.org/10.24412/2410-9916-2021-2-37-75>

Информация об авторах:

Шутов Иван Александрович — магистрант кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (ORCID: 0009-0000-7709-4218) (e-mail: wanjacom17@gmail.com).

Иванов Владимир Геннадьевич — доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; профессор кафедры государственного и муниципального управления, Государственный университет управления, Россия, 109542, Москва, Рязанский проспект, д. 99 (ORCID: 0000-0002-3650-5460) (e-mail: ivanov_vg@pfur.ru).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-4-460-471

EDN: FWTDYR

Research article / Научная статья

Interactive model of the China-US-Russia triangle relationship: Theoretical analysis and development prospect

Nikolay N. Yagodka¹ , Ying Wang²

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Shandong University, Qingdao, China

 yagodka-nn@rudn.ru

Abstract. This study examines the interactions within the China-US-Russia triangle using the two types of strategic triangle theory. By analyzing Dittmer's four models — family triangle, romantic triangle, stable marriage, and unit veto — it explores the evolving dynamics between these three countries. Currently, the relationship between China, the US, and Russia most closely resembles a stable marriage, where China and Russia cooperate against the United States. As a global power, the United States attempts to contain China and Russia through two lines, especially through economic, military and diplomatic means to suppress China's rise, while countering Russia's geopolitical threats. China and Russia have gradually approached under the pressure of the United States and formed a stable strategic cooperative relationship, especially in the fields of energy, military and diplomacy with a focus on handling Western sanctions and pressures. Drawing on Martin White's dynamic triangle model, the study also explains the semi-final type of the triangle relationship and suggests various future possibilities for the relationship between the three nations.

Keywords: strategic, triangle theory, stable marriage type, semi-final type, USA

Contribution. The authors participated in the development of the concept of this review, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: The article was submitted on 01.10.2024. The article was accepted on 14.10.2024.

For citation:

Yagodka NN, Wang Y. Interactive model of the China-US-Russia triangle relationship: Theoretical Analysis and development prospect. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(4):460–471. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-460-471>

© Yagodka N.N., Wang Y., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Интерактивная модель трехсторонних отношений Китай — США — Россия: теоретический анализ и перспективы развития

Н.Н. Ягодка¹ , И. Ван²

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

²Шаньдунский университет, Циндао, КНР

 yagodka-nn@rudn.ru

Аннотация. Рассмотрено взаимодействие Китай — США — Россия с использованием теории «стратегического треугольника». Приведен подробный анализ четырех моделей Ло Демина: семейный треугольник, романтический треугольник, стабильный брак и единоличное вето, которые описывают развивающуюся динамику отношений между тремя странами. Отношения между Китаем, США и Россией больше всего напоминают «стабильный брак», в котором Китай и Россия сотрудничают против Соединенных Штатов Америки. Соединенные Штаты Америки, являясь сверхдержавой, пытаются сдерживать Китай и Россию по нескольким направлениям: используя экономические, военные и дипломатические средства для замедления экономического роста Китая, одновременно противодействуя геополитическим угрозам России. Китай и Россия постепенно сблизились под давлением Соединенных Штатов и сформировали стабильные стратегические отношения сотрудничества, особенно в области энергетики, вооруженных сил и дипломатии, с акцентом на преодоление западных санкций и геополитического давления США. С опорой на модель «динамического треугольника» Мартина Уайта рассмотрены будущие возможности для развития отношений между тремя странами, включая потенциал для создания более сильного союза или ведения войны на истощение.

Ключевые слова: теория стратегического треугольника, стабильный тип взаимоотношений, полуфинальный тип

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции обзора, написании текста рукописи, формулировке выводов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 01.10.2024. Статья принята к публикации 14.10.2024.

Для цитирования:

Yagodka N.N., Wang Y. Interactive model of the China-US-Russia triangle relationship: Theoretical analysis and development prospect // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 4. С. 460–471. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-460-471>

Introduction

During the Cold War, after Sino-Soviet relations broke down, the United States encouraged the formation of a “strategic triangle” between the US, the Soviet Union, and China. However, with the collapse of the Soviet Union and the end of the bipolar world order, this strategic triangle faded from the international stage. After the Cold War, global forces underwent a new phase of realignment, leading to significant changes in the international system. This was especially true

after the Russia-Ukraine conflict erupted in February 2022, when the US imposed severe sanctions on Russia, further escalating the geopolitical and security tensions between the US and Russia. Meanwhile, the US continues to advance its “Indo-Pacific” strategy to contain China.

China, while maintaining a strong strategic partnership with Russia, pursues an independent and peaceful foreign policy. As the balance of power shifts, interactions between China, the US, and Russia have also changed considerably. A new triangular relationship is forming between these three powers, shaped by power dynamics, geopolitics, and values. The relationships between China and the US, China and Russia, and Russia and the US are becoming key factors influencing the evolution of the global landscape. The return to geopolitical thinking, especially after the Russia-Ukraine conflict, has become more apparent, and the China-US-Russia triangle is adjusting accordingly. Currently, a pattern of cooperation between China and Russia to counter US “dual containment” has taken shape.

In the midst of the intensifying strategic competition between China and the US, and the growing confrontation between Russia and the US, the geopolitical importance of the China-US-Russia triangle has become more prominent. The interactions and relationship trends among these three nations have attracted significant attention and are directly impacting the transformation of the global order. These dynamics are crucial to the evolution of the international landscape and the shaping of a new global order. Therefore, this article analyzes the interaction patterns of the China-US-Russia triangle from both dynamic and static perspectives.

Literature Review

Research on the Interactive Model of Triangular Relationships

Scholars have conducted extensive research on the interactive patterns of triangular relationships. According to the classification of classical theorists, these patterns can be divided into two main categories: static and dynamic.

The static interaction model was first introduced by Theodore Caplow and later developed by Lowell Dittmer. In 1956, Caplow conducted a theoretical analysis of three-party interactions, focusing on alliances. He argued that such interactions often lead to two parties joining forces against a third, with the weaker party typically teaming up against the stronger one. Caplow proposed six theoretical models for triangular relationships based on differences in power distribution among the actors. These models include both balanced and unbalanced power relationships [1. P. 489–493].

Dittmer is considered a key figure in the study of triangle theory. He approached the interaction between China, the US, and the Soviet Union from a game theory perspective, describing it as “a transaction between three players”. Dittmer categorized the interactions into two types: positive and negative. He identified three basic models of a three-party game:

- a. Family Triangle: All three parties are symmetrical, harmonious, and friendly toward one another.
- b. Romantic Triangle: The “hub” actor has harmonious relationships with two “wing” actors, but the two wings oppose each other.
- c. Stable Marriage: Two actors share a harmonious partnership, while the third party is in opposition.

Dittmer considered the family triangle and stable marriage to be positive relationships, while the romantic triangle represents a negative one. Dittmer pioneered the use of strategic triangle theory by applying these models to explain the changing relations between China, the US, and the Soviet Union. He argued that a scenario where all three parties coexist is the most beneficial for everyone involved. However, because each actor prioritizes their own interests, the “hub” in a romantic triangle tends to gain the most advantage [2].

Later, Dittmer added a fourth model to the theory, called the *Unit Veto*, in which all three actors are mutually opposed (fig. 1).

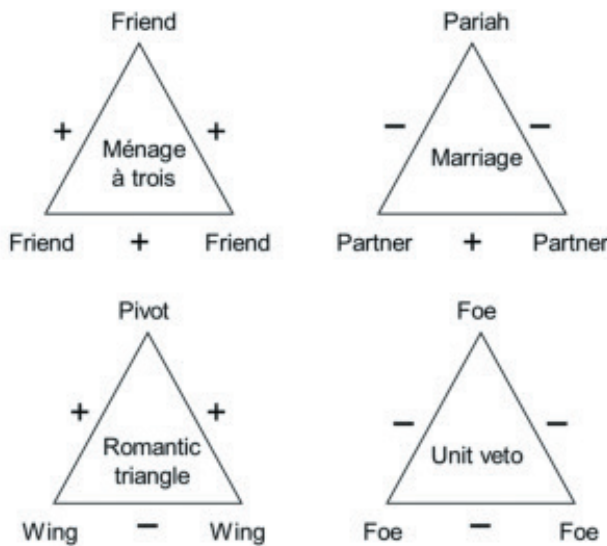

Fig. 1. Dittmer’s four strategic triangle models

Source: made by N.N. Yagodka, Y. Wang using Microsoft Word based on [2].

Wu Yushan proposed a model showing how a large triangle influences a smaller triangle and how the two interact in his double triangles model. He developed a model of simultaneous interaction between the two triangles and analyzed the behavioral choices of the larger triangle from the structural perspective of the smaller one (fig. 2) [3].

Brantly Womack also expanded on Dittmer’s triangle model by proposing the concepts of soft triangles and hard triangles. He argued that in a soft triangle, while the third party influences the relationship between the other two, it does not determine it, meaning that an actor can choose to engage in another triangle

relationship. In contrast, a hard triangle is one where the third party simultaneously affects all bilateral relationships, and the actor's choices are constrained by the structure of the triangle's interactions. The hard triangle better reflects the dynamics of a strategic triangle [4. P. 112–113]. Womack also introduced the concept of asymmetry in international politics, combining it with Dittmer's triangle theory. He proposed the idea of an asymmetric triangle relationship, where the unequal power dynamics between the actors cause the number of possible triangle relationship types to increase, thereby altering the modes of interaction between the three parties.

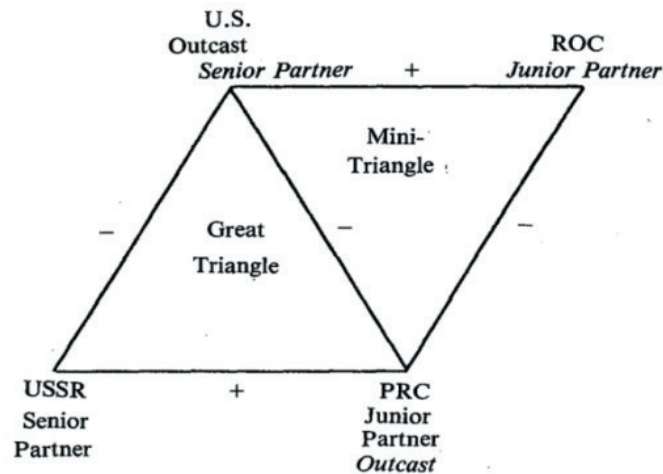

Fig. 2. Double triangle interaction model

Source: made by by N.N. Yagodka, Y. Wang using Microsoft Word based on [2].

In triangular relationships, actors can be categorized into four models based on power differences: the symmetrical triangle ($X = Y = Z$), the unipolar bilateral asymmetric triangle ($X > Y = Z$), the bipolar bilateral asymmetric triangle ($X = Y > Z$), and the trilateral asymmetric triangle ($X > Y > Z$). Building on this, Wu Benli further refined these four power models by considering positive or negative bilateral relationships, creating 32 sub-models of triangular relationships. Of these, 8 are symmetrical triangles, while 24 are asymmetrical [4. P. 112–113].

The dynamic model is represented by Martin Wight, who classified the interaction patterns of triangular actors into four types:

- a. Decisive battle type.
- b. Semi-final type.
- c. First round competition type.
- d. Preliminary type [5. P. 179].

Lin Jiwen also introduced a domestic politics perspective, proposing a two-level triangular game model. He aimed to give the traditional theoretical paradigm a dynamic individual basis by emphasizing how changes in domestic leadership

and the capacity of actors to alter the status quo influence triangular relationships. He considered national interests, political systems, and status quo factors as key in shaping friendship or hostility between countries.

Research on China-US-Russia Triangle Relations

As three power centers with a significant impact on the development of the international situation, the interaction and changes in the triangular relationship between China, the United States, and Russia have always been the focus of research.

Research on the Current Situation, Characteristics, and Development Trends of China-US-Russia Relations

An accurate description of the current situation, characteristics, and development trends of China-US-Russia relations is the basis for exploring the laws of their interaction. Through the analysis the China-US-Russia triangular relationship in reality, domestic and foreign scholars have generally formed the following views:

Chinese scholars believe that the characteristics of China-US-Russia relations are the coexistence of competition, game, conflict, and cooperation. For example, Yu Zhengliang and Li Xiaoyi believes that the strategic relationship between China, the United States, and Russia changes with the changes in strategic threats, is unbalanced, and reflects the characteristics of hedging and complex game, competition, conflict, and cooperation [6. P. 1–23].

Russian scholars believe that China and Russia should strengthen cooperation in various fields to cope with US containment. For example, Dmitry Trenin, a senior researcher at the Russian Academy of Sciences, believes that the confrontation between Russia and Western countries has continued to develop since the Ukrainian crisis. After the Russian-Ukrainian conflict, Russia and the West have turned into a direct confrontation. Although China and Russia are not formal allies, the United States believes that the relationship between the two has exceeded the formal alliance. Although China has not joined the sanctions against Russia, due to concerns about being implicated in the sanctions, China-Russia cooperation is limited. The United States regards Russia as a real threat and regards China as a major competitor. In the future, Russia should maintain military, diplomatic, and economic cooperation with China to cope with US containment [7]. Victor Pirozhenko believes that the United States is launching a strategic confrontation against China and Russia at the same time to achieve its goal of weakening the strength of Russia and China. By provoking internal conflicts and escalating public opinion, it is preparing to isolate China while provoking Russia [8].

Most of American and European scholars generally believed that the United States is the main driving force for the strengthening of China-Russian cooperation. For example, A. Stent, a scholar at Georgetown University in the United States, believes that the turning point in Sino-Russian relations occurred after the Ukrainian crisis in 2014. The severe sanctions imposed on Russia by the United States and

other Western countries led to its shift to China [9]. Ken Allison of Harvard University believes that China and Russia respond to the threat of the United States by developing and consolidating a comprehensive strategic cooperative partnership [10]. Z. Brzezinski believes that the alliance between China and Russia will bring huge risks to the United States [11]. Mercy A. Kuo believes that the Russian-Ukrainian conflict will increase Russia's dependence on China. The Sino-Russian strategic partnership is in line with China's long-term strategic priorities and national interests. China will take this opportunity to weaken the leadership of the United States [12]. Timothy R. Heath, a senior researcher at the Rand Corporation in the United States, believes that due to deep-seated structural driving factors, the competition between China and the United States will intensify, and there may be both low-intensity indirect conflicts and high-intensity wars between China and the United States [13]. James Jay Carafa, vice president of foreign and defense policy research at the Heritage Foundation, believes that Russia and the United States are engaged in a new type of war. In order to cope with the EU energy crisis after sanctions on Russia, the United States and its allies need to formulate serious defense and energy policies to ensure that they can deal with future threats from Russia [14].

Research on Interactive model of the China-US-Russia triangle relationship

The interaction model is the core of the study on the China-US-Russia triangular relationship. There are many scholars who analyze the interaction model of China-US-Russia triangular relationship at some certain time with various theories.

Chinese scholars tend to believe that the interactive mode of the China-US-Russia triangle is an unequal triangle. For example, Bi Hongye believes that the relationship between China, the United States, and Russia is an unequal triangle, in which the China-US relationship is the main axis with global significance. The triangle relationship presents the characteristics of power embedding, bilateral dependence, competitive game, and zero-sum game. After the Ukrainian crisis, a situation of China-Russia cooperation to deal with the “double containment” of the United States has basically been formed [15].

Russian scholars have different views on this issue from European and American scholars. Russian scholars believe that the interaction of the China-US-Russia triangle is a one-to-two model. For example, Victor Larin believes that given the strong anti-Russia and anti-China tendencies in the United States, the United States firmly opposes China and Russia, and there is no chance for the United States to establish tactical cooperation with China or Russia. China-Russia cooperation is benefit for both, and the United States is the most unstable part in the triangle [16].

American and European scholars believe that the interaction of the China-US-Russia triangle is not a simple one-to-two model. Vu Le Thai Hoang and Huy Nguyen believe that the interaction of the China-US-Russia triangle is not a simple one-to-two model but a one-to-one plus one model. They proposed that the

triangular interaction model should not be simply defined as a temporary “marriage of convenience” full of distrust. Although the cooperation between China and Russia has its limitations, it is more about the common interests of the two countries in the energy field. The depth of cooperation between China and Russia depends on the attitude of the United States [17].

Research on the impact of China-US-Russia relations on the construction of a new international order

Chinese scholars have proposed that the China-US-Russia triangle is a key factor in promoting the construction of a new international order. After a detailed analysis of this issue, they have concluded that China can use the China-US-Russia triangle structure through diplomatic means to promote the establishment of a new international order. For example, Zhao Huasheng believes that the China-US-Russia strategic triangle is an objective structural form. In the future, China can use superb diplomatic means to constructively use the China-US-Russia triangle structure to promote the establishment of a new international order [18].

Russian scholars believe that the confrontation and conflict between China and the United States already have a profound impact on the entire international community. For example, Sokolshik Markovich believes that China's economic scale and ability pose a huge challenge to the United States and attract many countries. They learn from Chinese political and economic systems and no longer be obsessed with the so-called Western model. This has caused dissatisfaction in the United States and led to confrontation between the two sides. The process and results of the confrontation between the two sides have brought serious risks to the world order [19].

American and European scholars believe that the United States has begun a new Cold War with China and Russia in multiple fields. Stuart Ford believes that the United States is engaged in a new Cold War with Russia and China, there are four possible development prospects in the future: China's economic collapse, US collapse, hot war, and maintaining the status quo [20].

Theoretical framework and analysis

Static triangle

Dittmer's strategic triangle theory is an important tool for analyzing the interaction between the three countries in international relations, and is particularly applicable to the current China-US-Russia relations. According to this theory, the interaction between the three countries can be summarized into four triangle models: family triangle, romantic triangle, stable marriage and unit veto. Through these models, we can understand how the three parties interact in the political, economic and security fields, and predict the possible direction of future evolution.

The current Sino-Russian relationship conforms to the “stable marriage” model two actors (China and Russia) form a partnership to jointly confront a third country (the United States). In this model, the basis for Sino-Russian cooperation is relatively solid, and the two countries have formed strategic consensus in many fields to confront the global hegemony of the United States.

Sino-Russian cooperation is increasingly evident in international affairs, especially in multilateral platforms such as BRICS countries and the SCO, where the two countries try to coordinate their positions to oppose the Western-dominated global order. Also China and Russia have strengthened cooperation in the economic field, especially in energy supply, military technology sharing and infrastructure investment. In particular, the United States has implemented a policy of dual containment against China and Russia in international affairs. Although China-Russian relations are relatively stable, this “stable marriage” model still has its limitations, such as the economic and technological fields. Without sanctions from western countries, the basis of Russia and China’s cooperation may change (fig. 3).

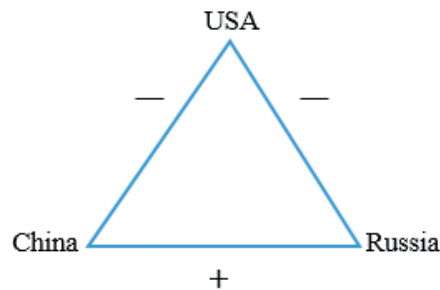

Fig. 3. Stable marriage model between China-US-Russia

Source: made by by N.N. Yagodka, Y. Wang using Microsoft Word.

Dynamic Triangle

According to Martin White’s dynamic triangle model, he divides the interaction between the actors in the triangle into four main types. Two of them match the current situation of the triangle between China-US-Russia relation.

These types provide a unique perspective for understanding the strategic balance and interaction among the three countries and are particularly valuable for analyzing the China-US-Russia triangle.

Decisive Battle Type

In this model, one country in the triangle relationship defeats the other two countries by overwhelming force and eventually becomes the dominant force. The other two countries are ranked in turn, forming a master-slave relationship. This is a zero-sum game situation, in which the victory of one country means the failure of the other two countries. Obviously this model is not applicable in the China-US-Russia triangle.

Semi-finals

In the semi-final mode, the two countries unite to defeat the third country, after that the two countries may continue to cooperate, or confront each other as their power gradually approaches, forming a new power competition pattern. This is a typical “joint and balances” mode.

The situation of China-Russia cooperation against the United States in the China-US-Russia triangle fits this semi-final pattern. In recent years, as the United States promotes the “Indo-Pacific Strategy” globally and NATO continues to expand, China and Russia have cooperated on many international issues. Now the situation is like “joint and balances” against the United States. However, in the long run, China-Russia cooperation does not mean that there is no potential competition between the two sides. Therefore, this model may evolve into a new power competition between China and Russia as the international situation changes.

First round competition type

In this model, the competition between the three great powers is so intense that their resources are depleted and their strength is exhausted. Eventually, none of the three powers can maintain their own power and may be conquered or influenced by external forces. This usually happens when the three powers are involved in a long war of attrition and are finally controlled by external factors.

In modern China-US-Russian relations, the possibility of a first-round competition is relatively small, but not impossible. If China, the United States and Russia continue to be involved in a war of attrition in multiple areas, such as economic competition, military confrontation and geopolitical conflict, it may eventually lead to a decline in the relative strength of the three countries, providing opportunities for other regional or emerging powers, such as India, the European Union and so on. If the trade war between China and the United States continues for a long time and is accompanied by a global economic recession, while Russia continues to be constrained by economic sanctions of the West, the overall strength of the three countries may be damaged. This will provide opportunities for other emerging economies to develop influence.

Preliminary type

In the preliminaries model, two of the three countries form a very close alliance, so that conflict or competition with the third country is no longer meaningful. Eventually, the triangle is weakened or even disappears. This situation shows that a close alliance in the three-country relationship overwhelms other interactions.

This pattern is not common in China-US-Russian relations. In the future, if the cooperation between China and Russia is further strengthened and becomes a formal military alliance, this preliminaries model may appear. However, this situation is unstable because the United States may change the situation through alliances or diplomatic means and re-trigger competition.

Conclusion

The interaction model in the China-US-Russia triangle relationship is not static. Dittmer's static triangle theory and Martin White's dynamic triangle theory provide us with a more flexible theoretical framework for analyzing the China-US-Russia triangle relationship, helping us understand the evolution of China-US-Russia relations.

From the perspective of the static triangle theory, the current China-US-Russia triangle relationship mainly shows a "stable marriage" state. As a global hegemonic country, the United States attempts to contain China and Russia through two lines, especially through economic, military, and diplomatic means to suppress China's rise, while countering Russia's geopolitical threats. China and Russia have gradually approached under the pressure of the United States and formed a stable strategic cooperative relationship, especially in the fields of energy, military and diplomacy.

From the perspective of the dynamic triangle theory, China, the United States and Russia seem to be in a "semi-final" situation, in which China and Russia cooperate on many global issues to check and balance the United States, but at the same time there is potential competition and confrontation in many areas for China and Russia. This situation is not fixed and may change to other modes in the future as the global situation and internal politics change.

Dittmer's and Martin White's four triangular relationship models provide different perspectives for us to understand the dynamic interaction between China, the United States and Russia. The current China-US-Russia relationship best fits the description of the "semi-final" and "stable marriage" model, where the two countries cooperate to check and balance the third country, but there is still inherent competition. However, as the international situation changes, this relationship may shift to other models.

REFERENCES

1. Caplow T. A Theory of coalitions in the triad. *American Sociological Review*. 1956;21(4):489–493.
2. Dittmer L. The strategic triangle: An elementary game-theoretical analysis. *World Politics*. 1981;33(4):485–489.
3. Wu YS. Exploring dual triangles: The development of Taipei-Washington relations. *Issues & Studies*. 1996;32(10):26–52.
4. Womack B. *Asymmetry and International Relations*. Shanghai People's Publishing House; 2019. 245 p.
5. Wight M. *Systems of States*. Leicester: Leicester University Press; 1977. 232 p.
6. Zhengliang Y, Xiaoyi L. New situation of strategic relations between China, the United States, and Russia. *World Economic and Political Forum*. 2015;(6):1–23.
7. Trenin D. Politics and circumstances. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/politika-i-obstoyatelstva/?sphrase_id=93928608 (accessed: 25.09.2024).
8. Pirozhenko V. Washington's capabilities no longer match its strategic ambition. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/04/21/vozmozhnosti-vashingtona-bolshe-ne-sootvetstvujut-ego-strategicheskomu-zamahu-56016.html?ysclid=l9qe26p3g4903624006> (accessed 25.09.2024).
9. Stent A. Russia and China: Axis of revisionists? URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/02/FP_202002_russia_china_stent.pdf (accessed: 25.09.2024).
10. Allison G. China and Russia: A strategic alliance in the making. URL: <https://nationalinterest.org/feature/china-and-russia-strategic-alliance-making-38727> (accessed: 25.09.2024).

11. Brzezinski Z. How to Address Strategic Insecurity in a Turbulent Age. URL: https://www.huffingtonpost.com/entry/us-china-russia-relations_us_586955dbe4b0de3a08f8e3e0?section=us_world (accessed: 25.09.2024).
12. Mercy AK. China's Ukraine response is all about the US (Not Russia). URL: <https://thediplomat.com/2022/04/chinas-ukraine-response-is-all-about-the-us-not-russia/> (accessed: 25.09.2024).
13. Heath TR, Gunness K, Finazzo T. Scenarios of systemic conflict between the United States and China. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA830-1.html. (accessed: 25.09.2024).
14. Carafa JJ. America and Russia are in a New Kind of War. *Monitor Strategic*. 2022. URL: <https://www.cceol.com/search/viewpdf?id=1086471>. (accessed 25.09.2024).
15. Hongye B. "Strategic triangle" or "Trilateral interaction": China-US-Russia Relations in the New Era. *International Observation*. 2022;(3):127–156.
16. Larin VL. New turbulence in the geopolitical triangle USA — China — Russia. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/217179/4283248/> (accessed: 25.09.2024).
17. Hoang LT, Nguyen H. The modern China-Russia-US triangle: Why we can't expect a stable two-against-one dynamic this time. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.305d28e4-6450bd7c-6902f78e-74722d776562/https://thediplomat.com/2021/06/the-modern-china-russia-us-triangle/ (accessed: 25.09.2024).
18. Huasheng Z. On the new triangle relationship between China, Russia and the United States. *Journal of Russian, Eastern European and Central Asian Studies*. 2018;(6):1–25.
19. Aptekar' P. American-Chinese confrontation: risks and opportunities for Russia. URL: <https://daily.hse.ru/post/705> (accessed: 25.09.2024) (In Russ.).
Аптекарь П. Американо-китайское противостояние: риски и возможности для России. URL: <https://daily.hse.ru/post/705> (дата обращения: 25.09.2024).
20. Ford S. The new cold war with China and Russia: Same as the Old Cold War? URL: <https://scholar.google.com/scholar?start=20&q=allintitle:+China+Russia&hl=zh-C> (accessed: 25.09.2024).

Information about the authors:

Nikolay N. Yagodka — PhD in Political Science, Senior Lecturer, Department of Public Administration, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation (ORCID: 0000-0003-2354-3115) (e-mail: yagodka-nn@rudn.ru).

Ying Wang — PhD student of Institute of Political Science and Public Administration, Shandong University, 72 Binhai road, Jimo district, Qingdao, 266237, China (ORCID: 0009-0001-1240-5414) (e-mail: 415553772@qq.com).

Информация об авторах:

Ягодка Николай Николаевич — кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (e-mail: yagodka-nn@rudn.ru) (ORCID: 0000-0003-2354-3115).

Ван Ин — докторант Института политологии и государственного управления, Шаньдунский университет, 266237, КНР, Циндао, Район Джимо, ул. Бинхай, д. 72 (e-mail: 415553772@qq.com) (ORCID: 0009-0001-1240-5414).

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-4-472-484

EDN: FRBTRV

Научная статья / Research article

Интеграция иммигрантов: опыт государственного регулирования в странах Северной Европы

В. Бутенко^{1, 2} , А.И. Чекмазов³

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия

²Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия

³Независимый исследователь, Москва, Россия

 vladislav_butenko@list.ru

Аннотация. Эффективность политик интеграции иммигрантов остается актуальным в академической литературе и политической практике вопросом, затрагивающим аспекты поиска баланса между обеспечением высокого уровня социальных гарантий иммигрантам, с одной стороны, и экономической стабильности государств всеобщего благоденствия — с другой. Импульс данному вопросу придал миграционный кризис 2015–2016 гг., продемонстрировавший неспособность Европейского Союза оперативно выработать подходящие управленческие стратегии по приему, размещению и интеграции вновь прибывающих. Цель исследования заключается в анализе моделей и подходов к интеграции иммигрантов. Авторы, используя компаративистскую методологию, утверждают, что традиционные модели ассимиляции и мультикультурализма утратили свою релевантность, а им на смену пришла модель гражданской интеграции как ответ на вызовы, с которыми столкнулись государства Северной Европы в результате миграционного кризиса. Адаптация к современным проблемам, связанным с усилением миграционных потоков в страны Северной Европы, знаменует собой «гражданский поворот» в политиках интеграции иммигрантов. Проведенный анализ государственного регулирования в области интеграции иммигрантов в Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции свидетельствует об общих трендах, обусловленных в первую очередь логикой экономической целесообразности. Это позволяет авторам сделать вывод о конвергенции политик интеграции иммигрантов, что качественно отличает текущее положение дел от периода с 1970-х гг. и до миграционного кризиса, когда политики рассматриваемых государств характеризовались разнонаправленностью.

Ключевые слова: политика интеграции иммигрантов, политика натурализации, гражданская интеграция, гражданский поворот, Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции обзора, написании текста рукописи, формулировке выводов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Бутенко В., Чекмазов А.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Поступила в редакцию: 09.10.2024. Принята к публикации: 14.12.2024.

Для цитирования:

Бутенко В., Чекмазов А.И. Интеграция иммигрантов: опыт государственного регулирования в странах Северной Европы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 4. С. 472–484. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-472-484>

Nordic countries' practices of state regulation of immigrant integration

Vladislav Butenko^{1,2} , Aleksei Chekmazov³

¹National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

²The Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russian Federation

³Independent researcher, Moscow, Russian Federation

 vladislav_butenko@list.ru

Abstract. The effectiveness of immigrant integration policies remains a topical issue in academic literature and political practices. This issue touches upon aspects of finding a balance between ensuring a high level of social guarantees for immigrants, on the one hand, and the economic stability of welfare states, on the other. The impetus was given by the 2015–2016 migration crisis, which demonstrated the inability of the European Union to promptly develop appropriate management strategies for the reception, accommodation, and integration of new arrivals. The aim of this study is to analyze the models and approaches to immigrant integration. Using comparative methodology, the authors argue that traditional models of assimilation and multiculturalism have lost their relevance and have been replaced by the model of civic integration as a response to the challenges faced by the Nordic countries as a result of the migration crisis. Adaptation to modern problems associated with the intensification of migration flows to the Nordic countries marks a “civic turn” in immigrant integration policies. The conducted analysis of state regulation in the field of immigrant integration in Denmark, Iceland, Norway, Finland, and Sweden shows common trends, determined primarily by the logic of economic expediency. This allows the authors to conclude that immigrant integration policies are converging, which qualitatively distinguishes the current state of affairs from the period from the 1970s to the migration crisis, when the policies of the Northern European countries were characterized by multidirectionality.

Keywords: immigrant integration policy, naturalization policy, civic integration, civic turn, Denmark, Finland, Iceland, Norway, Sweden

Contribution. All the authors participated in the development of the concept, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 09.10.2024. The article was accepted on 14.12.2024.

For citation:

Butenko V., Chekmazov A. Nordic countries' practices of state regulation of immigrant integration. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(4):472–484. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-472-484>

Введение

Миграция представляет собой один из наиболее обсуждаемых вопросов в академическом и политическом дискурсах. С одной стороны, усиление миграционных потоков, обусловленное в первую очередь глобализационными тенденциями, способствует экономическому развитию принимающей страны, удовлетворяя потребности в рабочей силе. С другой стороны, увеличение числа иммигрантов создает дополнительное напряжение в обществе, провоцируя неравенство и социальные конфликты ввиду различий в ценностном измерении.

Ключевым для национальных государств остается вопрос интеграции иммигрантов. Многообразие существующих — не лишенных недостатков — подходов к включению в общество иностранных граждан детерминирует поиск наиболее эффективных стратегий.

Цель исследования состоит в изучении опыта североевропейских государств в области интеграции иммигрантов и выявлении общих региональных трендов. Выборка включает в себя Данию, Исландию, Норвегию, Финляндию и Швецию, для которых в скандинавской литературе используется термин Norden, а в англоязычной — Nordic countries. Все перечисленные страны, в соответствии с классификацией Г. Эспинга-Андерсена, являются социал-демократическими государствами всеобщего благоденствия, для которых характерны ведущая роль государства как поставщика социальных услуг, институционализированные социальные права, всеобщий доступ к благам, низкий уровень социальной стратификации населения и безработицы [1]. Учитывая высокую степень декоммодификации¹, эти государства сталкиваются с «прогрессивной дилеммой», актуализирующей необходимость поиска баланса между щедрой политикой социального обеспечения и усилившимся притоком иммигрантов.

Интеграция иммигрантов: множественность определений понятия

В академической литературе отсутствует единое определение понятия «интеграция иммигрантов». Как подмечает Р.Д. Грилло, интеграция — это «нечеткое понятие, имеющее множество интерпретаций» [2. Р. 266]. Данное положение дел обусловлено многосторонним характером изучаемого процесса, а также различиями в теоретико-методологических подходах социальных и гуманитарных наук (экономики, политологии, социологии, демографии, антропологии и др.).

В самом широком виде термин «интеграция» означает процесс или состояние, при котором его отдельные элементы образуют гармоничное и скоординированное функциональное целое. В. Босвик и Ф. Хекман выделяют

¹ Под декоммодификацией понимается степень, в которой государства всеобщего благоденствия ограничивают роль рынка как механизма, обеспечивающего доступ граждан к социальным благам, и берут на себя часть социальных функций [1. Р. 43].

три значения процесса интеграции: (1) процесс соединения определенных отдельных элементов вместе, благодаря чему создается новая структура; (2) добавление отдельных элементов к уже существующей структуре; (3) сохранение или улучшение отношений, возникающих в структурах общества или его системе [3. Р. 9].

В классическом понимании интеграция иммигрантов представляет собой двусторонний процесс. Так, С.В. Рязанцев под интеграцией понимает «двусторонний процесс вхождения людей, совершивших миграцию, в новое общество» [4. С. 303]. Более широкое определение приводит Е.А. Варшавер: «[и]нтеграция — это длительный межпоколенческий процесс включения мигрантов в систему основных социальных институтов, отношений и статусов принимающего сообщества ... процесс взаимодействия между мигрантами и местным населением: принимающее сообщество также осваивает способы общения с приезжими и адаптирует свои институты к их нуждам» [5. С. 7]. Таким образом, подразумевается, что в процессе интеграции задействованы как минимум две целевые группы — иммигранты и принимающее общество.

Ряд исследователей отходит от «традиционной» трактовки интеграции как двустороннего процесса и изучает данный процесс как трехсторонний. Так, Б. Гарсес-Маскареньяс и Р. Пеннинкс, помимо иммигрантов и принимающего сообщества, относят к субъектам интеграции страну происхождения [6. Р. 3]. Еще более широкую трактовку трехстороннего подхода презентует Э. Дикиджи, выделяя следующие группы субъектов, участвующие в интеграции: иммигранты, принимающие страны и транснациональные субъекты (страны происхождения, наднациональные объединения, негосударственные сети и др.) [7]. Однако, по мнению авторов, ввиду сохраняющейся роли государства в регулировании миграционных вопросов, данное понимание интеграции иммигрантов является слишком широким.

Невзирая на многообразие трактовок понятия «интеграция», их объединяет понимание данного процесса как динамичного явления, в связи с чем под интеграцией следует рассматривать процесс включения иммигрантов в политическую, экономическую, социальную и культурную сферы жизни принимающего общества.

Кроме обозначенных подходов к интеграции иммигрантов, следует указать и группу авторов, критикующих концепцию интеграции за излишнюю нормативность [8; 9]. Такие нормативные ожидания были воплощены в ассимиляции и мультикультурализме как двух противоположных моделях интеграции.

Ассимиляция

Ассимиляция представляет собой подход, при котором иммигранты перенимают основные нормы, ценности и культуру принимающего общества, «растворяясь» при этом в нем. Таким образом, в основе данного подхода лежит обозначение различий между иммигрантами и принимающим их обществом.

В 1960-х гг. М. Гордон, опираясь на научные изыскания Р. Парка, разработал теорию линейной ассимиляции. Ассимиляция определялась как естественный, неизбежный и постепенный процесс, состоящий из семи последовательных стадий, которые по очереди проходятся иммигрантами и их потомками: культурная (аккультурация), структурная, супружеская (амальгамация), идентификационная, ценностная, поведенческая, гражданская [10]. М. Гордон львиную долю внимания уделял первым двум стадиям — аккультурации² и структурной ассимиляции³. При этом он отмечал, что каждая стадия может длиться разное количество времени. Теория линейной ассимиляции была подвержена критике за статичное представление об ассимиляции и неспособность провести различие между ассимиляцией индивида и группы [11].

Р.Д. Альба и В. Ни усовершенствовали теорию М. Гордона, в связи с чем их концепция получила наименование «новой теории ассимиляции» [12]. Они отдают приоритет социально-экономической интеграции над социокультурной, поскольку первая рассматривается в качестве необходимой как для иммигрантов, так и для местных жителей, в то время как вторая подлежит обсуждению.

Концепции ассимиляции схожи в понимании предоставления прав иммигрантам. Ожидается, что вновь прибывшие предпринимают усилия по включению в принимающее общество, а венцом процесса интеграции, знаменующим конечную его точку, является гражданство. Таким образом, права выступают наградой за достижения в интеграции.

Несмотря на то что концепции ассимиляции имеют долгую историю, сегодня они критикуются за излишние требования к иммигрантам, особенно в части полного отказа от культурной или этнической идентичности, а также (в некоторых случаях) за принудительный характер.

Мультикультурализм

Процесс глобализации, способствовавший усилению миграционных потоков и, как следствие, формированию множественных идентичностей [13], обусловил культурное многообразие во многих странах мира, включая даже те, которые ранее считались этнически гомогенными. Ответом на ограничительные концепции ассимиляции стал мультикультурализм.

Двумя основными принципами мультикультурализма являются признание права иммигрантов на сохранение своей культурной самобытности и принятие государством обязательства по созданию условий, способствующих равному политическому, экономическому и социальному участию всех членов общества независимо от культурных различий. Вместе с тем Т. Модуд

² Аккультурация (культурная ассимиляция) — принятие норм, ценностей и обычаев принимающего общества.

³ Структурная ассимиляция — включение иммигрантов в институты общества.

утверждает, что при мультикультурализме «различия не устраняются, не стираются, а в некоторой степени признаются» [14. Р. 36].

В отличие от модели ассимиляции, мультикультурализм рассматривает иммигрантов как людей с потенциалом и внутренней мотивацией принимать участие в жизни общества наравне с местным населением. При этом эта обязанность лежит прежде всего на принимающем обществе. Государственная политика при этом характеризуется как структуры возможностей, которые предоставляют «материальные и символические ресурсы, способствующие политической инкорпорации» иммигрантов [15. Р. 9]. Следовательно, права — не награда, а ресурс для интеграции. А лишение иммигрантов прав создает барьеры, ведущие к их изоляции и уменьшению возможностей.

Мультикультурализм пренебрегает необходимостью включения иммигрантов в общество из-за своего акцента на учете культурного разнообразия, затрудняя поиск «баланса между управляемостью и многообразием» [16. Р. 150]. Нередко, как показывает опыт ряда государств, применяющих мультикультурную модель, это приводит к противоречиям между разными общинами, а также общинами и местным населением. Так, в Великобритании и Нидерландах в связи с отсутствием комплексных мер по включению иммигрантов в сферу занятости появились этнические анклавные территории со своими собственными школами, магазинами и т.п.

Теракты в США и ряде стран Европы спровоцировали усиление негативных дискурсивных практик в отношении мультикультурной политики, понимая при этом вопросы обеспечения государственной безопасности, сохранения национальной идентичности и поддержания социально-экономической стабильности. Триггером к поиску альтернативной модели интеграции иммигрантов послужил европейский миграционный кризис 2015–2016 гг., который произошел на фоне ослабления европейской экономики.

Гражданская интеграция

Усиление крайне правых партий в европейских странах на фоне увеличения миграционных потоков, а также необходимость отказа от дихотомии «ассимиляция — мультикультурализм» способствовали «гражданскому повороту» и выработке модели гражданской интеграции. Под «гражданским поворотом» (*civic turn*) понимается парадигмальное изменение в политике интеграции иммигрантов, направленное на социализацию иммигрантов и предоставление впоследствии им правового статуса гражданина или резидента посредством прохождения языковых курсов, курсов по истории и культуре, необходимых для натурализации [17].

Гражданская интеграция, таким образом, предусматривает изучение иммигрантами языка и культуры страны проживания. Такие требования, по мнению теоретиков, способствуют улучшению социально-экономической интеграции иммигрантов [18]. Успешность прохождения языковых курсов и курсов по истории и культуре принимающего общества предопределяет

возможность натурализации в стране проживания. Следовательно, гражданство выступает как «награда», а не «стимул» к интеграции.

Какие черты лежат в основе модели гражданской интеграции? Во-первых, инклюзивность: интеграция поощряется вне зависимости от этнического происхождения или религиозных предпочтений. Во-вторых, активное участие: бремя по интеграции ложится на иммигранта. В-третьих, социальная сплоченность: сведение к минимуму разногласий и напряженности в обществе, воспитание чувства принадлежности к нему.

Как отмечают Э. Геддес, Л. Хадж Абду и Л. Брумат, «гражданская интеграция фактически является для многих стран первой последовательной национальной политикой интеграции иммигрантов» [19. Р. 157]. Несмотря на то что стратегии гражданской интеграции в европейских странах разнятся, необходимо выделить их общие черты: (1) заключение обязательных договоров об интеграции с иммигрантами, которые просят вид на жительство или подают заявление на получение гражданства; (2) сдача выпускного экзамена; (3) обязательное участие в языковых курсах и/или курсах об обществе и национальной истории; (4) почти полное освобождение высококвалифицированных и временных иммигрантов от программ гражданской интеграции.

Особая роль в модели гражданской интеграции отводится государству. Государства очерчивают нормативно-правовые рамки интеграции, в частности разрабатывают программы языковых курсов и курсов по истории и культуре. Более того, органы государственной власти (иногда — органы местного самоуправления) несут ответственность за внедрение в жизнь закрепленных на законодательном уровне политик. Важная роль государства заключается и в финансировании программ гражданской интеграции, поскольку предоставление адекватных ресурсов имеет решающее значение для обеспечения иммигрантов доступом к инструментам и возможностям, необходимым для успешной интеграции.

Помимо прочего, для эффективного содействия гражданской интеграции правительства устанавливают тесную связь с общественными и религиозными организациями, работодателями для оказания всесторонней поддержки и предоставления ресурсов иммигрантам. Порой правительства взаимодействуют с организациями иммигрантов, как это имеет место в Швеции [20].

Модель гражданской интеграции тем не менее не лишена недостатков. Так, политика гражданской интеграции приводит к «расслоению» иммигрантского населения в принимающих обществах [21. С. 133–134]. В частности, усиливается разрыв между низкоквалифицированными и высококвалифицированными иммигрантами. Политика гражданской интеграции приводит к исключению определенных категорий иммигрантов, в первую очередь самых бедных и наименее образованных. Однако такое положение дел вполне коррелирует с необходимостью европейских государств снизить финансовую нагрузку на государственные бюджеты. Именно трудоустройство, т.е. интеграция на рынке труда, является ключевой целью гражданской интеграции.

«Гражданский поворот» в политиках интеграции иммигрантов (на примере политики натурализации)

Воплощение в жизнь модели гражданской интеграции находит отражение в европейских политиках интеграции иммигрантов. Если ранее в академической литературе речь шла о национальных моделях интеграции [22; 23], то сегодня наблюдается их конвергенция⁴. Это обусловлено «провалом мультикультурализма», усилением роли крайне правых и популистских партий в странах Европы, а также секьюритизацией миграции. Кроме того, в странах Северной и Западной Европы наблюдается тенденция смещения фокуса внимания от политики интеграции, ориентированной на группы, к политике, направленной на отдельных иммигрантов. Все вышеизложенное обуславливает необходимость изучения «гражданского поворота» на конкретных примерах. В качестве кейсов в данном исследовании выбраны Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция.

Преыдущие исследования, рассматривавшие политики интеграции иммигрантов в Северной Европе, размещали страны на разрешительно-ограничительной шкале [25; 26]. Из всего набора политик интеграции мы уделили внимание политике натурализации, т.е. политике предоставления гражданства иммигрантам. Необходимость обращения к натурализации обусловлена тем, что гражданство, с одной стороны, определяет формальный статус индивида, закрепляя за ним права и обязанности, а с другой — символизирует принадлежность к политической нации, устанавливая связь между индивидом и государством. Натурализация выступает частью более широких государственных стратегий интеграции иммигрантов. Причем если одни государства рассматривают гражданство как «стимул», то другие видят в нем «награду». Так, до европейского миграционного кризиса датская политика натурализации характеризовалась как наиболее ограничительная, поскольку получение гражданства рассматривалось в качестве «награды» за «успешную» интеграцию иммигрантов в датское общество. В свою очередь шведская политика натурализации относилась к наиболее разрешительным, т.е. предоставление гражданства иммигрантам в начале процесса интеграции в шведское общество рассматривалось как «стимул».

Натурализация в **Дании** представляет собой сложный бюрократический процесс. Причем введение дополнительных требований происходило постепенно. В 2002 г. был увеличен период проживания на территории страны для получения гражданства, а также было введено требование о знании датского языка. В 2006 г. обязанностью иммигранта стало финансовое самообеспечение.

Реперной точкой стал миграционный кризис 2015–2016 гг., способствовавший введению дополнительных рестрикций. На сегодняшний день

⁴ Под конвергенцией понимается как «любое увеличение сходства между одной или несколькими характеристиками определенной политики (policy) в определенном наборе юрисдикций в течение определенного периода времени» [24].

заявителю необходимо проживать на территории страны не менее девяти лет, сдать тест на владение языком (на уровне B2) и тест на гражданство. Причем тест на гражданство включает в себя вопросы на знание основ датской культуры, истории и общества с множественным выбором. Еще одним условием для получения датского гражданства является финансовая самодостаточность, подтверждаемая полной трудовой занятостью на протяжении трех с половиной лет (30 часов в неделю или более) за последние четыре года. Кроме того, условием, исключающим возможность получения гражданства Дании, выступает судимость [27. С. 104].

В отличие от других североевропейских стран, **Исландия** лишь в 2007 г. приняла четкую программу интеграции иммигрантов, базовыми компонентами которой были обозначены демократия, права человека, социальная ответственность и индивидуальная свобода.

Иммигранты, проживающие в Исландии, могут претендовать на получение гражданства в случае, если они прожили в стране не менее семи лет, а также сдали тест на владение исландским языком. Язык для малочисленного исландского общества выступает отражением ценностей и культуры жителей страны, а для иммигрантов — инструментом скорейшей интеграции в общество в целом и на рынке труда в частности. В связи с этим правительство активно проводит языковую подготовку иммигрантов. Если ранее для получения вида на жительство и разрешения на работу языковые компетенции были обязательны только для граждан Европейской экономической зоны и Европейской ассоциации свободной торговли, то в настоящее время такие требования предъявляются и к выходцам из других регионов мира. Несмотря на то, что государство выдвигает подобного рода требования, языковые курсы оплачиваются самими участниками, за исключением безработных и недавно прибывших беженцев [28. Р. 21].

В **Норвегии**, с 1980-х гг. занимавшей промежуточную позицию между крайностями разрешительной и ограничительной политики, также наблюдаются изменения относительно натурализации. В 2017 г. в стране были внедрены требования по сдаче тестов на знание языка⁵, истории, культуры и общества для получения вида на жительство и гражданства. Тогда же было введено требование к доходу для постоянного проживания, апеллируя к тому, что «крайне важно, чтобы иммиграционные правила поощряли людей получать образование и устраиваться на работу, а не пассивно получать пособия по социальному обеспечению»⁶. Причем, невзирая на критику со стороны общественных организаций, требования относительно самообеспечения применяются и в отношении беженцев. Кроме того, изменения коснулись и продолжительности проживания на территории страны для беженцев, желающих

⁵ С 1 октября 2022 г. были увеличены требования к знанию норвежского языка на уровне B1 (ранее — A2).

⁶ Høringsnotat — endringer i utlendingslovgivningen (Innstramminger II). Regjeringen. 29.12.2015. URL: <https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/horing--endringer-i-utlendingslovgivningen-innstramminger-ii/id2469054> (accessed: 11.10.2024).

получить статус гражданина Норвегии: для них и членов их семей срок был увеличен с трех до пяти лет. В рамках символического акта иммигранты для получения гражданства приглашаются на церемонию, на которой приносят присягу на верность норвежскому государству [29. Р. 2628].

Финляндия, наряду с Исландией, до 1980-х гг. была страной чистой эмиграции, в отличие от скандинавских соседей [30]. Политика интеграции иммигрантов в Финляндии зиждется на концепции «активного гражданина» — иммигранта, не зависящего от государства всеобщего благоденствия и принимающего активное участие в общественных институтах и на рынке труда [31. Р. 847]. Однако демографические изменения, а также внешний контекст заставили Финляндию ужесточить требования к получению гражданства. Согласно предложениям, разработанным Министерством внутренних дел и одобренным парламентом, с 1 октября 2024 г. период проживания на территории Финляндии для получения гражданства увеличивается с пяти до восьми лет. Причем при расчете периода проживания будет учитываться только проживание по виду на жительство⁷. Вместе с тем представленные нововведения являются частью плана действий, презентованного Министерством внутренних дел: правительство планирует представить в парламент еще два пакета изменений, касающихся поднятия уровня финансовой самодостаточности и введения теста на гражданство. Нововведения планируются к представлению осенью 2024 г. и весной 2025 г. соответственно.

В отличие от Дании и Норвегии, где вопрос интеграции иммигрантов был политизирован [33], **Швеция** с 1970-х гг. проводила одну из самых разрешительных политик интеграции в Европе, делая акцент на правах вновь прибывших. Основным требованием для получения шведского гражданства было проживание на территории страны на протяжении пяти лет. Это способствовало тому, что более 80 % иммигрантов в течение 20 лет после прибытия в Швецию смогли натурализоваться [33. Р. 757]. Триггером для пересмотра политики натурализации послужил миграционный кризис, поставивший под сомнение шведскую модель ввиду дороговизны и сомнительных успехов по интеграции иммигрантов. В частности, в политический дискурс все чаще включаются идеи о необходимости сдачи теста на владение шведским языком на уровне A2 для получения как гражданства, так и постоянного вида на жительство. Правительство Швеции также подчеркивает потребность в сдаче тестов на знание шведской культуры и общества⁸.

Все изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что в странах Северной Европы наблюдается «поворот» в сторону более жестких требований к иммигрантам в части натурализации. Подобное изменение символизирует парадигмальный сдвиг в политиках интеграции

⁷ Reform of the Citizenship Act. Ministry of the Interior, Finland. URL: <https://intermin.fi/en/projects/reform-of-the-citizenship-act> (accessed: 11.10.2024).

⁸ More stringent requirements for Swedish citizenship. Government of Sweden. 19.09.2023. URL: <https://www.government.se/press-releases/2023/09/more-stringent-requirements-for-swedish-citizenship> (accessed: 11.10.2024).

иммигрантов — «гражданский поворот», обусловленный в первую очередь экономической целесообразностью.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что доминировавшие ранее модели ассимиляции и мультикультурализма исчерпали свой потенциал. Традиционные стратегии более не релевантны для решения сложных вопросов, возникающих в полиэтнических обществах, что заставляет государства Северной Европы пересматривать собственные политики интеграции иммигрантов.

На смену ассимиляции и мультикультурализму, доказавшим свою неэффективность на практике, приходит гражданская интеграция, направленная в первую очередь на трудовую занятость иммигрантов. Модель гражданской интеграции призвана снизить финансовую нагрузку на экономику государств путем отбора иммигрантов, готовых выполнять требования по интеграции (например, сдача тестов на знание языка, культуры принимающего общества). Таким образом, применение модели гражданской интеграции может способствовать созданию обществ, в которых иммигранты будут иметь равные возможности с местным населением, внося весомый вклад в развитие общества.

Кейсы Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции не только демонстрируют «гражданский поворот» в политиках интеграции иммигрантов, но и свидетельствуют об их конвергенции, что обусловлено введением все более схожих требований рестриктивного характера. Данные изменения могут послужить основой для формирования устойчивых — как в экономическом, так и в политическом плане — обществ, в которых гармонично сосуществуют различные культуры и обеспечивается социальная стабильность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Esping-Andersen G. *Social foundations of postindustrial economies*. New York: Oxford University Press; 1999.
2. Grillo RD, Danes and Others. In: Olwig KF, Pærregaard K. (eds). *The Question of Integration: Immigration, Exclusion and the Danish Welfare State*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing; 2011. p.266–276.
3. Bosswick W, Heckmann F. Social integration of immigrants: contribution of local and regional authorities. *European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions*. 2006. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/2007/integration-migrants-contribution-local-and-regional-authorities> (accessed: 07.10.2024).
4. Ryazantsev SV. *Trudovaya migratsiya v stranakh SNG i Baltii: tendentsii, posledstviya, regulirovanie* [Labour migration in the CIS and Baltic states: Trends, consequences, regulation]. Moscow: Formula prava; 2007. (In Russ.).
Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М. : Формула права, 2007. 576 с.
5. Varshaver EA. *Dvadsat' uspekhnykh praktik integratsii migrantov* [Twenty Successful Practices for Migrant Integration]. Moscow: Moscow Institute for Social and Cultural Programmes; 2014. (In Russ.).

- Варшавер Е.А. Двадцать успешных практик интеграции мигрантов. М. : Московский институт социально-культурных программ, 2014. 60 с.
6. Garcés-Mascareñas B, Penninx R. Introduction: integration as a three-way process approach? In: Garcés-Mascareñas B, Penninx R. (eds). *Integration Processes and Policies in Europe: Contexts, Levels and Actors*. Cham: Springer; 2016. p.1–9. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-21674-4>
 7. Dikici E. Integration as a three-way process and negotiation. In: Dikici E. (ed). *Transnational Islam and the Integration of Turks in Great Britain*. Cham: Palgrave Macmillan; 2021. p.113–138. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-74006-1>
 8. Bauböck R. *Migration and citizenship: legal status, rights and political participation*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2006. 129 p.
 9. Schinkel W. Against ‘immigrant integration’: For an end to neocolonial knowledge production. *Comparative Migration Studies*. 2018;1(6):1–17. <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0095-1>
 10. Gordon MM. *Assimilation in American life: The role of race, religion, and national origins*. New York: Oxford University Press; 1964.
 11. Ziyank S. Critically assessing classic assimilation theory and alternative perspectives for immigrants and the second generation in the United States. *Race, Gender & Class*. 2015;22 (1–2):143–149.
 12. Alba RD, Nee V. *Remaking the American mainstream: Assimilation and the new immigration*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2003.
 13. Volkov YuG, Kurbatov VI. The concept of multiple identity: different research approaches. *Sociology*. 2022;(5):202–212. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1812-9226-2022-5-202-212>
Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Концепт множественной идентичности: разные исследовательские подходы // Социология. 2022. № 5. С. 202–212. <https://doi.org/10.24412/1812-9226-2022-5-202-212>
 14. Modood T. *Multiculturalism*. 2nd ed. Cambridge: Polity Press; 2013. <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeosm129.pub2>
 15. Bloemraad I. *Becoming a citizen: Incorporating immigrants and refugees in the United States and Canada*. Berkeley, CA: University of California Press; 2006.
 16. Ivanov VG. Limitations of diversity: implications for civil society and political stability. In: Hogan P, George VA, Toralba TC. (eds). *Building Community in a Mobile/Global Age: Migration and Hospitality*. Washington, DC: The Council for Research in Values and Philosophy, 2013. p.147–152.
 17. Butenko VA. “The civic turn” in the policy of integration of immigrants in Sweden. *PolitBook*. 2020;(1):129–146. (In Russ.).
Бутенко В.А. «Гражданский поворот» в политике интеграции иммигрантов в Швеции // PolitBook. 2020. № 1. С. 129–146.
 18. van Liempt I, Nijenhuis G. Socio-economic participation of Somali refugees in the Netherlands, transnational networks and boundary spanning. *Social Inclusion*. 2020;8(1):264–274. <https://doi.org/10.17645/si.v8i1.2434>
 19. Geddes A, Hadj Abdou L, Brumat L. *Migration and Mobility in the European Union*. 2nd ed. London: Red Global Press; 2020.
 20. Hudson C, Sandberg L, Sundström K. Integrating the immigrant the Swedish way? Understandings of citizenship and integration in Swedish local civic integration projects. *Journal of Intercultural Studies*. 2023;44(4):553–569. <https://doi.org/10.1080/07256868.2022.2107624>
 21. Tsapenko IP. For fresh approaches to the socio-cultural integration of migrants. *Demographic Review*. 2018;5(4):125–149. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8665>
Цапенко И.П. Поиски новых подходов к социокультурной интеграции мигрантов // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 4. С. 125–149. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8665>
 22. Bertossi C, Duyvendak J. National Models of Immigrant Integration: The Costs for Comparative Research. *Comparative European Politics*. 2012;(10):237–247. <https://doi.org/10.1057/cep.2012.10>

23. Heckmann F. National modes of immigrant integration. In Bosswick W, Husband C (eds.). *Comparative European research in migration, diversity and identities*. Bilbao: University of Deusto; 2005:99–111.
24. Knill C. Introduction: Cross-national policy convergence: Concepts, approaches and explanatory factors. *Journal of European Public Policy*. 2005;12(5):764–774.
25. Jensen KK, Fernández C, Brochmann G. Nationhood and Scandinavian Naturalization Politics: Varieties of the civic turn. *Citizenship Studies*. 2017;21(5):606–624. <https://doi.org/10.1080/13621025.2017.1330399>
26. Midtbøen AH. Citizenship, integration and the quest for social cohesion: Nationality reform in the Scandinavian countries. *Comparative Migration Studies*. 2015;3(3):1–15. <https://doi.org/10.1007/s40878-015-0002-y>
27. Kapitsyn VM, Magomedov AK, Shaparov AE. Immigration policy and integration of migrants in the Kingdom of Denmark at the beginning of the XXI century. *Baltic Region*. 2022;14(2):98–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-7>
Капицын В.М., Магомедов А.К., Шапаров А.Е. Иммиграционная политика и интеграция мигрантов в Королевстве Дания в начале XXI века // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 2. С. 98–114. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-7>
28. Dís Skaptadóttir U, Innes P. Immigrant experiences of learning Icelandic and connecting with the speaking community. *Nordic Journal of Migration Research*. 2017;7(1):20–27. <https://doi.org/10.1515/njmr-2017-0001>
29. Midtbøen AH, Brochmann G, Erdal MB, Kruse M, Jensen KK, Bevelander P, Mouritsen P, Bech EC. Assessments of citizenship criteria: are immigrants more liberal? *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2020;46(13):2625–2646. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1756762>
30. Thorhallsson B, Elínardóttir JS. The Nordic states: keeping cool at the top? In: Baldacchino G, Wivel A. (eds). *Handbook on the Politics of Small States*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2020. p.113–130. <https://doi.org/10.4337/9781788112932>
31. Haapajärvi L. On the importance of playing house: belonging work and the making of relational citizens in Finnish immigrant integration policies. *Politics & Policy*. 2021;49:842–865. <https://doi.org/10.1111/polp.12420>
32. Brochmann G, Midtbøen AH. Philosophies of integration? Elite views on citizenship policies in Scandinavia. *Ethnicities*. 2021;21(1):146–164. <https://doi.org/10.1177/1468796820950453>
33. Vink M, Tegunimataka A, Peters F, Bevelander P. Long-term heterogeneity in immigrant naturalization: the conditional relevance of civic integration and dual citizenship. *European Sociological Review*. 2021;37(5):751–765. <https://doi.org/10.1093/esr/jcaa068>

Информация об авторах:

Бутенко Владислав — кандидат политических наук, эксперт факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; доцент кафедры политических наук, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Россия, 125009, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1 (e-mail: vladislav_butenko@list.ru) (ORCID: 0000-0001-6400-3137) (SPIN-код: 4815-8598)

Чекмазов Алексей Игоревич — магистр зарубежного регионоведения (европейский регион), независимый исследователь, Россия, Москва (e-mail: chekmazov.ai@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-9486-0348) (SPIN-код: 7114-7487)

Information about the authors:

Vladyslav Butenko — PhD in Political Science, expert of the Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitckaya Street, Moscow, Russian Federation, 101000; Associate Professor of the Department of Political Science, Moscow School of Social and Economic Sciences, 3–5 Gazetny Lane, bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 125009 (e-mail: vladislav_butenko@list.ru) (ORCID: 0000-0001-6400-3137) (SPIN-code: 4815-8598)

Aleksei Chekmazov — Master in European Studies, independent researcher, Moscow, Russian Federation (e-mail: chekmazov.ai@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-9486-0348) (SPIN-code: 7114-7487)

СЛОВО СТУДЕНТАМ, АСПИРАНТАМ И МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

ARTICLES OF STUDENTS, POSTGRADUATE AND YOUNG SCIENTISTS

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-4-485-494

EDN: FMNDJE

Научное сообщение / Notes

Московский опыт применения технологии «умного сноса» жилых домов

А.С. Мишин , А.В. Новикова , С.И. Попов

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
 novikova-av@rudn.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы реконструкции старого жилищного фонда и сопутствующего ей улучшения действующей инфраструктуры для более рационального использования городских территорий и, как следствие, улучшения условий жилищной среды граждан и качества их жизни. Затронуты вопросы утилизации строительных отходов как побочного продукта работ по реновации. Приведен ряд мер, позволяющих регулировать обращение с отходами строительства, сноса и грунта (внедрение мобильного приложения «Мобильный КПТС» и др.). Рассмотрен порядок обращения с отходами строительства, сноса и грунта согласно Приказу Министерства экологии Московской области от 25 февраля 2021 г. № 134-РМ. Цель исследования — анализ применения технологии «умного сноса» жилых домов в городской среде и контроля вывоза строительных отходов с объектов реновации для их последующей переработки в материалы, пригодные для вторичного использования с целью снижения загрязнения окружающей среды.

Ключевые слова: реновация, утилизация, технология сноса, экология, вторичная переработка, отходы строительства, отходы сноса, отходы грунта

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции обзора, написании текста рукописи, формулировке выводов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 01.10.2024; принята к публикации: 07.12.2024.

Для цитирования:

Мишин А.С., Новикова А.В., Попов С.И. Московский опыт применения технологии «умного сноса» жилых домов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 4. С. 485–494. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-485-494>

© Мишин А.С., Новикова А.В., Попов С.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The experience of using “smart demolition” technology for residential buildings in Moscow

Andrey S. Mishin , Anastasia V. Novikova ✉, Sergey I. Popov

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ novikova-av@rudn.ru

Abstract. This study discusses the issues related to the reconstruction of old housing stock and the corresponding improvement of existing infrastructure for more efficient use of urban areas, which, in turn, leads to better living conditions for citizens and an improved quality of life. It also addresses the issue of construction waste disposal as a by-product of renovation works, outlining a number of measures to regulate the handling of construction, demolition, and excavation waste (CD&E waste) (e.g., the mobile app “Mobile hard — and software unit”). The study also examines the procedures for dealing with construction, demolition, and soil waste in accordance with the Ministry of Ecology of the Moscow Region Order No. 134-RM, dated February 25, 2021. The aim of the study is to analyze the application of the technology of “smart demolition” of residential buildings in urban environments and the control of construction waste removal from renovation sites, followed by recycling into materials suitable for secondary use in order to reduce environmental pollution.

Keywords: renovation, disposal, technology demolition, ecology, recycling, construction waste, demolition waste, excavation waste

Contribution. All the authors participated in the development of the concept of this review, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 01.10.2024. The article was accepted on 07.12.2024.

For citation:

Mishin AS, Novikova AV, Popov SI. The experience of using “smart demolition” technology for residential buildings in Moscow. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(4):485–494. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-485-494>

Введение

Реновация происходит от латинского слова (*renovatio* — обновление, воз- обновление). Это процесс обновления, замещения выбывающих в результа- те физического и морального износа элементов основных производственных фондов новыми¹. Как правило, данный процесс напрямую направлен на улуч- шение жилищной среды граждан, а также условий и качества их жизни.

Проблематика данного исследования рассматривались в работах, каса- ющихся благоустройства территорий и землепользования, утилизации твер- дых бытовых отходов, концепции зеленого строительства, повышения каче- ства городской среды и управления «умным городом» [1–6].

¹ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов; РАН, Ин-т линг- вист. исслед. Санкт-Петербург : Норинт, 1998. 1535 с.

Предпосылкой программы реновации, действующей в московском регионе, стало постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О развитии жилищного строительства в СССР», изданное 13 июля 1957 г.² Документ положил начало строительству «хрущевок» (получивших в народе такое название по имени Н.С. Хрущева, первого секретаря ЦК КПСС и председателя советского правительства) и ликвидации коммунальных квартир с целью улучшения жилищных условий граждан. На окраинах города Москвы начали появляться микрорайоны из пятиэтажек с малогабаритными квартирами и лестничными клетками, но в то время это было намного лучше, чем коммунальные квартиры. Спустя десятилетия нынешним жильцам данные жилые комплексы кажутся маленькими по сравнению с новыми многоквартирными домами, обладающими большими площадями и намного более функциональными жилищными условиями, но раньше эти квартиры считались роскошным жильем. Как экономически не выгодным, так и крайне затратным представлялся процесс капитального ремонта «хрущевок», так как здания невозможно было реконструировать, поскольку процесс построения и технологии возведения этому не способствовали. «Хрущевки» имели недостаточно толстые наружные стены и теплозащитные свойства.

Мэр г. Москвы Юрий Лужков в конце 1990 гг. подписал первую программу сноса пятиэтажек в столице. Действие этой программы было регламентировано постановлением Правительства Москвы от 6 июля 1999 г. № 608 «О задачах комплексной реконструкции районов пятиэтажной застройки первого периода индустриального домостроения до 2010 года»³. Основная цель этого документа заключается в переходе на комплексную реконструкцию районов, где сосредоточены массовые пятиэтажные строения, возведенные в первое время индустриального строительства.

21 февраля 2017 г. на встрече между Президентом России В.В. Путиным и мэром Москвы С.С. Собяниным обсуждалась инициатива по созданию программы, направленной на снос всех пятиэтажных зданий в столице. 1 июля 2017 г. был принят Федеральный закон № 141-ФЗ, который внес изменения в действующий Закон Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации», а также в некоторые другие законодательные акты. Этот закон конкретизирует особенности регулирования отдельных правоотношений, связанных с проектами реновации жилищного фонда в Москве, которая является

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 5 томах: Сб. док. за 50 лет. Т. 4. 1953–1961 гг. М. : Политиздат, 1968. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355256> (дата обращения: 19.09.2024).

³ Постановление от 06.07.1999 г. № 608 «О задачах комплексной реконструкции районов пятиэтажной застройки первого периода индустриального домостроения до 2010 года» (В редакции Постановления Правительства Москвы от 01.11.2005 г. № 860-ПП). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=120037072&backlink=1&&nd=120022203> (дата обращения: 19.09.2024).

городом федерального подчинения⁴. Документ подвергся ряду изменений, тем не менее, 14 июня 2017 г. он был утвержден Государственной Думой в третьем (окончательном) чтении: за его принятие высказались 399 депутатов, против — 2. 28 июня Совет Федерации также одобрил этот документ (147 сенаторов проголосовали за, 4 воздержались). Принятие программы, схожей с программой 1999 г., было невозможно, так как в период с 2001 по 2004 г. были разработаны и приняты Земельный, Жилищный и Градостроительный кодексы, которые вступили в конфликт с данной программой. Анатолий Константинов занял 26 сентября 2017 г. пост главы Фонда содействия реновации жилищного фонда (данная некоммерческая организация является заказчиком строительства), ранее он являлся генеральным директором Домостроительного комбината № 1 (ДСК-1). По программе, жителей домов, подлежащих сносу, следует переселить в новое жилье, которое находится в том же районе или соседствующем с ним. Для жителей Зеленоградского административного округа и Новой Москвы переселение осуществляется в пределах округа. Важным аспектом является, то, что общая и жилая площадь новых квартир будет не менее, чем в старых — это гарантирует сохранение комфортабельных условий для жизни, также новые квартиры должны иметь равнозначное количество комнат и качественный ремонт. В Москве в мае 2017 г., по данным МВД РФ⁵, прошло согласованное с властями шествие, которое закончилось митингом. Митингующих беспокоило то, что будет произведен снос домов, находящихся в пригодном для жилья состоянии, и что им могут предоставить равнозначное по метражу, но не по стоимости жилое помещение. Шествие было направлено против реновации ветхого жилья.

Особенности применения технологии «умного сноса» домов

Технология «умного сноса» домов была впервые апробирована в районе Северное Измайлово 23 августа 2018 г. По данной технологии был снесен пятиэтажный дом, попавший под программу реновации.

А.Н. Шмелева и М.Б. Рыбаков в [7] дают описание процесса демонтажа домов, который проходит несколько этапов. Вначале осуществляется отключение здания от всех инженерных сетей, после чего начинается его разборка на составные части. Отходы, такие как стекло, дерево, пластик и металл, сортируются отдельно для удобства последующей транспортировки на специализированные площадки (полигоны), где они подвергаются переработке для

⁴ Федеральный закон от 01.07.2017 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей регулирования отдельных правоотношений в целях реновации жилищного фонда в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201707010003> (дата обращения: 26.09.2024).

⁵ Официальная информация // Пресс-служба ГУ МВД России по г. Москве. 28.05.2017. URL: <https://77.мвд.рф/news/item/10350268> (дата обращения: 26.09.2024).

повторного использования. На следующем этапе производится снос железобетонной конструкции с использованием спецтехники, оснащенной гидравлическими ножницами. Для сокращения объема пыли, возникающей при сносе строения, применяются гидропушки, распыляющие воду под высоким давлением. При этом уровень шума снижается благодаря установке специальной защитной стены из сетки, располагаемой со стороны жилых домов.

Основными принципами «умного сноса» домов являются: безопасность, экологичность, минимум шума и пыли, а также максимальная переработка отходов и повторное их использование (рис.)⁶. Глава московского департамента строительства А.Ю. Бочкарёв в интервью «РИА Недвижимость» отметил: «При применении технологии «умного сноса» возможно переработать и повторно использовать до 90 % строительного мусора, возникающего в процессе реновации»⁷.

Этапы «умного сноса» строений

Источник: URL: <https://stroj.mos.ru/infographics/tiekhnologhiia-umnogho-snosa-zdaniy> (дата обращения: 26.09.2024).

⁶ Технология «умного сноса» зданий. URL: <https://stroj.mos.ru/infographics/tiekhnologhiia-umnogho-snosa-zdaniy> (дата обращения: 26.09.2024).

⁷ «Умный снос» позволит Москве повторно использовать до 90 % мусора реновации // РИА. Новости. 25.10.2018. URL: <https://realty.ria.ru/20181025/1531456678.html> (дата обращения: 19.09.2024).

«Умный снос» направлен на значительное улучшение и поддержание экологической ситуации в стране. Так одним из безусловных плюсов «умного сноса» является возможность максимально сохранить окружающие деревья — их закрывают специальными коробами, чтобы уберечь от повреждений. Также в отличие от обычного сноса, при «умном сносе» отходы могут пойти во вторичную переработку — например, дробление керамических отходов в крошку для отсыпки пешеходных дорожек или переработка стекла в стекловату, кровельного покрытия в гудрон. Данная технология хоть и несколько замедляет сам процесс сноса, но существенно сокращает объемы отходов.

Для эффективного мониторинга и управления реализацией технологии «умного сноса» жилых домов на правительственном уровне был разработан и утвержден ряд мер, позволяющих регулировать обращение с отходами строительства, сноса и грунта (ОССиГ).

Так, согласно Постановлению Правительства Москвы от 26 августа 2020 г. № 1386-ПП «О порядке обращения с отходами строительства и сноса в Москве»⁸, лица, производящие отходы, обязаны следить за массогабаритными и/или габаритными показателями вывозимых отходов, а также за их объемом и транспортом, который осуществляет их вывоз. Для обеспечения эффективного мониторинга результатов измерений на контрольном пункте отходопроизводителя ответственное лицо должно воспользоваться мобильным приложением «Мобильный КПТС».

Приложение разрабатывалось для контроля и координации перемещения строительных отходов. Пользователи приложения могут указать начальную и конечную точку маршрута перевозчика, так же важным аспектом является разрешение на перемещение отходов.

При регистрации пользователь подтверждает электронную почту для идентификации пользователя, осуществляющего вход в приложение. Чтобы у пользователя не было возможности указать некорректные данные касательно транспортного средства и вида отхода, который оно транспортирует, приложение запрашивает ряд фотографий, например: фотографию номера государственного регистрационного знака и фотографию заполненного кузова.

Все данные, которые пользователь передает приложению, хранятся в защищенном виде на серверах Департамента информационных технологий города Москвы.

Распоряжением Министерства экологии Московской области от 25 февраля 2021 г. № 134-РМ «Об утверждении Порядка обращения с отходами строительства, сноса зданий и сооружений, в том числе грунтами, на территории

⁸ Постановление от 26 августа 2020 г. № 1386-ПП «Об утверждении Порядка обращения с отходами строительства и сноса в городе Москве» (В редакции постановлений Правительства Москвы от 12.05.2021 № 602-ПП, от 23.12.2021 № 2173-ПП). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=120047772&backlink=1&nd=120273494> (дата обращения: 19.09.2024).

Московской области»⁹ был установлен порядок управления ОССиГ на территории Московской области. Это распоряжение было разработано с целью минимизации негативного воздействия отходов производства и потребления на здоровье людей и окружающую среду. Оно так же направлено на снижение количества образуемых отходов и их включение в хозяйственный оборот. Кроме того, данный документ предусматривает создание универсальных норм и требований по организации процессов обращения с ОССиГ в регионе, а также формирование системы учета и контроля за процессом обращения с ОССиГ, начиная с момента их возникновения и заканчивая утилизацией или вовлечением в повторное использование.

Согласно распоряжению, для выделения вторичных ресурсов и разделения потенциально опасных категорий отходов, подлежащих утилизации на специализированных объектах переработки, на объекте реновации необходимо проводить сортировку, а также отдельное складирование и накопление отходов строительства, сноса и грунта по отдельным категориям или группам однородных материалов. Эти действия должны осуществляться в строгом соответствии с требованиями и нормами, установленными законодательством Российской Федерации.

Классификация вышеупомянутых отходов должна проводиться по различным видам или группам однородных материалов. Это необходимо делать в соответствии с направлениями их утилизации, включая повторное использование, а также предусматривать формирование следующих категорий (групп однородных ОССиГ):

- 1) смешанные (несортированные) ОССиГ, с содержанием примесей более 5 %;
- 2) отходы бетона и железобетона (продукции на цементной основе), а также бой кирпичных строений и обрезки асфальтового покрытия (асфальтобетона);
- 3) отходы материалов для строительства на основе пластмасс и полимеров (ПЭ, ПВХ, ПНД);
- 4) отходы строительных грунтов;
- 5) бой стекла;
- 6) отходы теплоизоляционных материалов;
- 7) отходы древесных материалов;
- 8) отходы лома черных и цветных металлов.

Вторичная переработка рассматривается на примере бетона и железобетона (продуктов на цементной основе), а также вторичного использования боя кирпичных строений и асфальтобетона. Полученный в результате дробления и сортировки отходов щебень (в дальнейшем именуемый как щебень, продукция или изделия) применяется в строительных целях.

⁹ Распоряжение Минэкологии МО от 25.02.2021 N 134-PM (ред. от 29.11.2021) «Об утверждении Порядка обращения с отходами строительства, сноса зданий и сооружений, в том числе грунтами, на территории Московской области» URL: <https://docs.cntd.ru/document/603204313> (дата обращения: 22.09.2024).

Варианты использования:

- при строительстве и благоустройстве территорий;
- для устройства основания проезжей части временных дорог на строительных и производственных объектах;
- для устройства основания котлована под технику;
- в качестве инертных материалов для технологических нужд полигонов твердых бытовых и производственных отходов, объектов рекультивации.

Использование щебня из строительного боя не разрешается в капитальном строительстве, а также для благоустройства и планировки на территориях с повышенными рисками, таких как образовательные учреждения, спортивные комплексы, игровые и детские площадки в жилых районах, а также рекреационные зоны и подобные объекты.

Производство щебня осуществляется в нескольких фракциях, а именно: 0–5 мм; 5–20 мм; 20–40 мм; 40–70 мм; 70–100 мм.

Пример обозначения товара в процессе оформления заказа и/или в других документах:

«Щебень вторичный из отходов сноса и строительства»
ТУ 23.61.12-003-44921646-2020

Виды щебня, произведенного из строительных отходов:

- Бетонный (ГОСТ 25137–82. Материалы нерудные строительные, щебень и песок плотные из отходов промышленности, заполнители для бетона пористые). Это смесь, состоящая из частиц цементного камня различных размеров. По своим характеристикам он немного уступает природному материалу по прочности, однако в целом полностью отвечает требованиям ГОСТа. Его разрешается использовать во всех случаях, когда по технологии нет необходимости в применении стройматериалов более высокого качества.
- Кирпичный (измельченный гранулированный бой кирпича). Этот материал наиболее подходит для создания дренажных систем, а также звуко- и теплоизоляции стен. Бой кирпича нередко используется для подсыпки под строительные фундаменты и для прокладки трасс на заболоченных участках. Он также подходит для приготовления строительных смесей, требования к прочности которых невысоки. Бой шамотного кирпича по стоимости выше силикатного, и его можно использовать в качестве наполнителя в огнеупорных растворах.
- Асфальтная крошка (ГОСТ Р 55052–2012. Гранулят старого асфальтобетона. Технические условия). Содержит примесь битума, мелкофракционного щебня (размером до 5 мм), а также песок и другие материалы. Данный материал получают путем холодного фрезерования в процессе удаления старых дорожных покрытий. В отличие от обычного щебня, этот материал обладает большей влагостойкостью и не вылетает из-под колес автомобилей во время движения. Измельченный асфальт так же находит применение в создании дорожек на дачах и в садах, для автостоянок, на второстепенных дорогах, а также в строительстве спортивных объектов и при засыпке отмоستок. К недостаткам данного материала можно отнести наличие

битума, который, являясь продуктом переработки нефти, не может быть полностью признан экологически безопасным.

Щебень не должен содержать посторонних примесей¹⁰.

Требования к материалам и приобретенным изделиям:

- Используемое сырье должно быть безопасным для здоровья человека и не причинять вред экологии при всех предусмотренных условиях его применения.
- Запрещено использовать железобетон, который подвержен коррозии под воздействием агрессивных промышленных жидкостей (например, кислот или щелочей) в качестве исходного материала.
- Качество, равно как и основные свойства сырья, должны быть подтверждены официальными документами, подтверждающими его соответствие установленным стандартам. Если отсутствуют такие документы на конкретный материал, то необходимо провести на заводе-изготовителе все требуемые испытания в процессе производства щебня.
- При производстве вторичного щебня из ОССиГ в качестве исходных материалов может использоваться следующее: лом бетонных, железобетонных изделий в смеси; лом кирпича; лом дорожного полотна автомобильных дорог.

Заключение

Применение технологии «умного сноса» жилых домов с последующей вторичной переработкой и применением полученного после этого материала может быть экономически выгодным и технологически эффективным решением задач городского развития. Однако необходимо учитывать особенности данной технологии и возможности ее применения на каждом объекте для достижения максимальных результатов.

Опыт применения технологии «умного сноса» в Москве показывает значительное снижение затрат на материальные ресурсы, что влечет за собой снижение себестоимости и повышение эффективности производства, а также уменьшение отрицательного влияния на экологию через повторную переработку отходов производства и потребления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова И.С., Белалов Т.А., Жданова А.Б. Устойчивое развитие как концепция повышения качества городской среды моногородов // Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. № 4. С. 505–515. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-505-515>
2. Баталов С.В. Совершенствование системы управления мониторинга обращения с опасными отходами строительства // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. № 9. С. 6–11. <https://doi.org/10.21209/222792452021279611>

¹⁰ ТУ 23.61.12-003-44921646-2020. Щебень вторичный из отходов строительства и сноса.

3. Головенчик Г.Г. Концепция умный город: генезис, приоритетные направления, развития, проблемные аспекты и рейтинги // Журнал Белорусского государственного университета. Экономика. 2020. № 1. С. 103–117.
4. Колодяжный С.А., Золотухин С.Н., Абраменко А.А., Артемова Е.А. Снос зданий и использование материалов, образующихся при реновации городских территорий // Вестник МГСУ. 2020. Т. 15. № 2. С. 271–293. <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2020.2.271-293>
5. Политическое участие в «умном городе»: региональное измерение / под ред. О.Е. Гришина, В.А. Подобуевой. М. : Русайнс, 2022. 94 с.
6. Харлашкина Т.А., Попов С.И., Новикова А.В. Политика утилизации твердых коммунальных отходов в городе Москве // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 1 (89). С. 159–165. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.89.1.016>
7. Шмелева А.Н., Рыбаков М.Б. Инструменты цифровой экономики при реализации программы реновации жилья в г. Москве // Век качества. 2019. № 4. С. 144–166.

Информация об авторах:

Мишин Андрей Сергеевич — магистрант по направлению «Государственное и муниципальное управление», Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (ORCID: 00009-0004-9726-5204) (e-mail: 1032220679@rudn.ru).

Новикова Анастасия Владимировна — старший преподаватель очно-заочного и заочного отделения факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (ORCID: 0009-0001-3609-9036) (e-mail: novikova-av@rudn.ru).

Попов Сергей Иванович — кандидат политических наук, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (ORCID: 0000-0003-2171-5817) (SPIN-код: 9513-2598) (e-mail: popov-si@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-4-495-505

EDN: DUDIUL

Brief review / Краткий обзор

Human relations in management: A critical analysis of neo-classical theory

Uthman O. Adigun¹ , Isaac O. Okunade²

¹University of Lagos, *Lagos State, Nigeria*

²University of Skövde, *Västra Götaland County, Sweden*

 adigunuthmanopeyemi3080@gmail.com

Abstract. The field of management sciences has introduced numerous philosophy relevant to both theoretical and practical applications. One such approach is the Neo-Classical Management Philosophy, which emphasizes the human aspect of organisations. This study critically examines the application of neo-classical theory and their relevance to the practice of human relations. Drawing from a comprehensive review of literature and empirical research, the study explores the core concepts of neo-classical management philosophy, highlighting its significance in shaping modern management practices. The findings reveal that the strength of the neo-classical theory lies in its emphasis on individuals, work groups, and participative management, which are pivotal for achieving organisational goals. The study concluded that the neo-classical theory principles are relevant in human relations practice. These principles of addressing human issues, encouraging staff participation in decision making, emphasis on workers motivation plays an important role in effectively addressing human issues and ensuring managerial effectiveness. However, the study also concluded that limitations such as overlooking other important organisational factors such as organisational structure, procedures, and technology hinders the practical application of the theory in modern managerial practice. Consequently, the study recommends adopting a holistic and integrated management strategy that incorporates both structural elements and human-centric principles for effective managerial outcomes.

Keywords: group dynamics, managerial practice, organisational behavior, participative management

Contribution. All the authors participated in the development of the concept of this review, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 21.09.2024. The article was accepted on 10.11.2024.

For citation:

Adigun UO, Okunade IO. Human relations in management: A critical analysis of neo-classical theory. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(4):495–505. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-495-505>

Теория человеческих отношений в управлении: критический анализ

У.О. Адигун¹ , И.О. Окунэйд²

¹Университет Лагоса, *Лагос, Нигерия*

²Университет Шевде, *Лен Вестра-Гёталанд, Швеция*

 adigunuthmanopeyemi3080@gmail.com

Аннотация. В области наук управления существует широкий спектр философских теорий, имеющих как теоретические, так и практические приложения. Одним из таких подходов является неоклассическая философия управления, которая подчеркивает человеческий аспект деятельности организации. Критически рассмотрены применение неоклассической теории человеческих отношений и ее актуальность для изучения современной практики. Опираясь на всесторонний обзор литературы и эмпирические исследования, авторы исследовали основные концепции неоклассической философии управления, подчеркивая ее значение в формировании современной управленческой практики. Результаты проведенного исследования показывают, что сила неоклассической теории заключается в ее акценте на отдельных людях, рабочих коллективах и совместном управлении, которые имеют решающее значение для достижения организационных целей. Более того, представленное исследование подчеркивает важность решения человеческих проблем и поощрения участия персонала в принятии решений как ключевых принципов человеческих отношений. Однако авторы выявляют ограничения в практическом применении положений рассмотренной теории, в т.ч. чрезмерный акцент на поведенческих элементах в ущерб техническим и структурным аспектам. Кроме того, отсутствие в теории учета внешних факторов, необходимых для эффективного управления, снижает ее применимость в современной практике. Следовательно, рекомендуется принять целостную и интегрированную стратегию управления, которая включает в себя как структурные элементы, так и человекоориентированные принципы для достижения эффективных управленческих результатов.

Ключевые слова: групповая динамика, управленческая практика, организационное поведение, партисипативное управление

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции обзора, написании текста рукописи, формулировке выводов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 21.09.2024. Статья принята к публикации 10.11.2024.

Для цитирования:

Adigun U.O., Okunade I.O. Human relations in management: a critical analysis of neo-classical theory // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 4. С. 495–505. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-4-495-505>

Introduction

Management theories evolved to answer the issues that business organisations face [1]. Both classical and neoclassical approaches contributed to this evolution. The classical approach, which included uniform notions about organisational administration, emerged in the late nineteenth and early twentieth century.

According to Majhi and Dansana [2], this perspective, which emerged during the industrial revolution, is based on efficiency ideas. By the late nineteenth century, the widespread adoption of industrial production and the formation of large-scale organisations need effective management practices to motivate personnel and increase productivity. Murschetz, Salamzadeh, and Khan [3] emphasized that this demand resulted in classical management theories, with important contributions from Frederick Taylor, Henri Fayol, and Max Weber, who introduced essential ideas such as Taylor's Scientific Management, Fayol's Administrative Management, and Weber's Bureaucratic Management.

According to Kaul [4], neoclassical theories emerged in response to classical theories' overemphasis on mechanical and physiological components of management. These neoclassical theories took a more focused on people approach, stressing the study of individual needs, motivations, actions, and attitudes inside companies. During the 1920s and 1930s, two important schools of thought emerged inside the neoclassical theory umbrella: the Human Relations School and the Behavioural School [5]. In the late 1920s and early 1930s, Elton Mayo and his colleagues' Hawthorne experiments made an important contribution to the Behavioural viewpoint. This time period also witnessed the birth of the Human Relations Movement, which included concepts such as Douglas McGregor's Theory X and Theory Y [6].

Neo-Classical Theory represented a pivotal evolution from classical approaches because of its role in human interactions. **The study aims** to examine the Neo-Classical Theory of Management Philosophy, its foundational principles, strengths, and limitations in the context of contemporary organisational dynamics. Also, the study presents a critical analysis into the theory's relevance and practical contributions in the managerial work practice.

The Classical Management Approach

The classical management theory, which evolved in the nineteenth and early twentieth centuries, was established during a period when firms prioritized large-scale production and aimed to enhance productivity and operational efficiency [7]. According to this theoretical paradigm, management is a structural notion that applies universally, regardless of particular circumstances or contexts [8]. According to Burawoy [9], the ideas of classical management theory are still very applicable in modern management practices, especially when distinguishing between operational and managerial tasks. Anglin et al. [10] added that this approach advocates for clearly delineated tasks and promotes mutual cooperation between employers and employees, thereby enhancing productivity and efficiency.

According to Mandysova [11], the classical school of management is distinguished by a highly structured framework that emphasizes formal organisation with well-defined functions, comprehensive regulations, and authoritarian leadership. Taylor, Fayol, and Weber were the most prominent adherents of classical theory, each of whom articulated precise rules and

processes for achieving such organisational structure. Neoclassical theorists, on the other hand, recognized the significance of individual and group behaviour, with a strong emphasis on human relationships. Nhema [12] emphasizes the relevance of classical management theories in his research of modern public administration, stating that classical ideas provided a firm basis and robust mechanism for transparency. However, Rogers [13] highlighted the limits of the classical approach, stating that it predominantly evaluated physiological elements while ignoring psychological issues, treating the company as a machine and its employees as mere components, resulting in inadequacies. The subsequent section focuses on the neo-classical approach to management.

Neo-Classical Approach of Management

The Hawthorne studies in the 1920s gave rise to the Neo-Classical approach to management, which emerged in response to classical theory's shortcomings. Gunbayi and Sorm [14] emphasized that the traditional strategy was primarily concerned with jobs and machinery, which finally led to opposition from employees due to an absence of interpersonal and psychological pleasure. As a result, the focus moved to the human components of management. George Elton Mayo (1890–1949) is regarded as the pioneer of neoclassical thought. Mayo led the team that carried out the legendary Hawthorne Experiments at the Western Electric Company in the United States from 1927 to 1932. According to Hussain, Haque, and Baloch [15], the neoclassical theory regarding leadership is made up of three main components: the Hawthorne experiment, the human relations movement, and organisational behaviour.

Hawthorne Experiments: The Hawthorne studies, conducted at the Western Electric Company in the United States between 1927 and 1932, yielded significant insights into individual and group behaviour [16]. Initially sponsored by General Electric, this research was led by Elton Mayo and his associates. In one notable experiment, researchers observed changes in productivity in response to variations in working conditions. The findings from the Hawthorne studies and subsequent experiments underscored the critical importance of the human element in the workplace [17]. The Hawthorne experiments are categorized into four distinct stages: the Illumination Experiments, the Relay Assembly Test Room Experiments, the Mass Interviewing Program, and the Bank Wiring Observation Room Study.

Illumination Experiments: The initial phase aimed to investigate the impact of lighting on worker productivity. Researchers [17; 18] adjusted the levels of illumination in the work environment to observe any corresponding changes in productivity. However, productivity increased regardless of whether the lighting was improved or dimmed. This phenomenon, later termed the “Hawthorne Effect”, suggested that workers’ performance was influenced more by the attention they received from researchers than by physical changes in the work environment [19].

Relay Assembly Test Room Experiments: During this phase, a small group of female employees was isolated and studied under a variety of conditions, including shifts in work hours, breaks, and incentives. The goal was to determine how different variables affected productivity and tiredness. According to Mali and Lim [20], the results showed that efficiency increased continuously, not necessarily owing to physical modifications, but because employees felt more appreciated and engaged as a result of the social environment and the researchers' interest in their job. This emphasised the role of social variables and worker satisfaction in determining productivity.

Mass Interviewing Program: During this phase, a small group of female employees was isolated and studied under a variety of conditions, including shifts in work hours, breaks, and incentives. The goal was to determine how different parameters affected productivity and tiredness. According to Mali and Lim [20], the results showed that efficiency increased continuously, not necessarily owing to physical modifications, but because employees felt more appreciated and engaged as a result of their social setting and the researchers' curiosity in their job. This emphasised the role of social variables and worker satisfaction in determining productivity.

Bank Wiring Observation Room Study: During this phase, a small group of female employees was isolated and studied under a variety of conditions, including shifts in work hours, breaks, and rewards. The goal was to determine how different characteristics influenced productivity and tiredness. Nhema [12] found that productivity regularly grew, not because of physical changes, but rather employees felt more appreciated and engaged as a result of the social environment and the researchers' keen interest in their job. This emphasised the importance of social variables and worker satisfaction in determining productivity.

Human Relation Movement: Many theorists in the subject of human relations studied interpersonal and social ties within organisations, drawing inspiration from the Hawthorne Experiments. The human relations movement was greatly aided by research conducted by Rensis Likert, Douglas McGregor, Frederick Herzberg, Keith Davis, and Abraham Maslow. According to this movements, the nature of relationships, group norms, and social conditioning all have a major role in how employees react in the workplace.

Organisational Behaviour: Group dynamics was first studied by a number of psychologists and sociologists, including Chris Argyris and Homans the field of organisational behaviour was developed by Kurt Lewin, Katz, Kahn, and others. It entails examining how people behave, think, and act in both individual and group settings within organisations. According to Cartwright [21], this strategy which is an upgraded and expanded form of the human relations movement — became known as the behavioural approach. The application of knowledge derived from behavioural sciences (psychology, sociology, anthropology, etc.) to management issues is multifaceted and interdisciplinary. It is also known as the behavioural science approach as a result.

Evaluation of the Neo-Classical Approach

The neo-classical approach built on the findings of the Hawthorne Approach by incorporating ideas from sociology, psychology, and other behavioural sciences, with a focus on motivation, interpersonal relationships, and social dynamics in work environments. Neo-Classical Theory of Management provides a comprehensive framework that reinterprets conventional organisational paradigms by emphasizing the value of the individual, work groups, and participative management. Gaeta et al. pointed out that this theory's fundamental principle is the understanding that every person is more than just a cog in the organisational machine and that they each have distinct feelings, goals, and abilities [22]. The neoclassical theory of management emphasizes three key elements that distinguish it from the classical approach: the individual, work groups, and participative management [23].

The Individual: The significance of individual differences among workers is emphasized by neoclassical theory. This viewpoint, according to Oyibo [24], recognizes that every employee has distinct emotions, sentiments, ambitions, aspirations, and expectations, all of which have an impact on their conduct and output. Neoclassical theorists contend that employees are complicated people with unique social and psychological demands, not just rational economic agents [25]. According to Gunbayi and Sorm [14], employee satisfaction and productivity are highly influenced by social and psychological aspects. For example, the researchers found that worker efficiency rose not only as a result of physical modifications in the workplace but also as a result of the workers' care and concern from the researchers.

According to Jenkins [19], the neo-classical method also placed a renewed emphasis on theories of motivation, which examined what motivates workers to produce and how their needs may be satisfied to increase output. The most well-known contribution in this field is Abraham Maslow's Hierarchy of Needs which indicates that human wants are ranked from most fundamental physiological demands to safety, esteem, love and belonging, and eventually self-actualization. When lower-level psychological wants are met, people are driven by higher-level psychological demands. Thus, managers must thus recognize and respond to these unique needs in order to effectively inspire employees and raise job satisfaction.

Work Groups: Neoclassical theory places a strong emphasis on the recognition of informal work groupings and their impact on employee behaviour. The Hawthorne studies conducted by Elton Mayo shown the noteworthy influence of informal groups on worker satisfaction and productivity. These studies also showed that social conventions and interactions inside the group had a greater impact on workers' performance than did financial incentives or physical working conditions. According to Wachter [26], neoclassical theorists see the workplace as a social structure with formal and informal components, in which employees are not solitary individuals but rather members of unofficial groups created via social interactions. Thus, in order to achieve the best possible organisational functioning, managers need to understand group dynamics and figure out how to merge informal groupings with formal structures [27].

Participative Management: The neoclassical theory's emphasis on participative management is a third essential component. Employee participation in decision-making, according to proponents, is essential for boosting commitment and motivation. Hu [28] asserts that neoclassical philosophy is intrinsically employee-centric, suggesting that workers ought to participate in the planning of employment operations and content. By using the expertise and creativity of frontline staff, participatory management improves decision-making while also increasing employee fulfillment [12]. Scholars like Douglas McGregor and Rensis Likert promoted a more democratic, team-focused leadership approach.

Furthermore, Scheiring [27] added that neo-classical management theory likewise emphasizes communication and leadership heavily. Motivating staff members and fostering a positive work atmosphere are said to require effective leadership. Neo-classical theorists support more democratic and participatory approaches to management, in contrast to the authoritarian leadership styles typical of classical management. These leadership philosophies feature motivating, encouraging, and sympathetic leaders who may uplift their teams. Furthermore, open and transparent channels of communication are essential to guaranteeing that information circulates freely inside the company, which promotes openness and trust. Moreover, group dynamics and organisational culture are recognized as significant factors by the neo-classical approach [27]. Macke and Genari [30] further pointed out that the theory recommends managers foster an environment that is congruent with the objectives and values of both the organisation and its employees. This alignment helps in creating a cohesive and motivated workforce [31].

The neoclassical theory represents a significant shift in management thought by prioritizing the human element in organisational analysis. Its emphasis on individual differences, informal groups, and participative management marks a departure from the mechanistic perspective of classical theory. However, the neoclassical theory also has limitations, which will be evaluated in the following section.

Critical Analysis

The Human Relations Approach, despite pioneering a shift towards a more human-centric perspective in management, is not without its limitations. These constraints underscore the challenges and shortcomings of relying solely on human relations principles to address organisational complexities. It is challenging to create accurate theories and models, as in traditional management, because human behaviour is complicated and frequently unpredictable. Thus, Noble [32] noted that the dependence on the Hawthorne studies as the cornerstone of the Human Relations Approach introduces a significant limitation. Similarly, critics such as [4] have argued that the conclusions drawn from these studies are based more on clinical insight than empirical evidence, thereby casting doubt on their scientific validity. Consequently, Bomanaziba and Dennis [33] concluded that the foundation upon

which many human relations principles are built may lack the rigor and reliability necessary for a robust management theory.

According to Blados [34], neoclassical theory is merely an expansion and modification of classical methodologies rather than a comprehensive theory of management. It is made up of disparate viewpoints and methods without a consistent underlying philosophy and lacks a cohesive framework. Aksom [8] also mentioned that the Human Relations Approach may unintentionally overlook important elements like organisational structure, procedures, and technology since it places too much emphasis on psychological factors at the expense of structural and technological considerations. As a result, an excessive emphasis on interpersonal relationships may mask more significant systemic problems and impede comprehensive problem-solving.

Moreover, McConnell [35] considered the neo-classical theory overly optimistic and unreasonable to assume that interventions in human interactions can fully address every organisational problem. Research shows that problems in organisations often have several causes, such as market forces, technology disruptions, and structural inefficiencies [31]. When addressing these complex problems, relying solely on human relations principles may result in inadequate and surface-level solutions that ignore the underlying systemic problems [36].

Furthermore, as emphasized by Alcaraz et al. [37], the Human Relations Approach frequently overlooks other important elements including market dynamics, regulatory settings, and technical improvements in favor of human variables. This narrow emphasis can make it more difficult for businesses to take a thorough and flexible approach to problem-solving. Additionally, according to Sharma et al. [38], placing a strong emphasis on collective decision-making might induce biases and inefficiencies even while it also encourages creativity and innovation. Organisational agility and effectiveness may be hampered by these processes, which may lead to conflict, hesitation, or pressure to conform.

Conclusion

The Neo-Classical Theory of Management, which highlights the value of the person, work groups, and participative management. This approach's strengths are found in its acknowledgment of human issues and encouragement of staff participation in decision-making. The theory does, however, have several significant flaws, such as its propensity to ignore the structural and technical aspects of management and its dependence on presumptions that might not always hold true in real-world situations.

From the study perspective, the neoclassical theory cannot be regarded as a comprehensive or whole theory of management, even though it acknowledges the human factor, which is a significant progress in management philosophy. Its practical application is limited by its overemphasis on behavioural elements and disregard of technical and structural aspects. Effective organisational functioning

in the modern period requires a balanced strategy that integrates both classical and neoclassical ideas. As a result, managers need to take into account both the technical and human aspects of their companies, utilizing insights from behavioural science to inspire and involve employees while simultaneously upholding effective procedures and organisational structures.

Moving further, it is essential to implement a well-rounded and integrated management strategy that takes structural factors and human-centric concepts into account. This involves a few crucial steps: In order to fully comprehend the limitations of the Neo-Classical Theory and to empirically confirm its principles in a variety of organisational contexts, more study needs to be done. In order to provide a more comprehensive approach to management, frameworks that combine structural and technical factors with human relations concepts need also be developed. Furthermore, funding programs for training and development is necessary to improve managers' abilities to navigate the complexity of contemporary businesses. This entails handling the technical and people sides of management together with effectiveness.

REFERENCES

1. Migunov RA, Syutkina AA. Classical and neoclassical economic theory: Fundamentals of regulation for the agricultural sector. In: *BIO Web of Conferences*. 2024;82. <https://doi.org/10.1051/bioconf/20248205031>
2. Majhi P, Dansana A. Understanding schools in the context of classical and neo-classical theories of management. *The Online Journal of Distance Education and e-Learning*. 2021;9(1):181–185.
3. Murschetz PC, Salamzadeh A, Khan BF. Media business model management: A synopsis. In: *Handbook of Media and Communication Economics: A European Perspective*. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden 2022;12(8):1–14. https://doi.org/10.1007/978-3-658-34048-3_19-2
4. Kaul K. Administrative theories: Comparison between classical and scientific management theory. *International Journal of Management and Humanities* 2020;3(2):14–98.
5. Vuori J, Aher K, Kylänen M. The influence of Weber and Taylor on public sector organisations' communication. *The Handbook of Public Sector Communication*. 2020;3(11):115–125. <https://doi.org/10.1002/9781119263203.ch7>
6. Kumar P. Analysis the impact of classical management approaches on the management practices. *Asian Journal of Management* 2017;8(3):841–53. <http://doi.org/10.5958/2321-5763.2017.00132.9>
7. Bulturbayevich MB, Ikromjonovich TI. History of the development of management theory and practice. In: *Conference Zone*. 2021. URL: <https://www.conferencezone.org/index.php/cz/article/view/99>
8. Aksom H, Firsova S. Structural correspondence between organisational theories. *Philosophy of Management*. 2021;20:307–336. <https://doi.org/10.1007/s40926-021-00163-3>
9. Burawoy M. Why is classical theory classical? Theorizing the canon and canonizing Du Bois. *Journal of Classical Sociology* 2021;21(3–4):245–259. <https://doi.org/10.1177/1468795X211036955>
10. Anglin AH, Kincaid PA, Short JC, Allen DG. Role theory perspectives: Past, present, and future applications of role theories in management research. *Journal of Management*. 2022;48(6):1469–1502. <https://doi.org/10.1177/01492063221081442>
11. Mandysová I. Classical management biases and behavioral approach comprehension. *Scientific papers of the University of Pardubice*. 2019;27(2):114–123.

12. Nhema AG. Relevance of classical management theories to modern public administration: A review. *Journal of Public Administration and Governance* 2015;5(3):165–179. <https://doi.org/10.5296/jpag.v5i3.8337>
13. Rogers Y. *HCI Theory: Classical, Modern, and Contemporary*. Morgan & Claypool Publishers; 2012.
14. Günbayi I, Sorm S. Paradigms in guiding management approaches and theories: classical, neoclassical, modern and postmodern theories. *International Journal on New Trends in Education and Their Implications*. 2019;10(2):39–55.
15. Hussain N, Haque A, Baloch A. Management theories: The contribution of contemporary management theorists in tackling contemporary management challenges. *Journal of Yasar University*. 2019;(14):156–169. <https://doi.org/10.19168/jyasar.635061>
16. Griffin EA. *A first look at communication theory*. McGraw-Hill; 2006.
17. Gaiardelli P, Resta B, Dotti S. Exploring the role of human factors in lean management. *International Journal of Lean Six Sigma*. 2019;10(1):339–366. <https://doi.org/10.1108/IJLSS-08-2017-0094>
18. Sanders EJ, Mayo, E. The fruitful legacy of an intellectual explorer. In: DB Szabla (ed.). *The Palgrave Handbook of Organisational Change Thinkers*. Cham: Springer International Publishing. 2021:1047–1066. https://doi.org/10.1007/978-3-030-38324-4_17
19. Jenkins S. The legacy of the human relations school: looking back and moving forward. In: K Townsend, K Cafferkey, AM McDermott, T. Dundon (eds.) *Elgar introduction to theories of human resources and employment relations*. 2019:82–96. <https://doi.org/10.4337/9781786439017.00012>
20. Mali D, Lim HJ. Can the introduction of a research-informed teaching intervention enhance student performance and influence perceptions? *Accounting Education*. 2022;31(3):322–346. <https://doi.org/10.1080/09639284.2021.2014914>
21. Cartwright S. *The Blackwell encyclopedia of management*. Human resource management. Blackwell Publishers Ltd; 2021. 488 p.
22. Gaeta GL, Ghinoi S, Silvestri F, Tassinari M. Innovation in the solid waste management industry: Integrating neoclassical and complexity theory perspectives. *Waste Management*. 2021;120:50–58. <https://doi.org/10.1016/j.wasman.2020.11.009>
23. Matthews MJ, Kelemen TK. To compare is human: A review of social comparison theory in organisational settings. *Journal of Management*. 2025;51(1):212–248. <https://doi.org/10.1177/01492063241266157>
24. Oyibo CO, Gabriel JM. Evolution of organisation theory: A snapshot. *International Journal of Innovation and Economic Development*. 2020;6 (3):46–56.
25. Moosmayer DC, Waddock S, Wang L, Hühn MP, Dierksmeier C, Gohl C. Leaving the road to Abilene: A pragmatic approach to addressing the normative paradox of responsible management education. *Journal of Business Ethics* 2019;(157):913–932. <https://doi.org/10.1007/s10551-018-3961-8>
26. Wachter ML. Chapter 2 Neoclassical labor economics: its implications for labor and employment law. *Research Handbook on the Economics of Labor and Employment Law*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing; 2012, p. 20–51. <https://doi.org/10.4337/9781781006115.00007>
27. Scheiring G, King L. Deindustrialization, social disintegration, and health: a neoclassical sociological approach. *Theory and Society*. 2023;(52):145–178. <https://doi.org/10.1007/s11186-022-09476-2>
28. Hu M. From the classics to new tunes: A neoclassical view on sharing economy and innovative marketplaces. *Production and Operations Management*. 2021;30(6):1668–1685. <https://doi.org/10.1111/poms.13330>
29. Tche J. Testing classical and neo-classical models on banks in Africa. *African Journal of Economic and Sustainable Development*. 2024;9(4):391–409. <https://doi.org/10.1504/AJESD.2024.139154>
30. Macke J, Genari D. Systematic literature review on sustainable human resource management. *Journal of Cleaner Production*. 2019;208:806–815 <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.10.091>
31. Al-Khajeh EH. Impact of leadership styles on organisational performance. *Journal of Human Resources Management Research*. 2018;2018:1–10. <https://doi.org/10.5171/2018.687849>

32. Noble M. Rethinking Sympathy and Human Contact in Nineteenth-Century *American Literature: Hawthorne, Douglass, Stowe, Dickinson*. Cambridge University Press; 2019.
33. Bomanaziba I, Dennis AP. the rational behind the functionality of the multiple theories of management: a theoretical overview. *European Journal of Research and Reflection in Management Sciences*. 2018;6(2):108–118.
34. Blados C. The classical and neoclassical theoretical traditions and the evolutionary study of the dynamics of globalization. *Journal of Economics and Political Economy*. 2019;6(3):257–280.
35. McConnell KJ, Lindrooth RC, Wholey DR, Maddox TM, Bloom N. Modern management practices and hospital admissions. *Health Economics*. 2015;25(4):470–485. <https://doi.org/10.1002/hec.3171>
36. Kitana A. Overview of the managerial thoughts and theories from the history: Classical management theory to modern management theory. *Indian Journal of Management Science*. 2016;6(1):16–21.
37. Alcaraz JM, Susaeta L, Suarez E, Colon C, Gutiérrez-Martínez I, Cunha R, Leguizamón F, Idrovo S, Weisz N, Correia MF, Pin JR. The human resources management contribution to social responsibility and environmental sustainability: explorations from Ibero-America. *The International Journal of Human Resource Management*. 2017;30(22):3166–3189. <https://doi.org/10.1080/09585192.2017.1350732>
38. Sharma C, Sakhuja S, Nijjer S. Recent trends of green human resource management: Text mining and network analysis. *Environmental Science and Pollution Research*. 2022;29:84916–84935. <https://doi.org/10.1007/s11356-022-21471-9>

Information about the authors:

Uthman O. Adigun — MSc Student of the Department of Employment Relations and Human Resource Management, University of Lagos (UNILAG), RM 203 Eyo Ita Crescent, Akoka Yaba, Lagos, 101212, Nigeria (ORCID: 0009-0005-3189-0581) (e-mail: adigunuthmanopeyemi3080@gmail.com).

Isaac O. Okunade — MSc student in the School of Business studying, Leadership and Organisational Development (University of Skövde), 34b st. Agatan, Tibro, Sweden, 43330 (ORCID: 0000-0001-7280-4209) (e-mail: okunadepropty@yahoo.com)

Информация об авторах:

Адигун Утман О. — магистрант кафедры трудовых отношений и управления человеческими ресурсами, Университет Лагоса (UNILAG), Нигерия, 101212, Лагос, Аюка Яба, Эйю Ита Кресент, RM 203 (ORCID: 0009-0005-3189-0581) (e-mail: okunadepropty@yahoo.com)

Окунэйд Исаак О. — магистрант Школы бизнеса, изучающий лидерство и организационное развитие, Университет Шведе, Швеция, 43330, Тибро, ул. Агатан, 34Б (ORCID: 0000-0001-7280-4209) (e-mail: okunadepropty@yahoo.com)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
